

**ЧАСТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ»**

На правах рукописи

Гатауллина Наталья Анатольевна
**КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ
АМЕРИКАНСКОГО ДОГОВОРНОГО ПРАВА**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Научный руководитель –
доктор филологических наук, доцент
Киселёва С.В.

Санкт-Петербург

2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретические предпосылки исследования терминологии американского договорного права	18
1.1 Когнитивный подход в лингвистических исследованиях	18
1.2 Концептуализация и категоризация в системе языковых явлений.....	27
1.3 Концептуальные схемы и модели представления знаний	34
1.3.1 Таксономическое и линейное представление знаний	35
1.3.2 Концептуальная метафора.....	36
1.3.3 Сценарий	39
1.4 Проблемы когнитивного терминоведения	42
1.5 Вопросы когнитивной семантики термина	46
1.5.1 Проблема синонимии термина	46
1.5.2 Проблема антонимии термина.....	52
1.5.3 Полисемия термина. Содержательное ядро термина и терминосистемы	53
1.6 Терминология договорного права США	64
1.6.1 Актуальность исследования терминологии договорного права США ..	64
1.6.2 Национальные особенности терминосистемы американского договорного права	68
1.6.3 Становление предметной области и терминологии американского договорного права	73
1.6.4 Теория общественного договора как фоновое знание для теории договорного права	82
Выводы по Главе 1	87
Глава 2. Семантические и когнитивные характеристики терминологии американского договорного права	89
Раздел I Семантические характеристики терминологии договорного права США.....	89
2.1.1 Классификация терминов предметной области американского договорного права	89
2.1.2 Семантические явления в терминологии договорного права США.....	93
2.1.2.1 Синонимия в терминологии договорного права США	93
2.1.2.2 Антонимия в терминологии договорного права США	103

Раздел II Когнитивные особенности терминологии договорного права США	111
2.2.1 Сценарий CONTRACT	111
2.2.2 Концептуальная модель CONTRACT	122
2.2.3 Содержательное ядро и когнитивный образ кластера <i>Contract Essentials</i>	129
2.2.4 Содержательное ядро и когнитивный образ термина <i>consideration</i> ...	136
2.2.5 Концептуальная метафора CONTRACT	145
2.2.5.1 Концептуальная метафора CONTRACT IS A VALUABLE POSSESSION	146
2.2.5.2 Система концептуальных метафор CONTRACT IS A CONTAINER, CONTRACT IS A BUILDING, CONTRACT IS A VEHICLE	147
2.2.5.3 Концептуальная метафора CONTRACT IS A CONTEST	150
2.2.6 Когнитивные особенности термина <i>social contract</i>	154
2.2.6.1 Содержательное ядро термина <i>social contract</i>	154
2.2.6.2 Структурные особенности концептосферы SOCIAL CONTRACT .	159
2.2.6.3 Концептуальная метафора SOCIAL CONTRACT	163
2.2.6.3.1 Концептуальная метафора SOCIAL CONTRACT IS A BUILDING	163
2.2.6.3.2 Концептуальная метафора SOCIAL CONTRACT IS A FRAGILE / BROKEN THING	167
Выводы по Главе 2	172
Заключение	177
Список литературы	180
Список словарей и сокращений	196
Приложение 1. Содержательное ядро АДП	200
Приложение 2. Список терминологических сокращений в тексте	205

Введение

Начало XXI века ознаменовалось значительными изменениями в экономической, политической, социальной, научно-технической и информационной областях жизни общества. Мир стал глобальным, информация – широко доступной, взаимопроникновение сфер профессиональной деятельности нарастает лавинообразно, влияние политики на все сферы человеческой деятельности усиливается. Юридическая сфера, и, в частности, сфера договорного права, которая регулирует все вышеперечисленные сферы, требует переосмысления, систематизации, рассмотрения с точки зрения когнитивных наук, в том числе, когнитивной лингвистики. Описание терминологических систем с позиции семиотики позволяет глубже понять сущность терминологической системы и отдельного термина, его места и значения в ментальном пространстве, взаимовлияния ключевых идей, стоящих за знаками профессиональной деятельности. Когнитивный подход вносит свой вклад в осмысление причинно-следственных связей и механизмов внутри терминосистем, что позволяет понять динамическую природу систем в целом и тенденций их развития.

Понятие договор (*contract*), как ключевое понятие системы договорного права, требует переосмысления с когнитивной точки зрения, изучения аспектов договора, которые ранее не рассматривались когнитологами, а именно: структура концептосферы договорного права, происходящие в ней прототипические процессы, взаимосвязь концептосферы отрасли со смежными областями знания, в первую очередь, с концептосферой политики.

В настоящем диссертационном исследовании представлены результаты когнитивного и семантического анализа терминологии американского договорного права и рассмотрены прототипические процессы в терминосистеме с использованием адаптированной методики выявления содержательного ядра лексической единицы. Использование метода моделирования позволило определить концептуальные образы терминосистемы в виде модели сценария, иерархической и линейной моделей и их комбинации, системы образов концептуальной метафоры.

Интерес к терминологии американского договорного права и выбор исследовательских средств вызван интересом к двойственной природе данной концептосферы: с одной стороны, ее компактности, с другой, функционирования отдельных терминов в нескольких областях права, в экономической, коммерческой, социальной и политической сферах. Кроме того, взаимосвязь понятий *contract* и *social contract* с лингвистической точки зрения изучена фрагментарно, что обусловило выбор понятия *social contract* как фонового знания.

Выбор темы исследования, таким образом, определен в первую очередь наличием очевидной ниши в когнитивно-семантической систематизации современной терминосистемы договорного права США и той значительной ролью, которую она играет в бизнесе и коммерции, в экономике и политике.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. В первую очередь, новые тенденции в развитии когнитивного терминоведения сделали задачу исследования сущности термина с позиций его семиотической природы актуальной. Когнитивная лингвистика накопила огромный опыт в проведении корпусных исследований, в моделировании объекта исследования с помощью инструментов «концептуальная метафора» и «сценарий». Эти достижения позволили в данной работе многоаспектно рассмотреть терминосистему и ее ключевые термины, построить концептуальные модели ключевых терминов и процессов терминосистемы договорного права США.

Особое внимание уделено содержательному ядру терминосистемы и описанию прототипического сценария как гаранта исковой силы договора. В аспекте взаимодействия терминологических областей, это дало возможность построить модель концептуального образа двух ключевых рассматриваемых терминов: *contract*, как ключевого понятия исследования, и *social contract* как фонового знания. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию внутренних связей терминосистемы, особенностей восприятия человеком процесса договора на социальном и коммерческом уровне, что в свою очередь, дает ключ к пониманию договора как коммерческого, юридического и социального феномена.

Степень разработанности научной проблемы

Изучению англоязычной юридической терминологии, ее структурным, системным, лингвистическим, экстралингвистическим и когнитивным аспектам, российские ученые уделяют много внимания. За последние 10 лет по данной тематике выполнены исследования таких ученых, как: О.А. Алимуратов, Л.В. Власова, Е.В. Волгина, Н.П. Глинская, К.В. Данилов, В.А. Иконникова, Д.С. Кожеватова, О.В. Косоногова, Ю.А. Кузнецова, М.В. Малащенко, Н.А. Мартынова, Н.Ю. Мартышко, М.М. Миронова, Т.П. Некрасова, И.В. Палашевская, Е.П. Попова, А.В. Раздубев, Т.С. Росянова, Э.В. Семенова, С.П. Хижняк, и многие другие. Тем не менее, работ в сфере англоязычной терминологии договорного права мало, и они, в первую очередь, затрагивают вопросы перевода. На фоне стабильного и нарастающего интереса специалистов-юристов, экономистов и политологов к вопросам права, в том числе англо-американского и американского, и, в частности, договорного права США, терминология договорного права и ее когнитивные аспекты остаются недооцененным лингвистами. Когнитивные исследования в этой области остро актуальны. В связи с этим, результаты данного комплексного исследования, проведенного только в домене американского варианта английского языка, представляются заполнением довольно существенного пробела.

Прототипические явления выбранной системы, недостаточно описаны. Концептуальная метафора, метафорическое образное представление концептов системы, структура концептосферы американского договорного права изучены не в полной мере, описание когнитивного сценария американского договора найдено не было. В когнитивном терминоведении моделирование становится одним из ведущих трендов, как в России, так и за рубежом. Данное исследование сосредоточено в значительной степени именно на этих когнитивных аспектах представления терминосистемы.

Целью исследования является проведение комплексного когнитивно-семантического изучения терминологии договорного права США, выявление концептуальной структуры области, ключевых концептов, репрезентации их метафорических образов, и определения их взаимосвязи с фоновым знанием.

Поставленные цели продиктовали решение следующих **задач**:

- 1) изучить и разграничить понятия «единица общей лексики», «термин», «понятие», «концепт», «концептосфера»;
- 2) определить тематическую структуру области договорного права США на основании современных лексикографических и терминографических источников для последующего моделирования содержательного ядра терминосистемы;
- 3) исследовать семантические особенности синонимии, антонимии и полисемии в терминосистеме;
- 4) уточнить методику выявления содержательного ядра слова-термина и терминосистемы в целом, адаптировать ее в соответствии с целями и задачами работы, с помощью нее выявить структуру содержательного ядра ключевых терминов американского договорного права;
- 5) проанализировать процессы концептуализации в системе, выявить концептуальную структуру и концептуальное ядро терминосистемы, ее ценностное ядро, содержательное ядро ключевых терминов американского договорного права, прототипический сценарий терминосистемы;
- 6) рассмотреть понятие *social contract* как фоновое знание для понятия *contract*, сопоставить концептуальные образы данных понятий, репрезентированные в текстах СМИ США;
- 7) представить результаты исследования в виде модели прототипического сценария, иерархической и линейной моделей, комбинированной модели, а также модели концептуальной метафоры с учетом фоновых знаний;

Гипотеза исследования заключается в предположении, что концептосфера CONTRACT – AGREEMENT – SOCIAL CONTRACT представляет собой единую систему, ядро концептосферы CONTRACT содержит ценностный компонент, управляющий семантический элемент этой терминосистемы, который репрезентирует ключевые ценности сторон договора.

Объектом исследования являются юридические термины американского договорного права и их кластеры, обладающие национально-правовым

компонентом содержания. Объект исследования ограничен по отраслевому признаку (договорное право) и по территориальному признаку (США).

Предметом исследования выступают когнитивные и структурно-семантические особенности американской терминологии договорного права.

Теоретической основой работы стали положения *теоретического терминоведения* (Е.И. Голованова, Б.Н. Головин, С.В. Гринев-Гриневич, Р.Ю. Кобрин, В.М. Лейчик, А.В. Суперанская, С.Д. Шелов и др.), *когнитивного терминоведения* (Е.И. Голованова, А.В. Ивина, В.А. Иконникова, Т.А. Клепикова, И.В. Кононова, Л.А. Манерко, Е.А. Нильсен, В.Ф. Новодранова, И.Б. Руберт, С.П. Хижняк, и др.), *юридической терминологии* (С.П. Хижняк и др.), *когнитивной лингвистики* (Н.Д. Арутюнова, И.К. Архипов, Н.А. Беседина, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, С.В. Киселева, Е.С. Кубрякова, М.В. Никитин, С.А. Песина, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, А.П. Чудинов, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ж. Факонье, М. Тернер, и др.), *лексической семантики* (Ю.Д. Апресян, Анна А. Зализняк, М.В. Никитин, З.А. Харитончик, и др.), *психолингвистики* (Г. Бейтсон, Р. Дилтс). При отборе источников теоретической основы исследования и при создании корпуса текстов исследования использованы электронные базы данных: SCOPUS – реферативная база данных, и одновременно указатель научного цитирования, РИНЦ – библиографическая база данных научных публикаций российских учёных, и фонд диссертаций Российской Государственной библиотеки.

Материалом исследования послужили 1108 юридических терминов американского договорного права, отобранные из **4 юридических словарей**: Black's Law Dictionary (2009), Law Dictionary by Steven H. Gifis. Barons (2016), West's Encyclopedia of American Law (2008), Oxford Dictionary of Law (2003); **7 юридических онлайн словарей**: Merriam-Webster Dictionary. Law domain [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/>, Webster's New World Law Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://websters.yourdictionary.com/>, Free online dictionary / legal-dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com/>, LAW.COM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.law.com/>,

Duhaime's Law Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duhaime.org/dictionary/>, Legal Dictionary. Contract Law Terms [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legaldictionary.net/contract-law/>, Nolo's Free Dictionary Of Law Terms. Legal Definitions from A to Z [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nolo.com/dictionary>; **6 авторитетных сайтов, рассматривающих современные вопросы американского договорного права:** Harvard Law Review. Contract Law [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://harvardlawreview.org/topics/contract-law/>, American Bar Association. Public Contract Law Journal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.americanbar.org/groups/public_contract_law/publications/, USLegal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uslegal.com/>, Law Library. American Law and Legal Information. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawteacher.net/>, Attorneys at Law [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mccaberabin.com/>, Washington and Lee University of Law. Law Library [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawlib.wlu.edu/LJ/index.aspx>; **5 авторитетных общеязыковых словарей американского языка:** The American Heritage Dictionary of the English language (2011), Longman Dictionary of American English (2009), Longman Dictionary of Contemporary English Webster's (2003), Collins English Dictionary (2003), Random House Kernerman Webster's College Dictionary (2010); **6 электронных общеязыковых словарей американского языка:** Merriam-Webster Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/>, Cambridge Dictionary on-line [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/>, Cambridge Academic Content Dictionary online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/>, COBUILD Advanced English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/us/>, а также, статьи по тематике американского договорного права (АДП) авторов с аффилиацией США реферативной базы данных SCOPUS и бесплатной берлинской научно-исследовательской социальной сети RESEARCH GATE, 35 книг современных американских исследователей-юристов (Barnett, 2011; Fried, 1981;

Knapp, 2013; Mcleod I., 2010; Nolfi, 2009; Orsinger, 2015; Perillo, 2000; и др.), учебных пособий по юридической терминологии и терминологии договорного права США. При переводе терминов с английского языка на русский использовался международный словарь ABBYY Lingvo Live [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/en-ru/>.

Для решения поставленных задач в работе использованы следующие **методы** исследования: метод сплошной выборки, дефиниционный, контекстуальный и компонентный методы анализа, метод прототипической семантики и статистический анализ количественных и процентных характеристик, сравнительный анализ, метод выявления содержательного ядра, анализ частотности, контент-анализ (метод выявления семантического ядра текста, SEO-анализ сервиса advego.com).

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается на теоретическом и практическом уровнях. Теоретической базой исследования стали положения, изложенные в работах российских и зарубежных ученых, исследователей в областях терминоведения, когнитивного терминоведения, когнитивной лингвистики и лексической семантики. Практическая достоверность обеспечивается использованием полной выборки языкового материала по авторитетным словарям и работам специалистов в области американского договорного права с проверкой актуальности терминологии по надёжным юридическим ресурсам. Основные результаты данного исследования опубликованы в рецензируемых научных изданиях.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности

В соответствии со специальностью 10.02.04 «Германские языки» в рамках диссертационной работы осуществляется исследование лексической подсистемы английского языка, который относится к группе германских языков. Полученные научные результаты соответствуют паспорту специальности 10.02.04 «Германские языки» в части изучения функционирования лексических единиц английского языка, а именно, терминологических единиц как особых единиц для специальных целей, изучения взаимосвязи лексики общего английского языка и

профессиональной терминологии, выявления путей развития и способов пополнения словарного состава английского языка. Настоящее исследование проведено на основе корпуса современного американского языка СОСА и корпуса научных текстов реферативной базы данных SCOPUS, отобранных по тематике диссертации, что соответствует требованию в части корпусных исследований языка.

Научная новизна работы заключается в том, что в ходе исследования терминосистемы американского договорного права реализован комплексный когнитивно-семантический подход, включающий лингвистические, семиотические и психолингвистические модели; ключевая терминология представлена многоаспектно, в виде нескольких моделей: модели содержательных ядер, сценарной, иерархической, линейной и образной моделей. Раздельное рассмотрение содержательного ядра термина в общеязыковой и терминологической сферах, с последующим выявлением связующих элементов между общеязыковым и терминологическим содержательным ядром, позволило определить структуру концепта отдельного термина, структуру концептосферы, а также взаимосвязь концептосфер терминосистемы.

Наиболее существенные результаты исследования, обладающие научной новизной и полученные соискателем:

1) Терминосистема американского договорного права (далее АДП) развивается аналогично лексическим системам общего языка, в которых синонимия и антонимия являются устойчивыми регулярными процессами. К основным способам пополнения терминосистемы АДП относятся синтаксический и морфологический. Несмотря на то, что в юридических словарях зафиксирован широкий спектр синонимов и антонимов, в текстах профессионального сообщества более половины синонимов либо встречаются редко, либо отсутствуют.

2) Содержательное ядро терминосистемы американского договорного права репрезентировано 158 ключевыми терминами, среди которых выявлено три кластера: 1) *Agreement*, состоящий из компонентов *offer* и *acceptance* (*offer&acceptance*); 2) *Contract Essentials*, состоящий из компонентов

offer&acceptance и *consideration*; 3) *Mutuality*, представленный системой из тринадцати взаимосвязанных компонентов.

3) Прототипический сценарий договорных отношений отражает сущность отношений матрицы *физическое лицо↔юридическое лицо↔государство*, имеет статическую и динамическую составляющие, и разделен на два под-сценария: *желаемый* и *нежелательный*. Движущей силой формирования и развития *желаемого сценария* (динамическая составляющая) выступают *условия исковой силы договора* (статическая составляющая). Переход из *желаемого* в *нежелательный сценарий* актуализируется выявлением *угроз успешному исполнению договора*. *Желаемый сценарий* состоит из 5 сцен-этапов: *подготовка предложения, переговоры и торг, заключение договора, исполнение договора, завершение (расторжение) договора*.

4) Концептосфера CONTRACT является частью концептосферы AGREEMENT, которая в свою очередь входит в концептосферу SOCIAL CONTRACT. Базовыми сегментами всех трех концептосфер можно считать мета-концепты PROCESS и RESULT. Ядром концептосферы SOCIAL CONTRACT являются два взаимосвязанных концепта, SECURITY и RIGHTS PROTECTION. Ядро концептосферы AGREEMENT (RELATIONS), трансформируется в ядро концептосферы CONTRACT (CONSIDERATION) при переходе из области общего языка в область юридической терминологии.

5) Кластер *Contract Essentials* представляет собой центр содержательного ядра терминосистемы американского договорного права. Содержательным ядром самого кластера является ценностный компонент терминосистемы – *mutuality of obligations*. Он входит в ценностный кластер *Mutuality*, состоящий из тринадцати элементов, которые формируют регулятивный концепт MUTUALITY. Именно этот концепт управляет коммуникацией в рамках американского договора. Определение кластера *Mutuality* и взаимосвязь каждого из активаторов модели сценария CONTRACT с элементами этого кластера подтверждает гипотезу данной работы.

6) Понятия *contract* и *social contract* связаны на языковом и концептуальном уровне. В современном американском языке существует

терминологический блок ключевых понятий, единый для коммерческого договора и общественного договора: *contract, agreement, person* (в значении «лицо», физическое или юридическое), *right(s), duty(ies), obligation(s), service(s), consent, enforcement, good will, good faith, property, commerce, protection, validity, compensation, mutuality, will, faith, Law (laws), rules, jurisdiction* и др.

Содержательное ядро полисеманта *consideration* сферы общего английского языка США и юридического американского языка имеет три компонента: для общего английского языка *careful attention in decision making* (содержательное ядро 1), *serious attention to the right for valuable compensation* (содержательное ядро 2), для юридического языка *enforceable bargained compensation for objectively determined value* (содержательное ядро 3). Содержательное ядро 1 коррелирует с концептуальным ядром SECURITY концептосферы SOCIAL CONTRACT, содержательное ядро 2 в свою очередь связано с с концептуальным ядром RIGHTS PROTECTION. Этот факт доказывает тесную взаимосвязь концептосферы общественного договора и договора коммерческого в обыденном сознании.

7) Прототипические концептуальные образы *contract* и *social contract* также взаимосвязаны. Прототипические концептуальные образы договора (*contract*) в текстах СМИ корпуса COCA формируют систему концептуальных метафор: CONTRACT IS A VALUABLE POSSESSION, CONTRACT IS A CONTAINER, CONTRACT IS A VEHICLE, CONTRACT IS A CONTEST. Метафорический образ общественного договора (*social contract*) может быть представлен единым концептом – SOCIAL CONTRACT CONTRACT IS A FRAGILE/BROKEN CONSTRUCTION. Сопоставление концептуальных образов коммерческого и общественного договора и их содержательных ядер эксплицирует их тесную взаимосвязь.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что оно вносит вклад в развитие комплексного подхода к исследованию терминосистемы, включающего исследование концептуализации в системе, семантический анализ, анализ прототипической семантики в терминосистеме с разделением содержательного ядра термина и концепта на общеязыковой и

терминологический. Данный подход позволяет многоаспектно описать терминосистему и представить ее в виде нескольких прототипических концептуальных моделей. Результаты, полученные в ходе комплексного когнитивно-семантического исследования, становятся базой для дальнейшего расширенного исследования в области терминосистемы американского договорного права и вносят вклад в развитие когнитивного терминоведения когнитивной семантики и лексикологии.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования её результатов в изучении американского договорного права, при составлении специализированных словарей и тематических глоссариев, при обучении на программах юридического английского языка. Модели, разработанные в ходе исследования, могут быть включены в лекционные и семинарские занятия, а также в разделы пособий, посвященные договорному праву и общеюридическим вопросам. Незначительная адаптация представленных моделей позволяет сделать их рабочим эффективным инструментом в освоении юридической терминологии и включить их в вузовские курсы. Результаты данной работы упрощают осмысление терминологии договорного права США, и вследствие этого, могут быть включены в вузовские учебные пособия и курсы по когнитивной семантике.

Апробация результатов исследования

Основные положения и результаты исследования были представлены на:

- 1) IX Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал, 16-18 мая 2019 года).
- 2) Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «*Nomo loquens*: язык и культура диалог культур в условиях открытого мира» (Русская христианская гуманитарная академия, 16 апреля 2019 года).
- 3) VIII Международном конгрессе по когнитивной лингвистике «*Cognitio et communicatio* в современном глобальном мире» (Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, 10 - 12 октября 2018 года).

4) Всероссийской научной конференции с международным участием «Когнитивные исследования в гуманитарных науках» (Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 17-18 мая 2018 года).

5) III Международной научно-практической конференции «Стратегии межкультурной коммуникации в современном мире: культура, образование, политика» (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Московский филиал, 23-24 ноября 2017 года).

6) 6 международной конференции «Репрезентация знания и значения» (Санкт-Петербург, 5-7 июля 2017 года).

7) Международной научной конференции «Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике» (Тюменский Государственный Университет, 23-24 сентября 2016 года).

8) Всероссийской научной конференции с международным участием «Язык и человек: проблемы когниции и коммуникации» (Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Научно-образовательный центр когнитивных исследований Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 16 мая 2016 года).

9) VII Международной научной конференции «Языки профессиональной коммуникации» (Челябинский государственный университет 26-27 ноября 2015 года).

10) Всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации» (Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Российская Ассоциация лингвистов-когнитологов, Тамбовское отделение Российской Ассоциации лингвистов-когнитологов, 25-26 июня 2015 года).

11) II Международной научной конференции «Язык и культура в эпоху глобализации» (Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет, 26 марта 2015 года).

Публикации. Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 9 публикациях общим объемом 5,17 п.л., из которых 7

статей опубликовано в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Авторский вклад соискателя – 4 п.л.

Структура и объем работы

Диссертация состоит из введения, двух глав, сопровождающихся выводами, заключения, списка литературы (158 источников, из них 31 на иностранном языке (английском), списка справочных изданий (55) и двух приложений. Общий объем работы – 205 страниц.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, формулируются цель и задачи диссертации, определяются объект и предмет исследования, его теоретическая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методы и материал исследования, приводятся результаты исследования, и их апробации.

В **первой главе** «Теоретические предпосылки исследования терминологии американского договорного права» представлен обзор теоретических оснований для изучения терминологических систем: актуальность исследования, основание для сужения сферы исследования терминосистемы до американского варианта языка, цели когнитивного терминоведения, подходы к определению *термина* и *терминосистемы*, взгляды на синонимию, антонимию и полисемию, причины и модели их развития, теоретические взгляды на процессы категоризации и концептуализации, понятия *концепт*, *концептосфера*, концептуальные модели прототипического представления знания (*сценарий*, *идеальные когнитивные схемы*, иерархические и линейные модели, *концептуальная метафора*), этапы становления предметной области американского договорного права, фоновое знание для системы *американский договор*. В данном разделе также представлена исследовательская матрица, разработанная на основе иерархии интерпретации лингво-культурного концепта Г.Г. Слышкина и интерпретационной таксономии Н.Н. Болдырева, описана адаптированная методика выявления структуры содержательного ядра термина.

Во второй главе, «Семантические и когнитивные характеристики терминологии американского договорного права», обсуждаются результаты исследования.

В первом разделе, «Семантические характеристики терминологии договорного права США», который посвящен семантическому анализу, дается классификация терминов предметной области АДП и рассматриваются результаты изучения синонимии и антонимии.

Второй раздел, «Когнитивные особенности терминологии договорного права США», посвящён когнитивному анализу, моделированию прототипического сценария договора, содержательного ядра ключевых терминов АДП и его структуры, нахождению ценностного кластера как управляющего элемента терминосистемы, определению структуры концептосфер CONTRACT, выявлению когнитивных метафорических образов CONTRACT и SOCIAL CONTRACT, формируемых СМИ США.

В **Заключении** приводятся основные выводы диссертационной работы, намечаются перспективы дальнейшего изучения терминосистемы.

Глава 1. Теоретические предпосылки исследования терминологии американского договорного права

1.1 Когнитивный подход в лингвистических исследованиях

Когнитивная лингвистика, являясь одной из составляющих системы когнитивных наук наравне с философией, психологией, антропологией, нейронаукой и искусственным интеллектом, во многом по-новому интерпретирует особенности передачи информации о мире, ее обработки, построения, организации, усовершенствования и представления информации, что является основой для процессов коммуникации между людьми, письменной и устной, в том числе, в передаче знаний [Демьянков, Кубрякова: 1996]. С момента создания Международной когнитивной лингвистической ассоциации в 1989 году на симпозиуме в Дуйсбурге, углубилось понимание терминологии, предмета исследования, методологии области. Единая теория когнитивной науки, ее развитие идут в настоящий момент в двух направлениях: глобальной и локальной интеграции. Сторонники глобальной интеграции утверждают, что когнитивная наука может иметь общий предмет исследования. Последователи локальной интеграции считают, что каждая из когнитивных наук должна иметь свой предмет исследования, и методология должна разрабатывать базис для сотрудничества, например, для учета данных одной науки в исследовании другой [Болдырев, 2004]. Объединяющим ядром когнитивных наук является общий объект исследования, сознание и мозг, понимание которого справедливо концептуально расширить до четырехгранника мозг-сознание-мышление-разум. Кроме того, исследования невозможны без языка, что делает когнитивную лингвистику особой областью.

Возникновение когнитивной лингвистики (далее КЛ) и манифестация ее принципов, по сути, ознаменовало поворот к содержательным параметрам языка, к изучению процессов категоризации и концептуализации, прототипическим эффектам в языковых системах, метафоризации, референции, аспектам речевой деятельности, ментальному языку [Правикова, 1999] на основе всех предшествующих методологических достижений.

Центральной проблематикой КЛ, как неотъемлемой части когнитивной науки, является вопрос связи языка и мышления. В когнитивном терминоведении, как бурно развивающемся направлении КЛ, на первый план выходят исследования в области концептуальной метафоры, концептуальных моделей, системное моделирование различных областей знаний. Лингвистика термина изучается во всех сферах человеческой деятельности, что обусловлено с одной стороны необходимостью чисто практической (перевод, обучение специалистов в конкретных областях, обучение преподавателей, ведущих дисциплины); с другой стороны, теоретической потребностью: лингвистика может внести свой вклад в разрешение противоречий, возникающих на теоретическом, доктринальном уровне каждой из дисциплин. Поэтому, к идее о том, что когниция в контексте КЛ, трактуемая как «познание человеком мира в повседневном контакте с ним», следует добавить и идею познания мира через конкретную область практической деятельности человека, имеющую свои языковые особенности, свою терминологию, и свое воплощение специфического человеческого опыта [Кубрякова, 2001].

Составляя карту КЛ, намеренно упрощая ее и опуская детали, необходимо различать **семасиологическое** и **ономасиологическое** направления, их соотношение с качественными и количественными методами исследований и вопросами, которые ставятся в рамках каждого из направлений. Семасиология, изучающая смысловое значение языковых систем, противостоит ономасиологии, как теория номинации, называния объектов реального мира. Они отличаются стартовой точкой изучения явления. **Семасиология** начинает движение от словоформы как данности, и описывает, картирует значение слова. **Ономасиология** начинает с концепта и исследует его воплощение в словах, выражениях, именах. Она, в том числе, фокусируется и на исследовании лексикона, как системы взаимосвязанных языковых объектов (гипонимов, антонимов, синонимов, и т.д.). Кроме того, она исследует факторы, влияющие на выбор конкретного слова (имени) в конкретной ситуации, и связь этого выбора с

определённым концептом, системой концептов или конкретным референтом [Geeraerts, 2002].

При этом, представители обоих направлений активно включают понятие «концепт» в свой научный лексикон. Сейчас считается общепринятым, что оба направления занимаются процессами концептуализации и категоризации, базовыми для КЛ, а также используют как **качественные**, так и **количественные методы** исследований. В данной работе под качественным методом понимается исследование структуры языковой системы, ее элементов и их взаимодействия внутри системы; к количественным методам относится исследование частотности употребления языковой единицы (Таблица 1).

Таблица 1. Семасиология и Ономасиология. Количественные и качественные методы (перевод мой, Н.А. Гатауллина) [Geeraerts 2002: 23-42]

Метод	Семасиология	Ономазиология
Качественный	Смыслы, семантические связи и переходы между смыслами (метафора, метонимия, идеальные когнитивные модели, пр.)	Семантические отношения между лексическими единицами (семантические поля, таксономия, сетевые эффекты, пр.)
Количественный	Прототипические эффекты в языковых системах, полисемия, исследование ядра и периферии, включая феномен «молчания»	Эффект «молчания» между категориями, различение и исследование базового и скрытого уровней феномена

С точки зрения данного исследования, в рамках комплексного изучения языкового явления, не следует проводить жесткую границу между двумя этими направлениями. Одно из них может стать отправной точкой в проведении

исследования, а второе – логическим продолжением для комплексного многомерного вывода. Помимо этого, для моделирования языковой системы используется несколько моделей семасиологического направления (концептуальная метафора, идеальные когнитивные схемы, прототипические эффекты, оппозицию ядро-периферия). Система этих инструментов исследования может быть дополнена таксономическими моделями представления языковой системы (ономасиология). Также, весьма продуктивны матричные представления, достойное развитие которых представлено в работах Н.Н. Болдырева, посвященных методологическим основам когнитивной лингвистики, когнитивно-матричному анализу [например, Болдырев, 2006, 2008, 2009], Е.И. Головановой [например, Голованова, 2013] и др. Матричная репрезентация результатов интересна, так как дает возможность многоаспектного осмысления языкового явления в рамках системы параметров, заданных исследователем.

Подводя итоги развития когнитивной лингвистики в течение первых 10 лет после появления работы Дж. Лакоффа [Lakoff, 1987], и работ, написанных Дж. Лакоффом в соавторстве с М. Джонсоном [Lakoff, Johnson, 1980; 1999; и др.], посвященных метафоре и концептуальной метафоре, многие известные российские лингвисты провели систематизацию основных путей ее развития, выделяя от двух до 10 направлений в зависимости от критериев категоризации.

Рассматривая когнитивную лингвистику в исторической перспективе, Е.С. Кубрякова проводит черту между классической, *когнитивно-функциональной*, и современной, *когнитивно-дискурсивной лингвистикой* [Кубрякова, 2004]. Ученая акцентирует внимание на том, что когниция и коммуникация – два необходимых аспекта когнитивно-лингвистического исследования. В той же исторической перспективе, но с учетом методологических основ лингвистики, Н.Н. Болдырев выделяет два направления: раннее – *логическое* или *объективистское* и позднее, современное – *экспериенциальное*, основанное на опыте [Болдырев, 2004: 18-36]. Основываясь на критерии «используемый метод», А.В. Костин выделяет еще целый ряд подходов: *ментально-деятельностный* (С.А. Аскольдов и др.), *индивидуально-речевой* (Д.С. Лихачев и др.), *семантический* (Н.Ф. Алефиренко, А.

Вержбицкая, В.В. Колесов, И.П. Михальчук, В.П. Нерознак и др.), *культурологический* (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик и др.), *логический* (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, Г.В. Макович, Р.И. Павилёнис, М.Р. Проскуряков, И.Г. Проскурякова, А.Д. Шмелев, и др.), *когнитивный* (А.П. Бабушкин, Г.В. Быкова, Г.А. Волохина, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова, С.Х. Ляпин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.В. Токарев, Ж.Ф. Ришар, и др.), *лингвокультурологический* (С.Г. Воркачев, В.Н. Телия, Ф.Ф. Фархутдинова и др.)» [Костин, 2002: 6].

Е.Ю. Балашова проводит классификацию направлений по фокусу внимания исследователей к главному предмету исследования, концепту и концептосфере, и выделяет *лингвокогнитивное направление* (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.), занимающееся, в основном, проблематикой концепта, его актуализации в концептосфере, теорией концептуального поля, и различными аспектами ядра и периферии языковых систем, и *лингвокультурное*, исследующее специфические черты национальных концептосфер. Ученая также отмечает развитие *психологического, психолингвистического, нейропсихолингвистического, семантического, логико-понятийного направлений, логического анализа и традиционной лингвистики* [Балашова, 2004: 6].

Более поздняя систематизация, представленная в книге З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин, 2007: 11-13] обобщает развитие науки о языке, выделяя в когнитивной лингвистике пять взаимосвязанных сегментов: 1) *культурологическое* – исследование концептов как элементов культуры, их места в национальной концептосфере, опираясь на междисциплинарные исследования (Ю.С. Степанов и др.); 2) *лингвокультурологическое* – исследование концептов, в том числе как языковых единиц, и изучение их как элементов национальной лингвосистемы (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Г.В. Токарев и др.); 3) *логическое* – исследование концептов формально-логическими методами (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павилёнис и др.); 4) *семантико-когнитивное* – исследование лексической и грамматической семантики языка, как средства доступа к содержанию концептов, их моделирования от семантики языка к концептосфере (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Г.В. Быкова, Е.В. Лукашевич, Е.С. Кубрякова,

Е.В. Рахилина, З.Д. Попова, И.А. Стернин, и др.); 5) *философско-семиотическое* – исследование общих основ знаковости, номинации (А.В. Кравченко и др.).

Следует отметить, что последняя приведенная классификация априори включает использование всеми направлениями психологического, семантического, логико-понятийного и формально-логического компонентов исследований, без которых невозможна современная КЛ. Кроме того, отдельными направлениями используются психолингвистический, нейролингвистический аспекты.

В соответствии с классификацией Е.С. Кубряковой, настоящее исследование выполнено в парадигме когнитивно-функционального направления; по классификации Е.Ю. Балашовой, исследование использует подходы лингвокогнитивного и лингвокультурного направлений; по классификации З.Д. Поповой и И.А. Стернина, исследование находится в основном в рамках семантико-когнитивного подхода, считая лексические единицы языка системой доступа к отдельным концептам и национальной концептосфере в целом. При моделировании подсистем используются модели психолингвистики.

Важно вспомнить, что понятие «*когнитивный*» появилось именно на западе, так как общефилософские доктрины оказали влияние на все науки, включая лингвистику. Однако, по мнению отечественных лингвистов, например, Т.Г. Скребцовой, постулаты новой парадигмы прозвучали революционно только для западных лингвистов. В отечественном языкознании связь языка с мышлением и познанием, не подвергалась сомнению [Скребцова, 2011]. В российской лингвистической традиции, выдающиеся ученые Л.С. Выготский [Выготский, 2005], А.А. Потебня [Потебня, 1999] исследовали язык во взаимосвязи с когницией и не отрицали, что язык является составной частью культуры народа, компонентом его духовной жизни. А.А. Потебню глубоко интересовала связь между языком и мышлением. Этой проблеме он посвятил, будучи еще совсем молодым, свою зрелую, глубоко философскую монографию «Мысль и язык» [Потебня, 1999]. А.А. Реформатский рассматривал в своих трудах не только структурный аспект языка, фонетику, словообразование, лексику, теорию письма, историю языкознания, но и системность языка, соотношение языка и речи [Реформатский, 2017]. Эти идеи

были восприняты российской лингвистикой задолго до возникновения когнитивной лингвистики, вошли в ее плоть и кровь.

Обобщая работы Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 1991, 1995, 2004, 2006], Н.Н. Болдырева [Болдырев, 2000, 2008, 2014, 2015], Н.А. Бесединой [Беседина, 2010] и Т.Г. Сребцовой [Сребцова, 2011], посвященные установкам когнитивной лингвистики, можно выделить ее главные принципы:

- **антропоцентричность** по замечанию Т.Г. Сребцовой «...буквально пронизывает язык, проявляясь в широком спектре языковых структур.» [Сребцова, 2011: 27]. Язык отражает все многообразие бытия человека, в процессе своей деятельности человек является познающим субъектом и субъектом говорящим, осуществляющим коммуникацию, соответственно, значение языковых единиц, слов, выражений и текстов в значительной мере принадлежит человеку как субъекту познания, носителю уникального опыта и индивидуального набора знаний. Человек не использует готовые значения, а формирует их в ходе сознательного выбора языковых средств выражения в соответствии с коммуникативной ситуацией. Познание мира не является простым отражением действительности, но системным, сознательным и целенаправленным процессом, который носит обобщающий многоуровневый и репрезентативный характер [Беседина, 2010: 33].

- **холистический подход** в изучении языковых явлений, к их интерпретации, базируется на единстве материального и духовного, в противовес, например, структуралистам и, по мнению Т.Г. Сребцовой, генеративистам [Сребцова, 2011].

- **многофакторность** в анализе языкового явления отражает принцип системности в терминах когнитивной лингвистики. Языковое явление, с одной стороны, представляется как часть более широкой системы, с другой стороны, само имеет внутреннюю структуру.

- **междисциплинарность** означает, что когнитология использует достижения таких наук как философия, когнитивная психология, психология, психолингвистика, логика, теория информации, теория познания, физиология,

нейрофизиология, нейролингвистика. Язык исследуется как когнитивная способность человека, как часть подсистемы сознания [Болдырев, 2008: 13].

- **равноправие** двух основных функций языка, **когнитивной и коммуникативной**, означает что в процессе использования языка эти функции согласуются и взаимодействуют; КЛ подход использует методы, работающие на границе раздела «когниции и коммуникации» [Кубрякова, 2004: 16], интерпретация языковых явлений и их систем происходит последовательно от слова к дискурсу, не разделяя язык и речь [Кубрякова, 2006: 28].

- **многоуровневость** анализа, основываясь на более широком понимании системы языка, его места в системе когнитивных процессов человека, смещает внимание исследователя с рассмотрения значения языкового явления с точки зрения парадигматических и синтагматических структур в сторону когнитивных контекстов, которые понимаются как «когнитивные структуры», «блоки знания», стоящие за значением языкового явления и «обеспечивающие их понимание» [Болдырев, 2004: 26]. Следовательно, можно считать языковые явления «поверхностными» проявлениями более глубоких, широких пластов знания, по словам Н.А. Бесединой, «энциклопедических знаний» [Беседина, 2010: 34], а когнитивно-лингвистический анализ этих явлений можно считать многоуровневым.

Принимая во внимание классификацию направлений по различным критериям, вышеперечисленные принципы когнитивной лингвистики, и учитывая принципы системного подхода, осмысление семантики языкового явления можно представить в виде иерархии, от низшего уровня интерпретации (актуализации одного из значений слова или одного из аспектов явления) к наивысшему, максимально полному (энциклопедическому уровню): 1) уровень актуализации отдельных смыслов в сознании одного человека в конкретной ситуации; 2) уровень всех смыслов, хранящихся в сознании одного человека; 3) уровень группы, сообщества, имеющего свои уникальные интерпретации смыслов; 4) уровень профессионалов-практиков отдельно взятой профессиональной сферы; 5) энциклопедический национальный уровень.

На энциклопедическом уровне, в словарях хранится наиболее полное, устоявшееся знание о слове или явлении. В терминах концептуализации и концептосферы, это уровень концептосферы нации, концептосферы коллективного сознания, в котором сконцентрировано все многообразие интерпретационного потенциала каждого концепта, зафиксированы и хранятся все связи между концептами.

На уровне профессионалов-практиков, семантика актуализирована в динамичных аспектах синонимии, антонимии и полисемии. На этом уровне, исследование сходных и противопоставленных процессов с учетом полисемии дает ключ к многоаспектному моделированию концептуальной метафоры и сценария системы.

Концептуализация понятий на уровне группы (сообщества) или отдельного человека отличаются от концептуализации на национальном уровне, она уже, индивидуальнее. Смыслы же, которые актуализируются в сознании каждого человека в определенных ситуациях, еще более индивидуальны.

Описанная система из 5 уровней объясняет динамику системы концептуализации: развитие системы значений мотивируется изменением в жизни человека, идет от конкретных ситуаций, в которых проявляется новое, инновационное. Закрепленное на индивидуальном уровне, оно либо исчезает, либо концептуализируется в сознании группы, сообщества, группы сообществ, и при определенных условиях фиксируется в системе энциклопедических знаний.

Таким образом, система принципов когнитивной лингвистики, достижения лингвокультурологического и семантико-когнитивного подходов, развитие методологических инструментов смежных научных парадигм позволяет исследовать терминосистему американского договорного права в рамках комплексного когнитивно-семантического подхода и привлекать методологические инструменты из смежных научных направлений.

1.2 Концептуализация и категоризация в системе языковых явлений

Процессы концептуализации и категоризации в когнитивной лингвистике трансформировались в инструменты описания языковых явлений и стоящих за ними ментальных сущностей и феноменов. Н.Н. Болдырев считает эти два процесса противоположно-направленными: в процессе концептуализации происходит анализ человеческого опыта и выявление минимальных содержательных единиц, в то время как процесс категоризации – это процесс объединения сходных единиц в категории [Болдырев, 2001]. Человек непрерывно, ежесекундно познает мир, в первую очередь, в процессе профессиональной деятельности, формируя систему представлений о нем, как мозаичное панно. Это панно состоит из отдельных фрагментов, квантов знания, обыденного и профессионального, между которыми не всегда возможно провести границу. По признанию многих ученых-лингвистов, границы самих формирующихся концептов также размыты, поэтому постоянно идущие процессы категоризации и концептуализации являются залогом успешной коммуникации. Следовательно, при «изучении способов репрезентации и оперирования знанием в языке», необходимо комплексное освещение «как минимум трех главных аспектов языка: собственно репрезентативного, семиотического и интерпретационного» [Болдырев, 2013: 7-13], что особенно актуально для терминосистем. Подход к рассмотрению языкового явления сквозь призму концепта, то есть, концептуализированного или концептуализирующегося ментального образа, его интерпретации [Демьянков, 1994, 2001], позволяет разделить языковую и смысловую, ментальную составляющую слова, исследовать слово, лексическую единицу и спектр ее значений сквозь призму антропоцентричности, как ключевого фокуса когнитивной лингвистики. В свою очередь, концептуализация – это структуры, система, функциональные элементы этой системы, связи, которые удерживают ментальную сущность стабильной с одной стороны, и позволяют ей развиваться, с другой стороны. Именно в связи с преимуществом концепта как хорошо разработанного средства научного исследования, он был выбран одним из инструментов.

Настоящая работа исходит из метафоры концепта, предполагает существование концепта как феномена естественной работы сознания по интерпретации реальности. Первичная интерпретация, как коллективное знание, «выполняет функцию коллективных когнитивных схем восприятия мира, основы дальнейшей интерпретации знаний о нем» и концептуально-тематические области выступают в роли таких схем. Интерпретация реальности в коллективном сознании происходит на трех уровнях: 1) объекты, события и их оценка; 2) уровень логических и метафорических связей; 3) уровень межконцептуальных связей [Болдырев, 2015: 9]. Коллективное знание доступно отдельно взятому человеку, однако, не в полной мере, но в виде проекции, которую формирует сам человек в соответствии со своими индивидуальными целевыми и ценностными установками, категоризируя и концептуализируя воспринятый мир в свою систему смыслов и образов. «Соответственно этот тип языковой интерпретации можно условно назвать субъективной интерпретацией. Она представлена преимущественно в системе модусных категорий и функциональном варьировании языковых единиц и категорий разных уровней: отрицание, аппроксимация, экспрессивность, тональность, определенность-неопределенность, эвиденциальность, различного рода собственно оценочные концепты и категории» [Болдырев, 2015: 10].

Термин «концепт» стремительно развивается в современной когнитивной лингвистике, однако, существует значительное количество его определений, различаются подходы к его изучению, построению моделей и интерпретации результатов как в сфере общего языка, так и в когнитивном терминоведении.

По мнению С.В. Киселевой, концепт, представляющий собой неясную, гомогенную часть ментального пространства, не имеет четких границ и определенной структуры [Kiseleva, Trofimova, 2017: 234 - 235]. Некоторые ученые считают, что человек мыслит образами, его мышление невербально и осуществляется при помощи предметного кода, единицами которого и являются концепты [например, Выготский, 1982; Горелов, 1980, 2003; Жинкин, 1982,1998; Попова, Стернин, 2007; и др.]. В процессе концептуализации в сознании человека происходит «осмысление всех ощущений, всей информации, приходящей к

человеку в результате работы органов чувств и оценки этой деятельности, в терминах концептов» [Кубрякова, 2004: 319]. Н.Н. Болдырев уточняет, что в ходе концептуализации, поступающая информация о предметах и явлениях трансформируется в мыслительные структуры, вследствие чего человек формирует «представление о мире в виде концептов» [Болдырев, 2001: 22].

Концепт следует отличать от значения. З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что «Концепт – единица концептосферы, значение – единица семантического пространства языка. Значение – элемент языкового сознания, концепт – когнитивного («общего»). Концепт и значение в равной мере – явления мыслительной, когнитивной природы. Значение есть часть концепта как мыслительной единицы, закрепленная языковым знаком в целях коммуникации». Концепт может быть вербализован или невербализован. Если он вербализован, он «включает как свою составную часть психолингвистическое и лексикографическое значение, но по объему своего содержания остается неизмеримо больше, чем оба вышеназванных значения» [Попова, Стернин, 2007:14].

С возможным отсутствием вербализации концепта согласуется исследование И.В. Кононовой, которая полагает, что концепт в разных контекстах вербализуется одной из синонимичных лексем, и в процессе нахождения ключевого слова для вербализации концепта, среди синонимичного ряда он может быть не обнаружен [Кононова, 2010: 34-36]. Для максимально полного и точного описания концепта автор предлагает метод, начинающийся с ряда семантических измерений, и включающий определение объединяющего смысла и ситуаций, в которых он проявляется, а также ассоциативной составляющей концепта, которая содержит прототипические смыслы, то есть образное ядро. Благодаря этой ассоциативной составляющей и другим компонентам, входящим в концепт, например, ценностным и оценочным составляющим, концепт сохраняет целостность даже при распаде «актуализирующих его лексических микропарадигм» [Кононова, 2010: 35-40]. Ценностный компонент занимает главное место в регулятивных концептах. Такие концепты детерминируют поведение человека [Карасик, 2000; Руберт, 2015].

Структура концепта, его внутренняя организация видится и интерпретируется российскими исследователями по-разному. З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют концепт как систему, организованную по полемому признаку, и обладающую национальной, социальной, групповой и индивидуальной спецификой. Структуру концепта составляют чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле [Попова, Стернин, 2007: 14-15]. В.И. Карасик выделяет в структуре концепта образную составляющую, «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» [Карасик, 2005: 27] понятийную составляющую, «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» и ценностную составляющую, которую ученый считает доминирующей [Карасик, 1996: 3]. С.Г. Воркачев выделяет понятийную, образную и значимостную составляющие в структуре концепта. Значимостная составляющая определяется «местом, которое занимает имя концепта в языковой системе» [Воркачев, 2006: 5]. Оценка и оценочность изучаются детально в работах Н.Д. Арутюновой [например, Арутюнова, 1988, 1991, 1999; и др.]. Автор отмечает, что «Оценка социально обусловлена. Ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его части. Мировоззрение и мироощущение, социальные интересы и мода, престижность и некотируемость формируют и деформируют оценки» [Арутюнова, 1988: 6].

Вслед за Н.Н. Болдыревым, в данном исследовании языковые явления анализируются в репрезентативном и семиотическом аспекте, затрагивая интерпретационный аспект лишь частично, и понимая под ним механизмы, скрытые от прямого наблюдения, но интерпретирующие определенным образом сферу деятельности человека. К таким механизмам можно отнести модели концептуальной метафоры и сценария. Концептосфера и отдельные концепты представлены как элементы одной системы и результат концептуализации. Эти ненаблюдаемые явления возможно изучать через языковые явления, понимая, что концепт репрезентован в языке материальными знаками: словосочетаниями, словами, значениями слов (лексико-семантическими вариантами). Эти элементы,

формирующие смысл на уровне предложения, и далее, текста и системы текстов семантически единой области, позволяют получить доступ к области ненаблюдаемой (концепты, концептосферы) на трех уровнях интерпретации, описанных Н.Н. Болдыревым [Болдырев, 2015: 9], а также к ценностным и оценочным составляющим концепта, которые отмечены большинством авторов.

По известному определению Д.С. Лихачева, концептосфера – это «совокупность концептов нации», которая образована «всеми потенциями концептов носителей языка» [Лихачев, 1993: 5]. Данное основание общепринято, однако, при анализе актуальных смыслов, вербализованных в текстах исследователей-когнитологов, существует два основных варианта интерпретации этого понятия: концептосфера как совокупность всех концептов наций, и концептосфера как система отдельно взятого концепта. Второй смысл возникает довольно часто в отношении мета-концептов, т.е. концептов высокой степени абстракции. Причины этого кроются в отсутствии четких границ между концептами на ментальном уровне и разнообразии в интерпретации значений лексических единиц на языковом. Это становится особенно очевидным при работе с лексикографическими источниками, в процессе исследования полисемии слова и термина. Ментальное пространство, отражение реалий окружающего мира в нем, представляет собой континуум, который средствами языка воплощается в дискретные единицы, слова, имеющие дискретно определяемые значения, вербализованные в языке и речи [Kiseleva, Trofimova, 2017]. Сущность ментального пространства в когнитивной лингвистике описывается, в том числе, концептами. Под концептами понимаются вполне автономные пространства, которые названы словом, различные структуры, фреймы, сценарии, идеальные когнитивные схемы, иерархии, пр. Виды концептов, по сути, метафорические представления результатов исследования, которые упрощают понимание сущности наблюдаемой системы. Различия в представлениях, выбор того или иного представления обусловлен системой целей каждого исследования.

Таким образом, результаты исследования концептов – слов и словосочетаний – могут быть представлены в виде линейных, уровневых и образных схем, то есть,

в виде более комплексных метафор или систем метафор. Вслед за Г.Г. Слышкиным, перефразируя его положения, впервые обозначенные им как уровни «бытования» лингвокультурного концепта [Слышкин, 2004: 5], терминологический концепт (слово или словосочетание) исследуется на трех уровнях:

1) «Как системный потенциал, то есть совокупность средств апелляции к концепту», накопленный профессиональной сферой АДП и зафиксированный в лексикографии (словарях и тезаурусах, аккумулирующих коллективное знание отрасли) [Слышкин, 2004: 5], и, следовательно, дающий ключевую информацию о прототипических процессах в терминологической системе.

2) Как субъектный потенциал, лингвистическое достояние, хранящееся в сознании индивида, в индивидуальной терминологической концептосфере специалиста, которая ограничена вследствие приверженности специалиста той или иной юридической доктрине, специализации в той или иной сфере права, конкретных обязанностей внутри функционала профессионального направления.

3) Как текстовые реализации, то есть апелляции к концепту в конкретных коммуникативных целях, конкретной репрезентации одного или нескольких аспектов концепта, которые актуализируются в ситуации конкретной коммуникации.

В данном исследовании первый уровень служит для формирования наиболее полной терминологической системы исследования, второй уровень привлекается для уточнения отдельных аспектов концептуализации и актуальности терминологических единиц, третий уровень использован как источник примеров в исследовании синонимии и антонимии системы, а также для моделирования образа ключевых концептов терминосистемы.

В связи с тем, что концептосфера может быть представлена в виде уровневой структуры, в юридической сфере правомочно выделить следующие уровни: 1) уровень национальной юридической концептосферы; 2) уровень концептосферы отдельной сферы права, например, «договорное право», «общее право» и т.д.; 3) уровень концепта, причем, как уже говорилось ранее, концепт также может быть представлен в виде концептосферы, принимая во внимание абстрактный характер

большинства терминов юридической сферы [Хижняк, 2016] в общем, и сферы договорного права, в частности.

Исходя из принятых ключевых положений и двух базовых систем интерпретации результатов на уровне концептов (систему Н.Н. Болдырева и систему Г.Г. Слышкина), в данной работе наиболее продуктивно использование обеих таксономий в виде двухмерной матрицы (Таблица 2), которую можно назвать *матрицей системно-интерпретационного потенциала Болдырева-Слышкина*.

Таблица 2. Матрица системно-интерпретационного потенциала Болдырева-Слышкина

		Интерпретация по Н.Н. Болдыреву		
		Интерпретация объектов, событий и их оценка	Интерпретация через установление связи между областями	Структурирование самой концептуальной области
Интерпретация по Г.Г. Слышкину	Системный потенциал тематической области	Интерпретация и систематизация языковых явлений на основе лексикографических источников, словарей и глоссариев.	Интерпретация и систематизация результатов в сферах общего английского языка и юридического английского языка, выявление мета-концептов и их взаимосвязи.	Построение тематической модели концептуальной области на основании лексикографических источников.
	Субъективный потенциал	Привлечение текстов практиков АДП для уточнения системы концептов	Построение образных прототипических моделей	Использование результатов исследования для

				подтверждения и уточнения моделей
	Потенциал концепта в конкретных коммуникативных ситуациях	Уровень коммуникативных ситуаций и дискурса	Репрезентация концепта в текстах СМИ США, концептуальная метафора	Проявление структуры области в конкретных коммуникативных ситуациях

На основании представленных точек зрения, в данной работе структура концептов АДП анализируется сквозь призму матрицы системно-интерпретационного потенциала Болдырева-Слышкина на всех уровнях концептуализации: системном (энциклопедическом), субъективном (профессиональном) и коммуникативном (уровне конкретных коммуникативных ситуаций). Доступом к ментальным репрезентациям служат элементы терминосистемы АДП, их представленность в словарях, функционирование в научных, профессиональных и медийных текстах. Особое внимание уделяется ценностным компонентам терминосистемы, которые не всегда эксплицированы, но позволяют концепту сохранять свою целостность.

1.3 Концептуальные схемы и модели представления знаний

В практике правоприменения ключевую роль играет последовательность событий и фактов на линии времени, ролей каждого из участников события, восприятия правового события участниками – партиципантами, системы управляющих и управляемых элементов системы события. С этой точки зрения существенно важным оказывается детальное представление договора в виде сценарной и таксономической модели.

1.3.1 Таксономическое и линейное представление знаний

Таксономические модели довольно широко представлены в анализе результатов лингвистических исследований. Примером таксономий, удобных для интерпретации результатов, могут быть интерпретационные иерархии, предложенные Н.Н. Болдыревым и Г.Г. Слышкиным. В случае корпусных исследований, представление результатов анализа языкового материала в виде таксономической модели также продуктивно [Нильсен, 2015].

Принцип междисциплинарности в КЛ позволяет использовать инструменты многих гуманитарных и негуманитарных наук [Руберт, 2016: 18]. «Признание речемыслительной деятельности как единого психического процесса», и понимание метакогнитивных процессов, как процессов психических, а метакогницию как уровневую систему, «рефлексивный слой психических состояний» [Клепикова, 2008: 155] мотивирует использование моделей когнитивной психологии и психолингвистики «репрезентирующих содержание [...] когнитивных процессов» в лингвистических исследованиях.

В работе для представления результатов была дополнительно выбрана модель нейрологических уровней Бейтсона–Дилтса (далее модель НЛУ Бейтсона–Дилтса). Идейная основа иерархии логических уровней была заложена в работе Г. Бейтсона «Экология разума» [Бейтсон, 2000] и детально разработана Р. Дилтсом в нескольких работах [например, Dilts, 1994; Дилтс, 2001, 2010]. Система НЛУ состоит из 6 уровней: **окружение (низший уровень)** – это все «что» и «кто» в контексте ситуации; **поведение** – «что происходит», какие конкретные действия выполняют участники коммуникации; **способности** – «что умеют», «что могут», «на что способны» участники коммуникации; **убеждения и ценности** – ценности и убеждения, которые стоят за выбором окружения, действиями участников коммуникации, это причины их поступков; **идентичность** – личностное своеобразие каждого из участников коммуникации, их ключевые отличия от других участников; **модель мира (высший уровень)** – восприятие себя как части большей системы мира, это ответ на вопрос о своем предназначении (этот уровень часто называют «духовность»).

Линейная модель SCORE (Symptom-Cause-Outcomes-Resources-Effect) была создана для анализа проблемного состояния сознания и изменения негативных убеждений, позволяющая прояснить цель и провести оптимизацию траектории ее достижения [например, Дилтс, 2001: 54, 164]. В соответствии с принципом междисциплинарности, обе модели были проверены на комплиментарность методологических и методических основ моделям основной сферы исследования [Гатауллина, 2016], а именно, на соответствие принципам когнитивной лингвистики в интерпретации З.И. Комаровой (антропоцентризма, деятельности, системности, дискурсивности, парадигмальности vs непарадигмальности, статистико-комбинаторному принципу) [Комарова, 2012, 2013], семи принципам, выявленным Н.А. Бесединой (антропоцентричность, многофакторность, междисциплинарность, равноправие двух основных функций языка, когнитивной и коммуникативной, многоуровневость анализа, концептуальное единство языка и речи, разграничение концептуального и семантического уровней) [Беседина, 2010: 31-35], и принципу холистичности когнитивно-лингвистической методологии по Т.Г. Скребцовой, как принципу наблюдения языковых явлений и их интерпретации с точки зрения единства материального и духовного [Скребцова, 2011: 19].

На основании проведенного анализа, можно с уверенностью утверждать, что модели НЛЮ Бейтсона – Дилтса и модель SCORE могут быть использованы в когнитивно-лингвистических исследованиях в качестве дополнительных инструментов репрезентации знания.

1.3.2 Концептуальная метафора

Исследования в области концептуальной метафоры и когнитивного моделирования являются одним из основных направлений в современной когнитивной лингвистике, позволяющих выявить сущность изучаемого языкового явления как процесса и результата, и, таким образом, получить доступ к ментальным процессам, процессам восприятия, репрезентации окружающего мира в сознании человека.

По мнению А.П. Чудинова, «современная когнитивистика рассматривает метафору как основную (или одну из основных) ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира» [Чудинов, 2013]. В одной из своих монографий А.П. Чудинов обобщает спектр смыслов, стоящих за понятием «Метафора», а именно: «1) слово с образным значением; 2) процесс метафорического развития словесной семантики в языке; 3) процесс метафорического развития словесной семантики в конкретной коммуникативной ситуации 4) группа слов с однотипными метафорическими значениями (военная метафора, зооморфная метафора, метафора в медицинском дискурсе и др.) – синтагматическая последовательность; 5) форма мышления; 6) когнитивный механизм коммуникативных процессов, механизм получения выводного знания; 7) когнитивный механизм получения выводного знания» [Чудинов, 2013].

Работ по исследованию концептуальной метафоры в терминологии, в том числе в юридической терминологии, крайне мало. На фоне многочисленных исследований концептуальной метафоры, представленных в статьях и диссертациях и посвященных *концептуальной метафоре как феномену, дискурса и коммуникации* (Глебкин В.В., 2012; Беляевская Е.Г., 2012; Болдырев Н.Н., 2013; Будаев Э.В., 2016; Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2007; Ирисханова О.К., 2011; Красиков В.И., 2004; Кудряшов И.А., Пантелеев А.Ф., 2015; Нильсен Е.А., 2015; Опарина Е.О., 1990; и др.), *отдельным ключевым концептам языка* (Аванесян Н.К., Багиян А.Ю., 2016; Дехнич О.В., 2004; Заботкина В.И., Коннова М.Н., 2007; и др.), *метафорическим репрезентациям в художественном тексте* (Богоявленская Ю.В., Чудинов А.П., 2018; Задорнова В.Я., Матвеева А.С., 2017; Шустрова Е.В., 2008; и др.), *в политическом дискурсе* (Балашова Л.В., 2013, 2012; Будаев Э.В., 2015, 2011, 2006, 2005; Иванова И.В., 2004; Кондратьева О.Н., 2016; Кузнецова М.С., 2018; Чернякова М.В., 2007; Чудинов А.П., Будаев Э.В., Скворцов О.Г., 2019; Чудинов А.П., 2017; Чудинов А.П., Будаев Э.В., 2018; Шехтман Н.Г., 2008; Ширманов И.А., 2006; и многие др.), *в медиадискурсе* (Вражнова И.Г., 2015; Мартынова Е.В., 2017; и др.) и многих других сферах, отдельные терминологические исследования в области концептуальной метафоры выглядят

незаметными. Они представлены в исследованиях *концептуальной метафоры как феномена англоязычной терминологической сферы* (Дудецкая С.Г., 2007; Жебрунова Л.А., 2013; Кукля Е.Г., Соловьева М.В., 2018; Маругина Н.И., 2015; Миронова М.Ю., 2018; Мотько М.Л., 2007; Озингин М.В., 2010; и др.), *метафоре, как способу образования термина, а также концептуальной метафоре в англоязычной юридической терминологии* (Гаврилова И.А., 2019; Некрасова Т.П., 2015 и др.). Исследований концептуальной метафоры в области АДП не выявлено.

Исследователи - когнитологи все больше приходят к выводу, что интуиция и воображение играют существенную роль в познании мира. Е.С. Кубрякова отмечает важность изучения языковых явлений как динамических, и считает, что необходимо «отказаться от разного рода аддитивных, или же суммативных, концепций композиционной семантики и заменить их концепциями более творческого характера – динамическими концепциями, отдающими дань самым сложным когнитивным способностям человеческого разума – воображению, интуиции, абстрактному мышлению и, прежде всего, инференции, а значит, возможностям вывода нового знания в ходе решения текущей проблемы и способности к умозаключениям на основе имеющихся данных» [Кубрякова, 2012]. В этом смысле, исследование профессиональной сферы в аспекте концептуальной метафоры, как прототипического и часто неявного образа, помогает приблизиться к пониманию сущности процессов в профессиональной сфере. В свою очередь, корпусные исследования концептуальной метафоры, как исследования мозаичного полотна репрезентации идей, концептов, в сознании создателей текстов, сиюминутных метафорических переходов, часто стертых, дают гарантию точности результатов.

В данном исследовании также используется классификация концептуальных метафор, предложенную А.П. Чудиновым, выделяющим антропоморфную, природоморфную, социоморфную и артефактную метафоры.

Теория концептуальной метафоры, впервые предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson, 1980], и впоследствии дополненная Ж. Факонье и М. Тернером теорией концептуального слияния [Fauconnier, Turner, 2002], стала

одним из главных инструментов для исследования языковых феноменов. В процессе метафоризации происходит взаимодействие когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели», в результате которого происходит переструктуризация области цели или некоторых ее частей, и возникает «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение» [Киселёва, 2009: 53]. В когнитивных исследованиях концептуальная метафора понимается также как основная ментальная операция, «способ познания и категоризации мира» в котором участвуют аналогия и рациональное мышление. Концептуальная метафора содержательно соотносится «и с механизмом, и с процессом, и с результатом в его единичном или обобщенном виде, и с формой мышления» [Чудинов, 2013: 12].

Согласно теории концептуальной интеграции, Ж. Фоконье и М. Тернера, в результате взаимодействия *исходных пространств (input spaces)* происходит *межпространственное отображение (cross-space mapping)*, которое соединяет сходные элементы или прототипы *исходных пространств (counterparts)* и ведет к формированию *общего пространства (generic space)*. В дальнейшем, наполнившись новыми фоновыми знаниями, эти элементы формируют *смешанное пространство или бленд (blended space)* [Fauconnier, 1997: 168; Fauconnier, Turner, 2006]. Бленды не тождественны ни одному из исходных пространств, а лишь заимствуют из каждого часть его структуры, что в совокупности формирует новое значение. В отличие от исходных пространств бленды более наполнены когнитивными и культурными моделями [Ковальчук, 2011].

На основании вышесказанного важно отметить, что рассмотрение механизмов концептуальной интеграции в терминосистеме с использованием методов корпусной лингвистики позволяет выявить прототипические образы системы. Это, в свою очередь, приближает исследователей к пониманию сущности изучаемой области и вносит вклад в отечественное когнитивное терминоведение.

1.3.3 Сценарий

С момента появления понятия фрейм, введенного М. Минским как структура «данных для представления стереотипной ситуации» [Маслова, 2008: 7] и система

моделей описания концептов, а именно, конкретно-чувственного образа, представления, понятия, прототипа, пропозициональной структуры, фрейма, схемы, скрипта, сценария, гештальта [Болдырев, 2001: 36], использование этих инструментов фреймовой семантики лавинообразно нарастает. Сценарий, как фрейм, репрезентующий процессы в динамике развития, не исключение. Статистика РИНЦ показывает, что общее количество публикаций, в которых авторы используют понятие сценария – около 2000, причем за последние десять лет – больше 1800, за последние 5 лет – почти 1300. Нарастающая частотность обращения к сценарию как инструменту показывает его актуальность и эффективность для исследовательских лингвистических проектов. Среди исследований с привлечением инструментов моделирования когнитивных сценариев и этапов сценариев *в медиадискурсе, политическом дискурсе и массовом сознании* (Авдеенко И.А., 2010, 2012; Марьянчик В.А., 2011; Мурейко Л.В., 2016; Солопова О.А., 2017; Шипунова О.Д., Полатовская О.С., 2013; Шунейко А.А., Тагильцева Ю.Р., 2012; и многие др.); *сценариев отдельных концептов или аспектов языка и коммуникации* (Буданов В.Г., 2004; Варгунина А.В., 2000; Загриценко С.А. 2002; Казыдуб Н.Н., 2012; Семенова А.А., 2010; и др.), *англоязычных лингво-культурные и культурно-обусловленных сценариев* (Белякова О.В., 2014, 2007; Вежбицкая А. 1999; и др.), *фрейм-сценариев как концептов* (Демьянков В.З., 1996; Полатовская О.С., 2013; и др.), *сценариев в институциональных дискурсах* (Гусейнова И.А., 2011; Щепакин М.Б., Хандамова Э.Ф., 2011; и др.); *в юридическом дискурсе* (Микутина И.О., Ласкова М.В., 2015; Палашевская И.В., 2010; и др.). К сожалению, эта тенденция не прослеживается в сфере терминологии, в том числе, в юридической. Попыты описания сущности процесса сквозь призму сценария в области юридической терминологии, и, в частности, договорного права, можно назвать единичными. В настоящей работе предпринята попытка заполнить этот пробел и представить концепт CONTRACT в виде динамической последовательности сцен с активаторами переходов между ними.

В.З. Демьянков определяет сценарий как «разновидность структуры сознания (репрезентации), одно из основных понятий концепции М. Минского. «Сценарий вырабатывается в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические ("сценарные") структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений, приписанных терминальным элементам» [Демьянков, 1996:181-182]. В основе сценария лежит идеальная когнитивная схема SOURCE-PATH-GOAL, задающая динамику движения от начальной точки к конечной [Lakoff, 1987: 286-287]. По мнению Дж. Лакоффа, для полного когнитивного описания категории важно не только ее осмысление, но и детальное описание работы когнитивных механизмов [Лакофф, 1988: 29]. Описание концепта в виде сценарной модели позволяет осмыслить концепт в статическом и динамическом аспектах, упорядочить определенную область знания, выявить его структуру и особенности отношений между структурами, а также упрощает визуализацию динамического аспекта.

Говоря о разграничении статического и динамического аспектов, важно заметить, что в статическом аспекте концептуализация – это система знаний, категоризация – система категорий, в противоположность динамическим аспектам, как системам осмысления окружающего мира, формирования мета-единиц знания о них [Болдырев, 2014: 38]. Однако, существует предположение, что описание мета-единиц знания и его компонентов в виде сценария (динамический аспект) невозможно без концептуализированных систем этого знания, без обращения к системе категорий (статический аспект). Следовательно, в описании динамического аспекта знания, в представлении его как динамической системы априори присутствует статический компонент.

Сценарий, как фрейм, обладает динамической структурой, которая разворачивается во времени и пространстве. Динамическими компонентами сценария являются последовательная смена сцен при движении от начала (SOURCE) к концу (GOAL), возможность достижения или недостижения желаемого результата участниками коммуникации, как на промежуточных этапах движения, так и финального результата. Следовательно, алгоритм, которым

является сценарий, должен иметь фазы выхода из сценария и соответствующие активаторы этого выхода, которые инициируют переход к финальной точке даже без достижения результата.

Сценарий как динамический фрейм может быть разделен на отдельные этапы или эпизоды [Болдырев, 2000: 37], сцены [Бабушкин, 2003: 12-13], а также может иметь альтернативные возможности разворачивания сюжетов, которые можно назвать альтернативными сюжетными линиями или сюжетными вариантами.

Принимая во внимание различные точки зрения на концептуальную модель СЦЕНАРИЙ, в работе использован подход, предложенный А.П. Бабушкиным: сценарий CONTRACT рассматривается как когнитивная концептуальная схема, представленная в виде последовательности сцен, хранящаяся в коллективной профессиональной памяти и имплицитно закреплённая в юридических лексикографических источниках. Важным аспектом в моделировании сценария представляется разграничение статического и динамического аспекта.

1.4 Проблемы когнитивного терминоведения

Когнитивная лингвистика и когнитивное терминоведение—два современных лингвистических направления, развивающихся на едином основании, мотивированном сменой лингвистической парадигмы в конце прошлого века. Считая главной задачей когнитивного терминоведения выявление сущности термина и исследование представления научного знания в коллективном и индивидуальном сознании человека, представляется важным комплексное описание терминологической системы. Это, в свою очередь, возможно с привлечением максимального потенциала, наработанного к настоящему моменту как в когнитивном терминоведении, так и в когнитивной лингвистике в целом.

Многие ведущие ученые отмечают необходимость всестороннего системного описания терминологии [Головин, Кобрин, 1987; Гринев-Гриневич, 2008; Лату, 2011; Лейчик, 1993, 2000, 2007, 2009, 2010; Лемов, 2000; Суперанская, Подольская, Васильева, 2012; Хижняк, 1998; и др.], изучения процессов концептуализации и построения системных моделей терминологической области и моделирования

ментальных процессов [Манерко, 2009, 2016; и др.], в том числе с использованием инструментов когнитивной лингвистики [Манерко, 2002, 2009, 2018; Новодранова, 2012; Хижняк, 2013, 2016; и др.].

Цель когнитивного терминоведения—исследовать концептуальную научную картину мира для дальнейшего развития теории термина. Под научной картиной мира мы понимаем «итог развития научного знания в определенной отрасли» и «общие основы теоретического знания, включающего систему понятий, принципов и гипотез». Научная картина мира «существует как совокупность вариантов научных картин, представляемых каждой конкретной наукой» [Хижняк, 2016: 98]. В настоящем исследовании изучается научная картина мира сферы АДП как части общей юридической терминологической системы американского права. Юридическая картина мира в данном случае является когнитивной основой терминологической системы [Хижняк, 2016: 98], которая, как область коллективного знания, выполняет функцию определенного коллективного когнитивного шаблона восприятия, коллективной когнитивной схемы восприятия мира, основы интерпретации знаний о мире. Вследствие этого, общая юридическая картина мира может представляться как система более высокого уровня для АДП.

На современном этапе развития терминоведение, как часть лингвистики, является полипарадигмальной системой. Принципиальные изменения в лингвистике в конце XX века, возникновение когнитивной лингвистики, смена методологических принципов привела к появлению новых парадигм научного знания, что закономерно привело к появлению когнитивного терминоведения. По мнению Е.И. Головановой, системно-структурные методы описания терминосистем сменились методами когнитивного моделирования терминологий, «что придает терминоведческому изучению не описательный, а объяснительный характер» [Голованова, 2011: 6-7]. С другой стороны, нельзя не согласиться с С.П. Хижняком, считающим, что «без изучения системно-структурных и семантических свойств терминов невозможно осуществлять «когнитивное моделирование терминологий» и «дифференцировать типы и виды знаний, транслируемых ими» [Хижняк, 2016: 3].

В своей монографии С.П. Хижняк доказывает, что, несмотря на общую тенденцию смены современной парадигмы лингвистики с доминирующим влиянием функционализма, термин, по-прежнему, является словом или словосочетанием «языка профессиональной коммуникации». Отдельного, уникального когнитивного определения термина дать до сих пор не удалось, «когнитивные особенности терминов прежде всего обусловлены их особой функцией» [Хижняк, 2016: 146], «когнитивные подходы к изучению термина основаны на тех идеях и положениях, которые были с той или иной степенью полноты разработаны традиционным терминоведением (в частности, проблема классификации и категоризации)», причастность к когнитивному терминоведению, как правило, выражена в изменении системы терминов, «которые часто не формируют общей системы с используемыми ими же устоявшимися понятиями и терминами». Ученый обращает внимание на определенную долю формализма в использовании терминологии когнитивной лингвистики, на «ограничение использования категорий когнитивной лингвистики в терминологических исследованиях в полном объеме», на «отрицание национально-культурной специфики и оценочного характера терминологических концептов, возможностей их переживания». Автор монографии также указывает на задачи традиционного терминоведения, которые еще не решены, но, тем не менее, имеют прямое отношение к «изучению когнитивных характеристик термина» [Хижняк, 2016: 146-147].

Цели и задачи области – это ориентир ее развития. Главную цель когнитивного терминоведения можно определить, как исследование сущности концептуальной научной картины мира. По мнению С.П. Хижняка, глобальной целью когнитивного терминоведения в своей общей формулировке может стать исследование сущности концептуальной научной картины мира [Хижняк, 2016: 94-100]. Понятие *сущность* является одним из центральных понятий любой гуманитарной науки. Сущность – это:

- совокупность таких свойств предмета, без которых он неспособен существовать и которые определяют все остальные его свойства [Ивина, 2004];

- это то, что составляет суть вещи, совокупность ее существенных свойств, субстанциональное ядро самостоятельно существующего сущего. Иногда это ядро характеризуют как самостоятельное сущее. В таком случае говорят о «сущностях», которые вступают в связь друг с другом, действуют друг на друга и т. д. [ФЭС, 2010].

Понятие *сущность* настолько многогранно и широко, что практически каждое исследование терминологии любым из существующих современных и традиционных методов можно считать вкладом в исследование сущности. Однако, синонимами понятия слова *сущность*, имеющими отношение к лингвистическим исследованиям являются: *главное, глубинность, идея, квинтэссенция, начало, основа, основное свойство, первооснова, природа, смысл, содержание, суть, сущностность, явленность, ядро*. Около половины понятий, входящих в поле синонимов, как, впрочем, и концептуальная основа определений, свидетельствуют о том, что исследование прототипических процессов является неотъемлемой задачей для достижения главной цели. Следуя этой понятийной системе, можно утверждать, что построение модели терминосистемы невозможно без определения ядра системы, содержательного ядра компонентов системы как ее ядерных подсистем.

Таким образом, многоаспектное представление терминосистемы в виде прототипических моделей приближает к пониманию сущности термина и терминосистемы. В связи с этим, когнитивное моделирование терминосистемы предполагает обязательные этапы рассмотрения терминосистемы: выявление концептуального содержательного ядра как спектра основных концептов, репрезентированных ключевыми терминологическими единицами энциклопедического уровня АДП, рассмотрение структуры отдельного терминологического концепта и структуры концептосферы в целом, определение метафорических образов ключевых концептов.

1.5 Вопросы когнитивной семантики термина

Проблематика синонимии и антонимии в языковых системах является одним из старейших в филологической науке и по сей день дискуссионных, актуальных аспектов как в области общеупотребительной лексики, так и для исследований терминосистем. Некоторые исследователи считают, что отдельные проблемы еще не нашли своего решения, в особенности, в сфере синонимии термина. С точки зрения КЛ и, в особенности, в рамках исследования концептуализации системы, прояснение синонимических и антонимических взаимоотношений представляется важным, так как это, с одной стороны вопросы, касающиеся напрямую сущности термина, с другой стороны, они имеют отношение к построению когнитивных моделей термина. Их прояснение позволяет более четко выстроить сценарную и иерархические модели, а также провести границы между отдельными элементами сценария.

1.5.1 Проблема синонимии термина

Одно из наиболее часто цитируемых определений синонимии, зафиксированное в Лингвистическом энциклопедическом словаре определяет синонимию в системе номинации как «тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений», свойственный различным типам языков и их «лексической, фразеологической, грамматической, словообразовательной системам» [ЛЭС, 1990: 446]. Суть лексической синонимии двух и более лексических единиц заключается в «эквивалентности объема значений» и, как функциональное следствие, способности замещать друг друга в различных контекстах при различии в семантике и стилистике. Синонимия создает определенный градиент в экспликации признака, который «начинается с полного тождества семантики слов, называющих одно и то же, и переходит через различные степени градации семантической близости к выражению такой степени различий в лексических значениях, когда возникает вопрос: являются ли близкие по смыслу слова синонимами или нет». Внутри градиента лексические единицы

противопоставлены по признакам, несущественным в контексте [Шмелев, 1977: 193].

Различная интерпретация понятий «эквивалентность», «замещение», «полнота совпадения» и других критериев оценки сходства, а также в различных интерпретациях термина «значение» ведет к многообразию взглядов на синонимию как процесс и результат, и как следствие, различные способы категоризации и различения. По мнению М.В. Никитина, «экстенционально синонимы приравниваются к доминанте синонимического ряда, отличаясь от нее прагматическими добавками. Это обеспечивает кореференцию синонимов в объеме их гиперонима-доминанты» [Никитин, 2007: 395]. Ю.Д. Апресян в своих работах 1979 года выделяет четыре критерия для типологизации синонимов: различия в собственно семантике, различия в семантических ассоциациях, различия в логических акцентах, различие в присутствии или отсутствии оценочного смыслового компонента [Апресян, 1979]. Рассматривая систему синонимов на более низком уровне, чем значение отдельного синонима, а именно, на уровне компонентов значения, З.А. Харитончик полагает, что следует проводить различение синонимов «не по линии их лексических значений, взятых во всей их целостности»; фокус анализа следует сужать до «некоторых семантических компонентов лексических значений при обязательной общности других долей структуры лексического значения» [Харитончик, 1992: 104].

Некоторые лингвисты разделяют синонимы на семантические и лексические [например, Апресян Ю.Д., 1995]. Семантические синонимы способны выделять либо скрывать, уменьшать проявления признака, и, следовательно, смысла, выражать определенную степень проявления признака. В стилистической синонимии основной функцией синонимии является оценка и стилевые особенности текста, способность синонима выделить оценочную характеристику разной интенсивности и экспрессивной окраски [Розенталь, Теленкова, 1976: 385].

Если для общеупотребительной лексики явление синонимии считается положительной тенденцией, способствующей обогащению языка, то для терминологии и профессионального общения, в котором требуется четкость и

однозначность понимания номинируемого явления или объекта, развитие синонимии считается определенно минусом [Гринев-Гриневиц, 2008: 103]. Появление синонимов в научной и профессиональной сфере не только нежелательно, но даже вредно, так как «от рациональной, точной, отработанной терминологии в значительной мере зависит успех научной, технической, коммерческой и экономической деятельности» [Лейчик, 1996: 286], и, следовательно, появление синонимов может размывать четкость понятия, что может привести к непониманию между специалистами. По мнению Б. Н. Головина, «специалисты [...] всегда заинтересованы в том, чтобы значение термина было четким и одним-единственным [...]. Это избавляет участников общения от разномыслия в понимании и применении одних и тех же терминов, уменьшает потери в восприятии и усвоении информации» [Березин, Головин, 1979: 265].

Термин должен быть стандартизирован, терминология и вся терминосистема должны быть нормализованы и унифицированы. Также, существует представление, что в идеале, так как научная терминология предназначена для передачи узко прагматической и безэмоциональной, нейтральной передачи информации, в научной и в профессиональной терминологии стилистическая синонимия встречается крайне редко. Для этого термин должен стремиться к «идеальности», удовлетворять требованиям непротиворечивости семантики, однозначности в данной терминологии, полнзначности (отражения существенных признаков понятия) и отсутствия синонимов [Гринев-Гриневиц, 2008: 32]. «Как идеальный знак, термин не должен иметь синонимов: любой новый оттенок понятия должен получать внутри терминологии собственное обозначение» [Куликова, Салмина, 2002: 36].

Тем не менее, синонимия как процесс развития терминологии очевидна, так как результат ее развития зафиксирован лексикографическими источниками. Причинами развития синонимии терминосистем можно считать:

- 1) Незамкнутость терминосистем, их открытость бурному развитию профессиональных областей, процессам глобализации и интернализации: язык, и терминосистемы как часть языка, являются средством коммуникации. Это

означает, что «мышление и процесс трудового освоения мира [...] непрерывно рождает изменение границ сложившихся понятий, в особенности в области теории, и создает новые понятия, требующие словесного, терминологического обозначения и выражения» [Березин, Головин, 1979: 265], что в свою очередь, ведет к заимствованию терминов, их трансформации.

2) Использование терминологии в академической среде: ситуации, в которых ученые используют терминологию, многообразны: «выступление на симпозиумах и конференциях, преподавание в вузе, написание статей и т. д.», и различие в коммуникативных задачах общения требует синонимического ряда для передачи тонкостей обсуждаемых явлений, и во избежание однообразности подачи материала [Русинова, 1985: 25–31];

3) Развитие самих профессиональных областей, изменения в них, продиктованные бурным развитием IT технологий: развитие нового смысла внутри старого термина может привести к появлению нового термина с частичным совпадением семантики.

4) Влияние индивидуальных и коллективных концептосфер: любая языковая система служит целям коммуникации между членами отдельного профессионального сообщества, и между профессиональными сообществами разной величины. В сознании каждого члена сообщества, как и внутри сообществ формируются свои предпочтения.

5) Развитие науки, сопровождающее каждую профессиональную область как на стадии становления, так и на стадии «реорганизацией его структуры на последующих этапах»: переосмысление понятия, развитие его значения, и, следовательно, развитие полисемии термина, которое может привести к возникновению необходимости дифференциации терминов-синонимов, выделения ряда семантических признаков в отдельную терминологическую единицу [Лату, 2011: 84];

Существует, также, несколько точек зрения, поддерживающих требование «идеальности» термина. Некоторые ученые утверждают, что «любой новый оттенок понятия должен получать внутри терминологии собственное обозначение»

[Куликова, Салмина, 2002: 36], что синонимия в терминологии может существовать только в виде дуплетных отношений [Толикина, 1970: 57-67; 1971: 78-89], что к проявлению синонимии можно отнести те случаи, когда термину соответствуют по семантике нетерминологические лексические единицы, например, жаргонизмы, профессиональная лексика [Лейчик, 1973: 103-105], что синонимы не могут существовать на том основании, что даже при кажущемся наличии синонимии, отдельные терминологические единицы функционально разграничены [Бушев, 2002: 30-35].

Признавая возможность терминологической синонимии, М.Н. Лату считает, что «Передача информации, как одна из функций научного текста, может быть выполнена и без синонимов, где очень важна точность, гарантируемая использованием термина». Ссылаясь на авторитетных ученых, С.В. Гринева, Д.С. Лотте, Е.А. Федину, М.Н. Лату утверждает, что синонимы со статусом термина могут «лишь нанести вред и исказить смысл высказывания» [Лату, 2011: 84].

Большинство лингвистов, тем не менее, признает факт наличия, развития и регулярного характера синонимии в терминосистемах [Гринев-Гриневиц, 2008: 32], закономерность ее развития в терминосистемах, как результат развития науки [Лейчик, 2009, 2010]. Несмотря на то, что некоторые исследователи по-прежнему придерживаются «идеальных» требований однозначности и точности термина, как единицы научного знания, практика показывает, что терминологические единицы далеки от идеальных. Даже принимая во внимание задачи терминоведения в области стандартизации и классификации терминологии и усилия терминоведов, направленные на придание термину однозначности и точности, требование идеальности термина не всегда выполнимо. Терминология, как подсистема естественного языка, подвержена тем же естественным процессам, что и лексика общего языка. «Мышление и процесс трудового освоения мира [...] непрерывно рождает изменение границ сложившихся понятий, в особенности в области теории, и создает новые понятия, требующие словесного, терминологического обозначения и выражения» [Березин, Головин, 1979: 265]. Как следствие, во всех терминологических областях встречается большое число синонимов, и некоторые

виды синонимии терминов носят регулярный характер [Гринев-Гриневиц, 2008: 32], очевидна «избыточность средств называния понятия» [Гринев-Гриневиц, 2008: 102].

Наличие синонимии в специальной лексике также отмечено другими российскими терминоведами. В зависимости от формальной структуры выделяются термины-слова (однокомпонентные термины) и термины-словосочетания (многокомпонентные термины). В соответствии с этим, терминологическая синонимия подразделяется на лексическую (термины-слова) и синтаксическую (термины-словосочетания) [Головин, Кобрин, 1987: 53]. В системе юридической терминологии американского договорного права встречаются синонимичные пары, синонимичные ряды, отдельные синонимичные ряды могут быть рассмотрены как набор терминов-синонимов с ведущим термином-доминантой [Розенталь, Теленкова, 1976: 100]. Именно этот подход в систематизации семантики терминологической области американского договорного права мы используем в данной работе.

Таким образом, терминология как системное образование является подсистемой общего языка, находящейся в непрерывном взаимодействии и органично связанной с ним, подчиняющейся его законам, как часть целого единого организма со специальной функцией (профессиональной). Вследствие постоянного двустороннего обмена между языком науки и общелитературным языком происходит развитие терминосистем в профессиональной сфере и детерминологизация термина в общелитературном языке. Поэтому, в данной работе синонимия в терминологии рассматривается как естественный процесс. Синонимия терминосистемы объясняется несоответствием термина и понятия, избыточностью средств номинации понятия [Гринев-Гриневиц, 2008: 102], а термины-синонимы – это «термины одного и того же языка с тождественным или подобным значением» [Гринев-Гриневиц, 2008: 103, 105].

1.5.2 Проблема антонимии термина

Антонимия определяется как «тип семантических отношений лексических единиц, имеющих противоположные значения (антонимов)», как одна из языковых универсалий, наравне с синонимией и полисемией свойственной всем языкам [ЛЭС, 1990]. Антонимия, как предельность, противоположность внутри одной сущности, объекта или признака, может типологически разделяться на контрарную и комплементарную, лексическую и словообразовательную. Некоторые терминологи выделяют логическую антонимию, которая появляется «в языке науки, что заставляет говорить не столько об антонимах, сколько о понятийных терминологических оппозициях» [Куликова, Салмина, 2002: 42], и которая помогает «обозначить крайние точки терминологического поля, перебрать логические возможности терминологической системы» [Суперанская, Подольская, 2003: 54]. Этот взгляд, безусловно, имеет простое объяснение. Если основной целью термина является служение четкой, точной передаче информации, максимально однозначно интерпретируемой, если для этого терминологи прикладывают специальные усилия по унификации термина, освобождая его от оценочных эмоциональных смысловых компонентов, в этом случае в структуре значения и передаваемого смысла остаются максимально рациональные, и, следовательно, логические компоненты, что, естественно, выделяет и укрупняет логическую составляющую в структуре слова.

Терминоведы признают усложнение процесса антонимии в терминологии по сравнению с областью общего языка. Н.Н. Болдырев обращает внимание на то, что отрицание как средство интерпретации и реинтерпретации концептуального содержания, необходимого для формирования новых независимых смыслов [Болдырев, 2009: 39-45].

Когнитивная лингвистика считает оппозицию и отрицание не просто лингвистическими феноменами, но неотъемлемой частью познавательной и интеллектуальной деятельности человека, феноменами человеческого мышления, фундаментальными категориями, которые участвуют «в структурировании содержательного мира человека и играют значительную роль как в познавательной

деятельности человека, так и в организации речевого взаимодействия» [Кофман, 2011: 257, 258]. Эти средства делятся на имплицитные и эксплицитные, и последние подразделяются на два типа: морфологический (отрицательные местоимения, частицы, наречия, союзы и пр.) и лексический (отрицательные аффиксы).

Модели и механизмы семантического противопоставления исследуются в когнитивной семантике. Категориальное понятие противоположности имеет сложную логическую структуру. В общем случае, противоположным признается то, что максимально отлично по признаку, положенному в основание сравнения [Никитин, 2007]. Согласно М.В. Никитину, для того, чтобы два понятия или два значения считались противоположными, необходимо, чтобы их содержание исчерпывалось противоположными семантическими признаками или, при наличии у них общего родового признака, их видовые дифференциальные признаки были противоположными. Противоположные признаки представляют собой признаки одного рода (качественная противоположность), или признаки с общим основанием. Противоположность предполагает некое обобщающее начало, общую основу, что особенно характерно для качественных противопоставлений [Никитин, 2007: 402].

Суммируя вышесказанное, антонимия, как категория противоположности, с точки зрения когнитивной семантики, имеет сложную логическую структуру. Настоящее исследование придерживается взгляда на антонимию, изложенного в работах М.В. Никитина: противоположность или антонимия термина предполагает либо предельную противоположность семантических признаков, либо противоположность дифференциальных признаков при наличии общего основания (родового признака).

1.5.3 Полисемия термина. Содержательное ядро термина и терминосистемы

Лексическая полисемия, «способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности» [ЛЭС:1990],

естественное явление в языке, выраженное в появлении лексико-семантических вариантов слова, в основном в процессе метафорического и метонимического переосмысления окружающей действительности, в особенности, при появлении новых объектов, процессов или явлений. Совокупность лексико-семантических вариантов (ЛСВ) формирует смысловую систему значения лексической единицы языка.

Системность значения слова, полисемантическая структура его значения, разделенная на содержательное ядро (далее СЯ) и периферию, поиск СЯ как сущности, независимой от контекста, скрепляющей все ЛСВ, исследование структуры СЯ, его стабильности представляют собой серьезную комплексную и в настоящий момент не до конца решенную проблему лингвистики.

Определяя сущность полисемии, М.В. Никитин уподобляет её как объект и процесс гравитационному полю, которое сгущается к центру и формирует этот центр как систему взаимодействий с постепенным ослабеванием сил тяготения в направлении периферии. Само многозначное слово представляется в виде такой гравитационно неоднородной системы. Как центр, так и периферия способны захватывать концепты [Никитин, 2007: 176]. Этот захват выражен в способности выражать данный концепт через систему значений или через значение, которое актуализировано в конкретной ситуации. Сущностно, значения многозначного слова связаны через их содержание, через которое они могут взаимодействовать. Значения в содержательном аспекте градуированы по близости-дистантности с оппозициями внутри полисемантической единицы, которая все еще связана с ядром полисеманта, до признания факта омонимии.

В отношении мотивации развития значения слова следует заметить, что системность значения, его структуры, способности содержания слова отражать окружающий мир и изменения в нем отмечают все исследователи полисемии слова. По мнению М.В. Никитина, на каждом этапе развития человека и его представления о мире, язык «использует старый свой материал, подчиняя его новым задачам выражения, или выводит новые единицы», что приводит к постоянной перестройке системы значения, незавершенности системы [Никитин,

2007: 178], рациональной ограниченности ресурсов терминологического потенциала, эволюции процессов познания человеком окружающего мира [Зеленцова, 2004; Одинцова, 2007]. Сама полисемия термина может быть названа способом экономного использования языковых средств, компактной передачей максимально упакованных в одном слове системы смыслов минимальными средствами [Гринев, 1993: 64; Татаринов, 1996: 58].

Развитие значения в системе ЛСВ одной терминологической единицы-полисеманта мотивируется несколькими причинами. Первой и главной причиной следует назвать природу лексической составляющей языка. Лингвисты на данном этапе развития лингвистической науки практически согласились с тем, что терминология является подсистемой общего национального языка, и законы развития языка, а именно, экономия языковых средств и экспликация накопленных в языке изменений в рамках уже имеющихся лексических средств. Этот же способ, способ семантического образования, мотивирует переход термина слова или словосочетания в область терминологии. Для английского языка семантический способ терминообразования признается учеными наиболее распространенным [Ивина, 2003: 17].

Вторая причина – это творчество ученых (так называемая «авторская многозначность»), создание своей собственной интерпретации явления. Разнообразие содержательной интерпретации терминов объясняется учеными действительной сложностью терминологических единиц, недостаточной степенью развития предметной области, расплывчатостью научных идей [Лемов, 2000: 56], или самим процессом познания постоянно развивающейся действительности [Татаринов, 1996: 164].

При переходе слова в термин действуют метафорические, метонимические законы и законы конверсии. Вследствие этого, мир смыслов терминологической сферы не всегда изоморфно отражает исходную область, он, зачастую, трансформируется в соответствии с принципами, установками и ценностями самой терминологической области, ее специфики.

Полисемия как процесс развития значения слова, может быть рассмотрена с точки зрения существования общеупотребительной лексики и терминологии. С этой позиции, значение лексической единицы развивается в рамках трех процессов: терминологизации («перехода общеупотребительного слова в термин»), детерминологизации (потери термином дефинитивных и системных характеристик) и ретерминологизации (переноса готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным переосмыслением) [ЛЭС: 1990].

В обыденном сознании человек выбирает слово в определенном контексте, спонтанно, интуитивно, не всегда рационально [Канке, 2002], при выборе слова и его использовании, при создании устного и письменного текста, более сильны процессы опущения, обобщения (абстрактные лексические единицы, номинализации) и искажения информации. Весьма часто, в особенности, в отдельных сферах и ситуациях межличностного общения, задействуется не рациональная и аргументативно-доказательная составляющая слова, хранящаяся в его содержании, а его манипулятивный потенциал, например, его многозначность и возможность множественной интерпретации в рамках контекста производимого текста, намеренная метафоричность использования слова для более точного воздействия на чувства, на неосознаваемые мотивы и решения человека – собеседника. Прекрасным примером этого является реклама.

В терминологии как устойчивой базе для развития науки, абстрактные понятия занимают также достойное место, однако играют другую роль и определены в словарях иначе. Рассматривая объекты и процессы на абстрактном уровне, например, в виде когнитивных моделей разного рода (концептуальной метафоры, сценария, идеальной когнитивной схемы), в профессиональной деятельности важной составляющей описания абстракции является ее модельная конкретизация, состоящая из также абстрактных компонентов, но эксплицирующих реальные процессы, например, определенный когнитивный образ, вызываемый концептуальной метафорой стоящей за текстом, воздействующий на мысли и чувства партиципанта, или смоделированные в виде абстрактных этапов сцены и фрагменты сценарной модели. В научной и

профессиональной сфере можно говорить об абстрактной детализации, реализованной в схемах и моделях, и дефинициях лексико-семантических вариантов, в значениях полисемантов. Такая детализация, конкретизация, экспликация носит намеренный и обязательный характер, сколько бы значений (ЛСВ) не было у слова-термина. Это – профессиональная необходимость, так как термин служит конкретным целям, должен быть выбран максимально безошибочно, иначе это будет вести к профессиональным ошибкам и в конечном итоге, потере материальных ресурсов.

Проблематика формирования терминологического значения, терминологизации общеупотребительного слова и детерминологизации термина (например: Л.М. Алексеева, А.Ю. Багиян, Е.А. Войцева, М.Н. Володина, Б.Н. Головин, С.В. Гринев, Т.Р. Кияк, М.В. Косова, М.Н. Лату, Л.Н. Лубожева, А.А. Макарова, М.М. Русакова, А.Ю. Фетисов, С.П. Хижняк, А.Н. Шиловский, А.Н. Шурыгин, и др.) является актуальной, поскольку выявление содержательного различия между общеупотребительным словом и термином, а также, между термином и понятием, термином и концептом, позволяет многоаспектно описать языковые системы, что в свою очередь ведет к пониманию когнитивных процессов в сознании, сути понятия «термин», общего понимания процессов, происходящих в терминосистеме. По меткому замечанию А.Ю. Багияна, «экстра- и интралингвистические факторы детерминологизации в очередной раз говорят о насущной необходимости детального и глубокого анализа соотношения общелитературной и специальной лексики. [...] данное соотношение явно прослеживается в трех измерениях, неразрывно связанных друг с другом: научное/обыденное знание; понятие/значение; термин/слово», сопровождается «непрерывающейся полемикой», повлекшей за собой появление проблематики разграничения «понятия» и «концепта» [Багиян, 2014: 29].

Согласно современным представлениям, переход лексической единицы общего языка в область терминологии мотивирован процессами метафорических и метонимических переходов, а также, конверсией. Становясь термином и функционируя в профессиональной области, слово-термин накапливает

профессиональные смыслы, в первую очередь в рамках намеренной экспликации этих смыслов специалистами, которые его используют. Содержание термина трансформируется, уточняется. Так как профессиональные сферы сами подвержены существенным изменениям в связи с некоторыми глобальными процессами (самой глобализацией, цифровизацией, бурным развитием информационных технологий, сегментацией больших областей профессиональной деятельности на подобласти, и пр.), это приводит к развитию полисемии самого термина, развитию гипер-гипонимических терминологических систем.

Изменение в содержательной системе термина происходит также под воздействием развития теоретической мысли. Если термин функционирует в двух и более областях или в нескольких сегментах одной профессиональной области, то он может быть подвержен изменениям как общего развития теоретической мысли профессиональной сферы, так и развития конкретных сегментов профессиональной деятельности. Так, дефиниция термина *contract* [Garner, 2009: 365-366] является полисемантом, содержит 8 значений. Содержание ЛСВ полисеманта *contract* зависит, в основном, от определенного доктринального взгляда на договор и от сферы деятельности договора.

Детерминологизация – это процесс перехода термина из профессиональной сферы в сферу общего языка и потеря при этом полноты содержания, конституативных свойств [например, Мартемьянов 2004; Мелех 2004]. У этого процесса есть несколько веских причин: 1) развитие социальных сетей, профессиональных и непрофессиональных; 2) популяризация науки; 3) возрастание интереса всего сообщества в целом, и нового поколения Z в частности к достижениям науки; 4) интерес средств массовой информации к научным достижениям и профессиональным сообществам; 5) многозадачность и многоаспектность любой профессиональной деятельности, требующей внимания к смежным областям. Что касается терминологии договорного права, очевидно, с ней сталкивается практически любой гражданин любого государства.

Вследствие этого, границы между терминологическими областями, и между областью терминологии и общим языком, неминуемо становятся более

прозрачными. Термин часто используется не в научных целях, а в прикладных, что зачастую приводит к потере его полноты и глубины содержания.

Содержание знака – это экспликация части опыта, накопленного человеком в ходе его деятельности. Содержательное ядро знака, называемое иногда инвариантом (от математического, величиной, не меняющейся при преобразованиях), семантическим инвариантом, лексическим прототипом, являющимся «наилучшим представителем» многозначного слова [Архипов, 2001: 39-57], представляет собой «ассоциативный комплекс, присущий слову и возникающий в сознании коммуникантов, который формируется как на базе семантической структуры слова, грамматической оформленности, структуры словообразования, мотивационных связей, так и на определенных традициях употребления лексических единиц» [Киселева, 2009: 78]. Семантический инвариант, понимаемый как абстрактная единица языка, как совокупность ключевых черт и признаков, противопоставлен вариантам лексической единицы [Белявская, 1987], как «абстрактная языковая сущность, включающая совокупность семантических компонентов, которые в одной из своих конфигураций лежат в основе всех или ряда ЛСВ, составляющих семантическую структуру слова в соответствии с интуицией среднего носителя языка» [Песина, 2005: 59].

С.А. Песина также отмечает, что «...значение – это не что-то незыблемое и прочно закрепленное за какой-либо формой, а подвижный семантический кластер, включающий конфигурацию необходимых семантических компонентов, формируемый в сознании носителя языка исходя из особенностей окружающего контекста» [Песина, Зимарева, 2019: 97]. Исходя из этого, кластером можно считать любую устойчивую конфигурацию семантических компонентов. В данной работе под *кластером* целесообразно понимать любую, наиболее частотно представленную конфигурацию лексических единиц или терминов, выявленных в ходе корпусных исследований. *Терминологический кластер* определяется как конфигурация терминов, максимально часто повторяющаяся в корпусе текстов исследования. Под *ценностным кластером* в работе понимается устойчивая конфигурация семантических компонентов (лексических единиц или терминов), на

понятийном уровне относящихся к убеждениям и ценностям (четвертый уровень иерархии нейробиологических уровней Бейтсона-Дилтса).

Проблематикой прототипа занимались представители различных лингвистических направлений когнитивного спектра в 20 веке. Взяв за основу работы Э. Рош [например, Rosch 1975, Rosch 1978], Дж. Лакофф [Lakoff, 1972; Lakoff, 1977; Lakoff, 1982; Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1987] рассматривает прототипичность категорий, различия когнитивных характеристик у центральных и периферийных членов категорий. Ученый замечает, что центральные члены категории могут использоваться как заместители целой категории, например, в случае метонимической модели категоризации [Lakoff, 1987: 32-33].

Лексический прототип, понимаемый как минимальный набор признаков, достаточный для идентификации категории, понятия, концепта, объекта мысли, представлен в работах С.Д. Кацнельсона, «узких понятиях» Б.А. Серебренникова, в семантических примитивах А. Вежбицкой, в термине «ближайшее значение» принадлежащем А.А. Потебне, в «десигнате» Ю.С. Степанова и в «интенционале» М.В. Никитина, противопоставленном «импликационалу», как семантической периферии, формирующейся вокруг содержательного ядра.

В данной работе мы используем подход к рассмотрению СЯ, предложенный несколькими учеными: И.К. Архиповым [Архипов, 2012: 73-75], С.В. Киселевой [Киселева, 2009; 2010: 281-291], С.А. Песиной [Песина, 2005, 2011, 2016] и др. В основе подхода лежит принцип развития многозначности слова как лексической единицы общего языка и терминологической единицы с центром изменений в виде СЯ как скрепляющего компонента. Прототипическое ядро понимается как семантическая общность всех ЛСВ полисеманта, как «минимальный пучок необходимых компонентов, связывающий все лексико-семантические варианты многозначного слова» [Киселева, 2007: 9], как ЛСВ лексической единицы слова общего языка, так и ЛСВ термина. Выявление семантической общности значений слова предполагает поиск оснований, которые служат созданию вторичной номинации лексических единиц, в том числе, возможной семантической перекатегоризации. Нахождение семантических компонентов, благодаря которым

одно значение связано отношением мотивированности и выводимости с каким-либо другим, позволяет продемонстрировать существование семантического инварианта во всех ЛСВ слова.

Таким образом, главная цель исходной методики выявления СЯ – найти **единый прототип** системы слово↔термин, прояснить мотивированность возникновения новых значений. Этой цели служит семантический анализ дефиниций слова, как единицы общего языка, определение номинативно-непроизводного значения (ННЗ) и выведение усредненного первичного значения на основе общеязыковых словарей и принципа частотности. Далее, ННЗ выверяется по терминологическим словарям, после чего воссоздается когнитивный образ полисеманта в целом, устанавливаются процессы деривации и терминологизации. Семантические переходы при перекатегоризации рассматриваются парадигмально, последовательно, от значения к значению для подтверждения семантического соответствия компонентов выявленному содержательному ядру.

Главная цель определения СЯ в данной работе – установление максимально точных независимых формулировок СЯ термина в сфере общего английского языка и в сфере юридического языка, с последующим нахождением компонентов, которые связывают систему слово↔термин и способствуют ее стабильности. Вследствие этого, в исходную методику определения СЯ вносятся изменения: она дополняется анализом с использованием таксономий данного исследования. Этапу выявления СЯ термина предшествуют этапы классификации терминов, исследование процессов синонимии и антонимии терминосистемы, моделирования когнитивного сценария договора, определение его статических и динамических компонентов сценария и их репрезентация терминологией АДП.

Выявление содержательного ядра лексической единицы в ОАЯ проводится с использованием общеязыковых словарей проходит 3 этапа. **На первом этапе** определяется усредненное первичное (номинативно-непроизводное значение (ННЗ), наиболее частотно представленное в дефинициях общеязыковых словарей [MWD], [WNWCD], [WCD], [LDAE], [AHD], [AHDEL], [CD], [CED], [CAED],

[CACD], [LDCE]. **На втором этапе** анализируется структура слова-полисеманта в ОАЯ и на основании первичного значения выводится вероятностное значение «как если бы ННЗ», его скрытое метафорическое значение [Киселева, 2007: 9]. **На третьем этапе** выявляется когнитивный образ полисеманта в ОАЯ, содержательное ядро полисеманта в ОАЯ, который позволяет интерпретировать производные значения полисемантов. На этом этапе добавлен анализ наиболее частотно представленных сем значений полисеманта и формулировки содержательного ядра ОАЯ с точки зрения модели нейробиологических уровней Бейтсона-Дилтса и модели сценария.

Далее определяется СЯ термина в ЮАЯ. **На четвертом этапе**, выявляется СЯ термина на основании юридических словарей, [Garner, 2009], [Gifis, 2015], [WEAL], [MWDL], [LC], [DLD], [ODL], [NFD], [FOLD], [FL], [CILE], а также книг, например, Э. Нолфи [Nolfi, 2009], [McLeod, 2010], разносторонне объясняющих терминологию права. На этом этапе находится первичное, номинативно-непроизводное значение термина, анализируется структура ЛСВ термина, полученные данные сопоставляются с нейробиологическими уровнями Бейтсона-Дилтса, определяются компоненты, связывающие содержательное ядро ОАЯ и содержательное ядро ЮАЯ. **На заключительном, пятом этапе**, на основании всех данных, полученных на предыдущих этапах, выявляются общие компоненты (семы) слова и термина, система СЯ термина визуализируется во взаимодействии содержательных ядер.

Таким образом, адаптированная методика последовательного рассмотрения полисеманта, как лексической единицы общего языка и как термина профессиональной и научной сферы, дает возможность выявить структуры содержательных ядер в ОАЯ и в ЮАЯ, и взаимосвязи внутри них и между ними.

В задачи исследования также входит определение СЯ концептосферы CONTRACT – AGREEMENT – SOCIAL CONTRACT. Задача нахождения различий в концептуализации АДП в сфере общего языка и юридического языка решается аналогично, с использованием метода корпусных исследований [Заботкина, 2015] на обширной выборке текстов как общего американского языка (далее ОАЯ), так и

юридического американского языка (далее ЮАЯ). Под СЯ концептосферы мы понимаем минимальную подсистему терминов АДП, связывающих все терминологические единицы системы. Для упрощения процедуры выявления СЯ концептосферы, оптимизации процесса обработки больших текстовых блоков и гарантии сохранения релевантности результатов исследования, данная методика дополнена вспомогательным статистическим инструментом, SEO-анализом компании Advego [SEO]. Методика выявления семантического ядра текста, предложенная сервисом Advego, позволяет получить данные по составу СЯ текста, плотности ключевых слов, проценту ключевых фраз. Эти данные служат материалом для определения СЯ системы. Границей семантического ядра в данном исследовании выбран индикатор 0,5 сервиса, что фактически, является центром семантического ядра [SEO]. Использование этого инструмента упрощает выявление ключевых понятий концептосферы лексической единицы и экономит время на обработку больших текстовых объемов.

Подводя итог обзору взглядов на полисемию, важно отметить, что полисемия термина понимается как системный двусторонний процесс: процесс терминологизации лексических единиц общего языка (их перехода в статус термина) и детерминологизации терминов (их употребления в обиходном языке). Система слово↔термин рассматривается в данной работе как система с центральным компонентом, содержательным ядром, которое с одной стороны, является устойчивым конструктом, с другой, имеет структуру взаимосвязанных СЯ: СЯ слова и СЯ термина. Выявление структуры СЯ слова↔термина и СЯ концептосферы термина и терминосистемы проводится с использованием дефиниционного анализа и метода корпусных исследований, дополненного методикой выявления семантического ядра текста сервиса Advego.

1.6 Терминология договорного права США

1.6.1 Актуальность исследования терминологии договорного права США

Договорное право США вызывает стабильный интерес исследователей в таких областях как юриспруденция, экономика, история, социология, политические науки, философия и пр. Причинами этого интереса являются сохраняющееся лидерство Америки в экономической и политической сфере, экспансия США во всех сферах общественного развития, включая экспансию в юридической сфере.

О внимании к американской юриспруденции, и, в частности, к договорному праву США, говорит статистика публикационной активности научных баз данных. Так, Научная Электронная Библиотека «Киберленинка» по всем научным базам содержит около 9000 источников по запросу «Договорное право США» и 3000 источников по запросу «Терминология договорного права США» [КЛ: договорное право США, американское договорное право].

В сравнении с довольно высоким интересом ученых к проблематике американского договорного права, публикации, рассматривающие лингвистические аспекты американского договора и договорного права США составляют не более 0,01% от общего количества публикаций. Например, Диссертационный фонд Российской Государственной библиотеки [РГБ], обладающий более чем 1,1 млн. отечественных кандидатских и докторских диссертации по всем отраслям знаний за период с 1944 года по настоящее время, содержит 570 работ в области филологии, относящихся к теме договорного права, в том числе, договорного права США, 616 работ, исследующих англоязычную юридическую терминологию. Тем не менее, немаловажно отметить, что за последние 10 лет интерес специалистов в сфере языкознания к вопросам англоязычного договора можно назвать возрастающим. Из 352 источников РИНЦ по тем же тематикам, 311 появились за последние 10 лет, из которых 188 появились за последние 5 лет (данные на апрель 2019 года).

Терминоведческие исследования юридической терминологии последних 20 лет охватывают широкий спектр *юридических дисциплин* (М.В. Авдеева, К.В. Бугаев, А.Ю. Высоцкий, М.Г. Гриневич, Ю.А. Грищенко, Гроте, де Г.-Р., М.Л. Давыдова, С.А. Дубровский, М.М. Зубович, В.Б. Исаков, М.В. Костромичева, Ю.А. Кузнецова, Н.Б. Лебедева, Н.А. Любимов, Н.Ю. Мартышко, Д.И. Милославская, М.М. Мушнина, О.В. Никитина, М.П. Пронина, В.Ю. Туранин, Л.Ю. Фомина, С.П. Хижняк, и др.). Диссертации, рассматривающие терминологию англоязычного договорного права или имеющие отношение к англоязычному договорному праву, исследуют *английскую, англоязычную и американскую юридическую терминологию* (Н.П. Глинская, 2002; Е.С. Максименко, 2002; Т.В. Ускова, 2008; С.В. Шабардина, 2002; и др.), *гражданское право* (К.В. Данилов, 2014; С.Д. Оськина, 2007; С.М. Шевченко, 2006; О.А. Ягзунович, 2011 и др.), *вопросы семантики англоязычной терминологии договорного права и смежных сфер* (В.А. Иконникова, 2005, 2014; С.Е. Максимов, 1984; Ю.А. Черноусова, 2012; Р.Е. Шкилев, 2005; и др.), *различные аспекты концептуализации в терминосистеме и исследованию отдельных концептов* (И.А. Громова, 2002; И.В. Палашевская, 2001; Ю.Н. Петелина, 2004; Н.С. Федотова, 2005; и др.), *проблематику когнитивного моделирования систем* (М.А. Зорина, 2016 и др.), *функционирование термина и перевод термина, судебный дискурс США* (М.П. Воробьева, 2017 и др.). Общий обзор диссертационных исследований и отдельных публикаций показывает, что сфера терминологии американского договорного права, как уникальная отдельно взятая система, недооценена российскими лингвистами, в особенности недостаточно работ, посвященных когнитивному взгляду на терминологию АДП, описанию системы в целом, процессов категоризации и концептуализации в терминосистеме. Картина областей АДП, исследованных с точки зрения когнитивной лингвистики выглядит эклектично.

Важно отметить, что публикаций зарубежных лингвистов и терминоведов по теме АДП также мало. В реферативной базе данных SCOPUS выявлено всего 27 источников, рассматривающих терминологию договорного права с лингвистической точки зрения, в основном, международного и европейского

(например, Dannemann, G., Ferreri, S., Graziadei, M., 2015; Israël De Haan, J., 2015, Perfumi, C., 2011; и др.). Все эти источники реферируются с процентилем важности выше 70%. Высоким процентилем важности в SCOPUS отмечены и публикации лингвистов (экономистов, юристов, специалистов в бизнес сфере, пр.), касающихся вопросов АДП и, отчасти, общественного договора. Необходимость привлечения лингвистических технологий к анализу юридической речи в области договорного права отмечает молодой американский исследователь, Елизабэт А. Джанитски (Elizabeth. A. Janicki), обращая внимание на лингвистическую сущность формирования договора. Не являясь лингвистом, автор предлагает использовать семиотическую модель коммуникации Романа Якобсона (Roman Jakobson's speech act model) для установления факта сформированности договора, а именно, подтверждения *оферты* (*offer*) и ее *акцептирования* (*acceptance*) [Janicki, 2018]. Важная роль метафоры и *метафорических понятий* (*metaphorical concepts*) в системе международных отношений отмечается в работе М. Маркса (M.P. Marks, 2018, процентиль важности: 82.863). Публикаций, в которых западные терминологи фокусно рассматривают вопросы договорного права и исследуют когнитивные аспекты АДП, не было найдено.

Лингвистическая картина АДП представляется нам эклектичной вследствие недостаточной изученности прототипических образов системы, концептуальной метафоры, прототипического сценария, концептосферы АДП, внешних факторов, взаимодействующих с системой АДП.

Коммерческие договоры, в особенности между крупными игроками бизнеса и отдельными известными публичными фигурами, представляют интерес не только сторон договора, но и общественности. Проблемы, возникающие в сфере заключения и исполнения договоров составляют довольно существенную часть дискуссии, происходящей в американских средствах массовой информации. Выявление концептуального образа термина в СМИ позволяет понять динамику восприятия обычным человеком процесса договора, что, в свою очередь, дает ключ к пониманию договора как социального феномена.

Социальная жизнь общества может рассматриваться с лингвистической точки зрения как процесс коммуникации в виде устных и письменных текстов, а также образов (видео образы, интервью, рекламные фрагменты, телевизионные передачи, пр.). Корпусы письменных текстов представляют собой богатый материал для исследования когнитивного образа выбранного языкового явления. Принимая это во внимание, рассмотрение взаимосвязи общественных явлений, например, такого феномена, как общественный договор (*social contract*), относящегося к сфере политики, с коммерческим договором (*contract/commercial contract*), функционирующим в терминосистемах бизнеса, экономики и юриспруденции, на концептуальном уровне с позиций когнитивной лингвистики, может раскрыть новые грани в понимании разных видов договора, сущности договора как, пожалуй, главного инструмента развития любых взаимоотношений в обществе. Также, моделирование систем *contract* и *social contract* с помощью инструмента концептуальной метафоры, реконструкция метафорического образа термина в сознании обычного гражданина позволяет прояснить сущность и взаимосвязь юридической и политической систем.

Юридическая сфера напрямую связана с политической, влияние политических тенденций на развитие юридических теоретических и прагматических профессиональных процессов, взглядов на развитие договорного права, интерпретацию источников права, изменение законодательной базы в системе свода юридических норм ускоряется под влиянием общемировых процессов. Лавинообразность и революционность современного развития науки (технологии искусственного интеллекта), экономики и менеджмента (нейроэкономика, нейромаркетинг, пр.) является для мирового сообщества колоссальным вызовом, мотивирует изменение в языковой картине мира на коллективном уровне, и, как следствие, стимулирует изменение в терминологии на концептуальном уровне. Именно поэтому, рассмотрение современной терминосистемы отдельной юридической профессиональной области невозможно без рассмотрения социальной и политической областей.

Политическая лингвистика рассматривает отдельные аспекты юридической тематики в рамках процессов политизации юридической сферы, исследований политической метафоры [например, Чудинов, 2013]. Однако, лингвистических работ, которые описывали общественный договор как внешний, фоновый фактор для договора коммерческого, не найдено.

На основании обзора публикаций, имеющих отношение к теме данного исследования, сделан вывод о недостаточной изученности когнитивных процессов в терминосистеме договорного права США. Принимая во внимание концептуальные особенности взаимодействия системы *общественный договор* ↔ *коммерческий договор*, представляется важным рассмотреть особенности этого взаимодействия. В данной работе американский общественный договор рассматривается как оболочка, пререквизит, мотивационный фактор изменений для системы АДП.

1.6.2 Национальные особенности терминосистемы американского договорного права

Вопрос в том, можно ли рассматривать сферу англоязычной правовой терминологии как единую сферу научного знания специальной области, носящую универсальный характер, или признать, что научное знание американской юридической сферы и английской юридической сферы обладают национально-культурной спецификой, остается дискуссионным. По этому вопросу есть спектр мнений, в том числе в парадигме когнитивного терминоведения, в работах, рассматривающих концепт, концептосферу, концептуализацию и категоризацию в языковой системе, репрезентацию знаний в наивной и научной картине мира.

Некоторые исследователи-лингвисты не разделяют англоязычную терминологическую сферу на американскую и английскую, считая, что научное знание универсально, «носит универсальный, а не национально-культурный характер», концепты признаются лишь как «абстрактные ментальные сущности» [Голованова, 2011: 28]. Некоторые авторы указывают на различия в этих языках, но полагают, что различия не нарушают коммуникацию. Основанием для этого

считаются современные процессы глобализации, которые способствуют интенсивному информационному обмену между нациями в процессе профессиональной и иной другой социальной деятельности. В ходе этих процессов происходит выравнивание жизненного уклада и стирание границ между языками [Пешкова, Шуйцева, 2017]. С.П. Хижняк также указывает на факторы формирования универсальных и схожих понятий правовой сферы в целом: обслуживание общественно-экономических отношений и культурно-языковые контакты народов в ходе исторического развития общества [Хижняк, 2016: 131].

Однако, терминологические исследования в области права, в том числе в сфере договорного права, свидетельствуют о том, что юридические терминосистемы обладают национально-культурной спецификой. Различия в концептуализации договорного права разных юрисдикций доказаны, например, в диссертациях В.А. Иконниковой [Иконникова, 2005, 2014]. С.П. Хижняк, рассматривая влияние национальной культуры на формирование языковой и концептуальной картин мира, приходит к выводам о наличии национально-культурной специфики на уровне семантики отдельного термина, национально-культурной маркированности значений терминов в терминосистемах правовой номенклатуры, в особенностях научных таксономий, в наличии терминологических лакун [Хижняк, 2011: 151-152]. Автор указывает спектр причин, по которым существуют эти различия, а именно, тесная связь культуры, религии и права отдельно взятой юрисдикции, персонификация науки и развитие юридической науки внутри научных школ, экстралингвистические факторы, обуславливающие различия в картинах мира, отраженных в терминологии [Хижняк, 2011: 150-154].

В пользу отдельного рассмотрения правовых доменов американского и английского языков свидетельствует и фактические различия в историческом развитии английского языка США и Объединенного королевства. Своеобразие американского языка обусловлено территориальной разделенностью США и Объединенного королевства, каждое из государств, каждый народ прошел свой

путь развития, что оказало влияние на национальный язык и менталитет, являлось центробежной силой, способствующей разделению, расхождению языков.

Рассматривая проявления национально-культурной специфики в научной картине мира правовой науки, С.П. Хижняк обращает внимание на то, что структура концепта содержит в качестве основы как понятийный компонент (особенности терминологического значения, которые можно выделить путем дефиниционного анализа), так и непонятийный компонент (совокупность предметных фоновых знаний) [Хижняк, 2016].

Несмотря на то, что универсальные понятия присутствуют в правовых системах разных государств, исследователь акцентирует внимание на том, что и язык права, и язык науки о праве обладают очевидной национально-культурной спецификой. Наука о праве (правоведение) часто сохраняет «некоторые термины и понятия ранних этапов развития терминологии, когда влияние других правовых культур на национальную было либо слабым, либо его вообще не было» [Хижняк, 2016: 131]. К факторам, формирующими сферу права и язык права, С. П. Хижняк относит особенности отражения государственного устройства двух стран, которое влияет на семантическую структуру (в частности, различия в дифференциальных семах, присутствие определенных сем в американской терминосистеме и их отсутствие в английской) и позволяет назвать эти семы этнокультурными.

К аналогичным результатам приходит Е.С. Максименко, рассматривающая в своей диссертационной работе национально-культурную специфику американской и английской терминосистем и доказывающая, что эта особенность проявляется в составе терминосистемы, в системных отношениях отдельных терминов и на уровне их семантики [Максименко, 2002].

Национально-культурная специфика права формируется и под воздействием культуры и религии, как «наднационального фактора», тесно связанного с культурой. Религиозные картины мира характеризуются «региональными и национально-культурными проявлениями, что обуславливает формирование ряда конфессиональных парадигм одной и той же религии». В свою очередь, сфера права закрепляет религиозные нормы и принципы. Эти процессы естественным

образом обуславливают «значительные национально-культурные особенности правовых картин мира, в том числе и научных» [Хижняк, 2016: 132]. Кроме того, любая научная картина мира репрезентирована в виде различных школ, доктрин-учений, авторских картин мира. Каждое доктринальное направление в науке стремится внести вклад в развитие своего учения, его терминологической базы, и представители школ разделены территориально, культурно, национально.

В качестве фактов, свидетельствующих в пользу различения американской правовой и английской правовой сферы, С.П. Хижняк приводит примеры научных таксономий, наличие отдельных терминологических лакун, отсутствие целых фрагментов картин мира.

Довольно детальный обзор взглядов на эту проблему дается в работе Е.Ю. Чибисовой [Чибисова, 2010]. Как показывает обзор исследователя, вопросы различия американского и британского языков рассматриваются в работах Т.И. Беляевой, Б.В. Братусь, И.Р. Гальперина, Г.Д. Звиададзе, Г.Л. Менкен, А.В. Кунина, И.А. Потапова, Э.Г. Ризель, Л.П. Ступина и др. Г.Л. Менкен считает американский язык самостоятельным языком, Б.В. Братусь полагает, что американский язык является диалектом английского языка, Э.Г. Ризель приводит доводы в пользу того, что вышеназванные варианты английского являются дуплетами. Г.В. Степанов отмечает, что национальный вариант языка приспособляется к традициям и требованиям нации, следовательно, это особая форма функционирования единого языка.

Е.Ю. Чибисова также обращает внимание на то, что фактом признания суверенности, а значит и явной, существенной национальной специфики языка является факт кодификации нормы литературного языка и ее фиксация в словарях, что в современном английском очевидно в словарных статьях Оксфордских словарей, Webster's New Collegiate Dictionary, Webster's New World Dictionary [Чибисова, 2010: 297]. На основании выявленных фонетических, лексико-семантических, грамматических и орфографических различий, Е.Ю. Чибисова утверждает, что «английский язык – это национально негетерогенный язык, обладающий единством, и в то же время представляющий собой систему,

состоящую из суверенных национальных элементов, а американский язык – это одна из форм его функционирования, обусловленная географическими, этническими, историческими, культурными, экономическими, политическими и другими условиями его существования и развития» [Чибисова, 2010: 298].

На различия в лексико-грамматическом строе языка указывают многие российские и зарубежные исследователи, отмечая большое влияние американского языка вследствие геополитических процессов [Боклаженко, Корепина, 2015; Тимашова, 2014 и др.].

Частотность использования терминов *английское договорное право*, *англоязычное договорное право*, *англо-американское договорное право*, *американское договорное право* специалистами в юридической сфере и лингвистами представлена в **Таблице 3**. Исследование сделано на полной выборке публикаций РИНЦ (данные на 24.05. 2019). Данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство исследователей-юристов рассматривают английское и американское договорное право, как самостоятельные области.

Таблица 3. Количество РИНЦ публикаций, использующих понятия *английское договорное право*, *англоязычное договорное право*, *англо-американское договорное право*, *американское договорное право*.

Термин	Статистика по всем сферам знания	Статистика по сфере «языкознание»
Английское договорное право	90	18
Англоязычное договорное право	6	5
Англо-Американское договорное право	17	1
Американское договорное право	36	4

Здесь стоит обратить внимание на ограниченное количество лингвистических исследований в сфере АДП.

На основании всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что американский и британский юридические языки обладают национальной спецификой и их необходимо рассматривать независимо, учитывая национально-культурный компонент. В нашем исследовании мы поддерживаем точку зрения С.П. Хижняка и Н.Н. Болдырева, считающих, что любая терминологическая область, как субдомен национального языка, представляет собой «коллективно выработанный понятийно-категориальный аппарат», который обладает «явной социокультурной и территориальной спецификой» [Болдырев, 2015: 35-36].

1.6.3 Становление предметной области и терминологии американского договорного права

Английское право – исторически сложившаяся основа развития мировой юридической системы, в которой английское договорное право занимает центральное положение, так как договор является основой коммуникации сторон в бизнесе, экономике, социальной сфере.

Американское договорное право наследует английскому общему праву, и развитие этой юридической сферы – результат вклада в первую очередь английских, а впоследствии американских ученых-юристов и юристов-практиков. В этом параграфе прослеживается развитие идей договорного права, вклад выдающихся юристов в их развитие на фоне исторического развития США.

Термин *Anglo-American common law* говорит сам за себя. Именно англичане-колонисты, переселившиеся из Старого Света, заложили основы правовой системы США. По мнению американских исследователей, «никакая другая система права реально не имела шанса утвердиться в США, так же, как и никакой иной язык, кроме английского. Возникшая в Англии система общего права – ее традиции, способы и приемы – пересекла Атлантику и пустила корни в этой стране» [Фридмэн, 1993: 34]. С конца XX века и издания книги Л. Фридмэна, в том числе в России [Фридмэн, 1993], прошло более 25 лет. За это время многие западные, английские и американские ученые отслеживали историю и современные тенденции в договорном праве, принимая во внимание договорное право США

(например, Т. Bathurst, 2016; Joseph M. Perillo, 2000; W. Pratt, 1988; A.W.B. Simpson, 1979, 1987; и др.). Работа Р. Орсингера (Richard R. Orsinger), автора сравнительно недавнего обзора американского договорного права [Orsinger, 2015], интересна для нас тем, что учёный не только предлагает свою авторскую периодизацию исторического развития американского договорного права, но и последовательно и скрупулезно рассматривает развитие идей договорного права и его терминологии, а также унификацию и кодификацию этих идей. Его обзор позволяет проследить изменения в смысловом наполнении терминологических единиц в различные периоды развития права, вклад юристов, ученых и практиков в это развитие.

Л. Фридмэн условно разделяет историю развития американского права на 4 этапа: колониальный этап, этап формирования штатов, этап движения к независимости от Великобритании, и современный этап, этап самостоятельного развития юридической системы США [Фридмэн, 1993]. По Л. Фридмэну, главными источниками американского права являются 1) местные правовые обычаи, так называемое «народное право»; 2) правовые нормы и практики, возникшие у переселенцев как результат общения с местными племенами; 3) нормы и правовая практика, вырабатываемые на основе религиозных верований переселенцев.

Р. Орсингер [Orsinger, 2015] также выделяет три периода развития договорного права США: английское имущественное право (*English property law*), которое автор называет архаичным Американским правом (*Pre-Modern American Contract Law*); современное договорное право (*Modern Contract Law*), и пост-современное договорное право (*Post-Modern Contract Law*). Переход от архаичного права к современному, по мнению Р. Орсингера, был переходом от концепции права на собственность (*ownership rights in property*) к правам и обязанностям по договору, и к идее исковой силы договорных обязательств (*the enforceability of promisee*).

Первый этап, колониальный период, в соответствии с периодизацией Л. Фридмэна, длящийся по времени с XVII по XVIII века: период от первых поселений, когда было сильно влияние пуритан-колонистов до Войны за Независимость. В этот период происходило развитие становления тринадцати

английских колоний и тринадцати правовых систем, заимствование правовых институтов извне, в первую очередь, из английских правовых институтов [Фридмэн, 1993: 34]. Некоторые колонии были основаны не англичанами. Например, штат Нью-Йорк был основан голландцами, и соответственно, на его территории действовало голландское право. Несмотря на своеобразие социальной и политической жизни каждой из колоний, их правовая система формировалась на основе английского общего права, статутного права и права справедливости, которое постепенно вытесняло другие нормы права. В колониальный период грамотных юристов не хватало, в этой связи суды колоний упрощали и видоизменяли английское общее право и целые его институты. Подготовка юристов – местных жителей начинается только в XVIII в [Фридмэн, 1993: 34-36].

Развитие капитализма и капиталистического предпринимательства были толчком к развитию юридической системы в целом, и договорного права США, в частности. Во второй половине XVIII в. четырехтомный трактат английского юриста У. Блэкстоуна (W. Blackstone) «Комментарии к законам Англии» (*Commentaries On The Laws Of England*), опубликованный в период с 1765 по 1769 гг., стал доктринальным источником, основой и началом целенаправленного процесса развития АДП. В нем У. Блэкстоун посвятил несколько страниц договорному праву, а именно, коммерческим сделкам, которые в его время были частью вещного права, права собственности. В частности, У. Блэкстоун выделяет и определяет категории договора, например, *naked contract*, *implied contracts*, *implied contractual obligation*, *consideration*, *sufficient consideration*, характеризует компоненты соглашения (*agreement*), разделяет понятия *executed contract* и *executory contract*, обсуждает проблематику таких понятий как *the subject matter of the contract*, *debt*, *remedies for breach of contract*.

Второй этап по Л. Фридмэну длился с 1790-х гг. по 1860-е гг. Началом этого периода в истории развития юридической терминологии стало образование Соединенных Штатов Америки и принятие Конституции США 1787 г. Этот этап закончился Гражданской войной Севера и Юга [Фридмэн, 1993: 38-40].

Провозглашение независимости штатов стало началом формирования новой юридической касты профессионалов. В этот период английское право и прецедентное право признаётся всеми штатами официально, хотя с некоторыми оговорками. В период 1780-х гг. – 1860-х гг. АДП активно развивается, во многом заимствуя лучшие юридические идеи и практики Британии и Европы. Трудно переоценить вклад Робера Ж. Потье, французского юриста, судьи и профессора из Орлеана, написавшего несколько масштабных трактатов по договорному праву, оказавших влияние на Англо-Американское и Французское договорное право. Идеи Р. Потье во многом воплотились во Французском Гражданском Кодексе Наполеона (*French Civil Code*) 1804 года. Тексты этого юриста звучат актуально и сейчас, например, следующая выдержка из его трактата могла бы сегодня звучать комментарием современному договорному праву США: «*an agreement is the consent of two or more persons to form some engagement, or to rescind or modify an engagement already made*» [Orsinger 2015: 8]. В трактатах Р. Потье терминология науки о договоре пересекается с терминологией политической науки, в частности, общественного договора (*social contract*) и философии: «*This contract (комментарий мой: a contract of sale) is entirely of natural right; for not only does it owe its origin to that right, but it is governed solely by rules drawn therefrom*» [Orsinger 2015: 8].

В 1808 году принимается Гражданский кодекс Луизианы (*Civil Code of Louisiana*), который развивает и конкретизирует структуру, основные принципы и правила договора, вводя концепты современного права. Следует отметить, что до 1848 года английские процессуальные формы (*English Forms of Action*) доминировали в договорном праве Америки. В 1848 году они были отменены в Нью-Йорке после выхода в свет трактата английского юриста Т. Парсонса (Theophilus Parsons), опубликованного в 1853 году. Будучи профессором права Гарвардского университета, в своих работах Т. Парсонс переосмыслил философию общества, цели договорного права и средства для достижения справедливости. Сфера интересов профессора лежала на пересечении трех сфер: политической науки, общеправовых вопросов и договорного права. Т. Парсонс пишет: «*The*

Law of Contracts, in its widest extent, may be regarded as including nearly all the law which regulates the relations of human life. Indeed, it may be looked upon as the basis of all human society». Эти слова звучат современно, как будто сказаны сегодня. Они подтверждают тезис, высказанный в данной работе, о необходимости рассмотрения договора на стыке политической, юридической и социальной сфер. В своих работах Т. Парсонс также дает собственную интерпретацию определений таких понятий как *contracts, express and implied contracts, contracts under seal, enforceability of contracts under seal without consideration* [Orsinger, 2015: 23-24].

К этому же периоду можно отнести трактат лондонского барристера Стефена М. Лика (Stephen Martin Leake) «*The elements of the law of contracts*», опубликованный в 1867. В этом трактате Стефен М. Лик одним из первых представил свои размышления в рамках логики принципов и норм права, разделил все договоры на *simple contracts, contracts under seal* и *contracts of record*, определил необходимость взаимного согласия (*the necessity of mutual consent*) при заключении договора, детализировал правила и нормы, управляющие понятиями *offer and acceptance*, уточнил требования к термину *consideration*, внес вклад в разъяснение таких понятий права как *fraud, mistake, incapacity to contract on the part of minors, incompetents, married women*, терминов *express agreements* в сравнении с *agreements implied in fact or in law*. Будучи сторонником объективной теории формирования договора (*the “objective theory” of contract formation*), он рассматривал достижение согласия с гипотетической позиции здравомыслящего человека (*a reasonable person*), его оценки действий, поступков и слов сторон договора. Стефен М. Лик утверждал, что важным критерием достижения согласия (*agreement*) является сообщение, уведомление сторон о намерениях.

Одним из интереснейших авторов-юристов этого периода, чьи книги актуальны и сегодня, является Джозеф Читти-младший (Joseph Chitty, Jr.), английский юрист, написавший несколько трактатов, например, *Treatise On Commercial Law* (1818), *A Treatise On The Law Of Commerce And Manufacturing And The Contracts Relating Thereto* (1824), и *A Practical Treatise On The Law Of Contracts Not Under Seal* (1826), ставших значительным вкладом в развитие Англо-

Американского договорного права. Он одним из первых начал обсуждение таких важнейших понятий, как *the form of contracts*, в том числе *mutual promises to marry; offer-and-acceptance; mutuality of obligation, analysis of promises, remedies for breach of contract*, рассмотрел два вида встречного удовлетворения (*consideration*), а именно *valid consideration* и *sufficient consideration*, определил виды договоров, требующие письменного заключения [Orsinger 2015: 15]. Трактат Джозефа Читти младшего по договорному праву, опубликованный в 1827 году, цитируется и по сей день, переиздан более 30 раз, последний раз в 2019 году [Chitty, 2019].

Третий этап по Л. Фридмэну начинается в Америке в 1860-е гг. победой Севера в Гражданской войне (1861–1865 гг.) и заканчивается в 1940-е гг., во время начала Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Как отмечает автор, в этот период система американского права в меньшей степени стала зависеть от английской [Фридмэн, 1993: 41-49].

Хотя влияние английского общего права в США до конца XIX в. было велико, в начале XX в оно начало ослабевать, правовая система США стала приобретать свои уникальные черты, под влиянием развития экономики США, нарастающей независимости в развитии юридических институтов, в самом американском праве зародились новые прецеденты, в том числе, прецеденты договорного права. Экономическое развитие Америки требовало стандартизации и кодификации юридических принципов и норм, проблема остро встала в начале XX столетия, и общее право затрудняло процесс кодификации.

Два британских юриста, которые внесли значительный вклад в развитие Англо-Американского договорного права в этот период, были Ф. Полок (Sir Frederick Pollock) и Вильям Р. Ансон (Sir William Reynell Anson). В своих трактатах, Ф. Полок («The principles of contract at law and in equity», 1876 г.) и Вильям Р. Ансон («Principles of the English law of contract», 1876г.) устанавливают правила и принципы АДП, концепты и терминологию, которые актуальны и по сей день (*offer, mirror-image acceptance, consideration, privity, rules of partnership; assignment of contracts; mistake; misrepresent* в сопоставлении с *fraud; undue influence; specific performance. proposal and acceptance*, и др.) [Orsinger 2015: 19].

В 1868 г. американский юрист и ученый И. Бенджамин (Judah P. Benjamin) публикует свой трактат «Treatise on the law of sale of personal property», который нашел признание в Англии и Америке. В нем он определяет 4 основы формирования договора: *parties competent to contract, mutual assent, a thing transferred from seller to buyer, a price in money paid or promised* [Orsinger, 2015: 15].

В конце XIX – начале XX века на юридической сцене появляется ученый-правовед, Оливер У. Холмс (Oliver Wendell Holmes), который становится одним из самых почитаемых профессионалов права в США. За 33 года развития своей карьеры О.У. Холмс работал в Массачусетсе и Бостоне, публиковал свои работы в *American Law Review*, читал лекции в американских университетах, в том числе в Гарвардской школе права (*Harvard Law School*). В 1902 году Президент Теодор Рузвельт предложил кандидатуру О.У. Холмса в Верховный суд США (U.S. Supreme Court), Сенат США утвердил кандидатуру. Ссылки на его работы можно встретить и в российских публикациях по АДП.

Оливер У. Холмс известен несколькими идеями, в том числе мнением, что общее право не является вездесущностью, определенной небесами («*brooding omnipresence in the sky*»), а также указанием на необходимость мыслить независимо, прогрессивно, и в развитии права первую очередь учитывать требования времени. Выдающийся американский юрист также считал, что ответственность при формировании договора и его интерпретации должна оцениваться с позиции объективных стандартов и представлений здравомыслящего человека («*reasonable man*» standard), и не базироваться на соображениях и представлениях сторон (*the actual thinking of the parties*). О. У. Холмс предложил переход от суждений и заключений на основе моральных принципов к принятию решений на основе стандартов поведения [Orsinger, 2015: 29-32].

Четвертый, современный этап, по Л. Фридмэну начинается в Америке с началом Второй мировой войны и длится по сей день. Этот период ознаменовался серьезными изменениями в систематизации и кодификации правовой сферы [Фридмэн, 1993: 49-50].

В 1952 году Институтом американского права была подготовлена систематизация американского общего права в многотомном издании «Обновленное изложение права». Огромное влияние на стандартизацию АДП оказал С. Уиллистон (Samuel Williston), последователь К. Лангделла (Christopher Columbus Langdell), юриста из Нью Бостона (*New Boston*), Декана Гарвардской школы права (*Harvard Law School*), автора трактата «Summary of the law of contracts» (1880).

Для нашего исследования важны некоторые работы С. Уиллистона, детально рассматривающие процесс формирования договора и представляющие ключевые концепты АДП во взаимосвязи друг с другом. Например, анализируя причинно-следственные отношения в системе *offer-and-acceptance*, в частности, переход от понятия *offer* к понятию *promise*, С. Уиллистон говорит следующее: «Before an acceptance can convert an offer to a promise, the promisee must give or perform the consideration. Acceptance does not imply the performance of consideration but providing consideration does imply acceptance, so it may be said that the offer is accepted by giving or performing the consideration» [Orsinger, 2015: 33-34]. Подобная детализация концептуальных переходов дает ключ к концептуализации переходов между этапами сценария договора.

Вклад С. Уиллистона в развитие американского права огромен. С. Уиллистон занимал пост редактора the *Harvard Law Review*, был главой Гарвардской школы права (Dean of Harvard Law School), сделал вклад в развитие Банковского права (трактаты «*Negotiable Instruments*», «*Commercial And Banking Law*»), был главным автором таких американских юридических документов, как the *Uniform Sales Act* и the *Uniform Warehouse Receipts Act*, он провозгласил National Conference of Commissioners on Uniform State Laws (NCCUSL) in 1906 и пр. Его вклад в развитие АДП предопределил выбор его в качестве главного автора Единообразного торгового кодекса (the *Uniform Sales Act*, 1906), закона о складских квитанциях (the *Uniform Warehouse Receipts Act*, 1906), Единообразного закона о письменных обязательствах (the *Uniform Written Obligations Act*, 1925) и, наконец, Свода норм договорного права (*Restatement Of The Law Of Contracts*, 1932), и его

редакции, Второго свода норм договорного права (Restatement (Second) Of The Law Of Contracts, 1981). С тех пор как Единообразный торговый кодекс (The Uniform Commercial Code (the U.C.C.) был обнародован в 1952, он проходит постоянную инспекцию и переработку для того, чтобы соответствовать развитию бизнеса [Orsinger, 2015: 28].

Подводя итоги практически столетнего периода развития договорного права США, и обобщая его современное состояние, Р. Орсингер характеризует концептуальное поле следующим образом: «Modern Contract Law has specific rules on who can create contract rights and duties, how contract rights and duties come into being, how contract rights can be assigned, how contract rights can be enforced, when contract duties are relieved, and who gets what when contract duties are breached and contract rights are impaired. Another aspect of Modern Contract Law is the effort to standardize and universalize contractual rights and duties, so that contracting parties, wherever they may be, know at the time of contracting what each is expected to do, and the consequences of not doing it. 1870 to about 1920 into Modern Contract law» [Orsinger, 2015: 4]. Новый этап, пост-современный (*the Post-Modern*), автор характеризует как нарождающийся, уже присутствующий в лекциях профессоров университетов, статьях, работах, монографиях ученых-юристов, но еще не вполне оформившийся.

Для исследования ключевых концептов терминосистемы американского договора, исторический обзор развития терминологии АДП в целом и отдельных терминологических блоков дает ключ к пониманию развития каждого из понятий. Третий и четвёртый этапы развития юридической терминологии и терминологии АДП как ее главной составляющей, подтверждает тезис о национальной специфике терминосистемы АДП. Тексты исторических обзоров развития АДП являются одними из главных источников формирования набора терминологических единиц исследования, так как эти тексты можно позиционировать на самом высоком уровне, энциклопедическом.

1.6.4 Теория общественного договора как фоновое знание для теории договорного права

Понятие *social contract* не является частью терминологической системы американского договорного права, рассматривается в данной работе как фоновое знание для АДП, имеет много интерпретаций и два перевода на русский язык – *общественный договор* и *социальный договор*. В значении «социальный договор», этот термин обозначает совокупность вполне конкретных договоров на оказание услуг в системе социальной защиты населения. Однако, на основании текстов корпуса СОСА и реферативной базы данных SCOPUS, сущность термина *social contract* представляется многомерной, наиболее часто общественный договор обсуждается в сфере политики как гипотетический.

Первое упоминание лексической единицы *social contract* относится к 1660 году [MWD: social contract]. Теории общественного договора посвящены работы выдающихся писателей, философов эпохи Возрождения – Т. Гоббса, Дж. Локка, Жан-Жака Руссо. Интерес к феномену общественного договора не ослабевает и сегодня. Количество публикаций реферативной базы SCOPUS (статей, обзоров, книг), в которых *social contract* выступает одним из ключевых понятий, возрастает. Так, с некоторыми годовыми колебаниями, за последние 12 лет (с 2007 по 2019 год) количество публикаций по тематике общественного договора, имеющих аффилиацию к американским исследовательским институтам, возросло на 50%.

Понятия *contract* и *social contract* в английском языке взаимосвязаны. Словарь Merriam-Webster online фиксирует факт появления лексической единицы *contract* в среднеанглийском языке (XIV век) в значении, являющимся первым производным значением «1a.: a binding agreement between two or more persons or parties» [MWD: contract]. Словарь также прослеживает историю возникновения слова через исчезнувший англо-французский язык (*Anglo-French*) к истокам, латинскому *contractus*, от *contrahere to* (*стягивать, уменьшать в размере*). Этимологический словарь Online Etymology Dictionary дает более подробную справку о происхождении понятия *contract* [OED: contract]: оно появилось в английском языке в конце XIV века как непереходный глагол в значении «*to draw*

into a smaller compass, become smaller, shrink», в начале XV века оно стало означать «*make an agreement, enter into a contract, agree or establish to undertake mutually*», пришло в английский язык, а до этого в старофранцузский (Old French) язык из латыни, было образовано от *contractus* (*past participle of contrahere*), означавшего «*to draw several objects together; draw in, shorten, lessen, abridge*» метафорическим переходом в «*make a bargain, make an agreement*».

Интересно, что в том же XIV веке, по свидетельству Merriam-Webster Dictionary, появляется понятие *social* как прилагательное [MWD: social], в значении «*1: involving allies or confederates: the Social War between the Athenians and their allies*», восходящее к латинскому *socialis* в значении «*of companionship, of allies; united, living with others; of marriage, conjugal*» [OED: social] от *socius companion, ally, associate*, возможно «*follower*» [MWD: social]. С 1660 года, приобретая смысл «*characterized by friendliness or geniality*», оно впервые употребляется Джоном Локком в значении «*of or pertaining to society as a natural condition of human life*» в 1695 году.

Авторы этимологического словаря Online Etymology Dictionary [OED] отдают пальму первенства во введении понятия Жан-Жаку Руссо (*Social contract* (1763)), хотя первым произведением, которое считается началом бурного развития теории общественного договора, является «Левиафан» Т. Гоббса (Thomas Hobbs, «*Leviathan*»), издание которого состоялось в 1651 году [Гоббс, 1936]. В конце 15 века понятие *social* как прилагательное приобретает значение «*devoted to or relating to home life*». Понятие общество (*society*) в своем первом значении «*1: companionship or association with one's fellows: friendly or intimate intercourse: COMPANY*» [MWD: society] появляется как существительное позднее, в 1513 году, в средне-французском языке (*société*) и корнями уходит в латынь, к *societat, societas, from socius=companion*.

Таким образом, в соответствии с хронологией появления понятий, термин *договор* заимствован политической наукой из юридической. Изначально, являясь концептуальной частью определенного рода коммерческих отношений, этот термин был использован философами эпохи Просвещения как основа для

аргументации существования государства и власти. Бытие понятия *договор* изменилось в новой сфере применения, постепенно обрастая политическими смыслами, хотя на доктринальном, теоретическом уровне, прослеживается единый терминологический блок, без которого невозможно рассмотрение ни *договора (contract)*, ни *общественного договора (social contract)*. Ключевые понятия этого блока составляют основу обоих договоров (понятия представлены по убыванию частотной представленности в текстах корпуса данной работы): *contract, agreement, person* (в значении «лицо», *физическое* или *юридическое*), *right(s), duty(ies), obligation(s), service(s), consent, enforcement, good will, good faith, property, commerce, protect, prosecution, defend, validity (valid/invalid), penalty, debt, compensation, witness, mutuality, trust, will, virtue, faith, Justice, Legislature, Law (laws), Court, rules, Jurisdiction (jurisdiction)*. и т.д [USC].

Очевидна связь общественного и коммерческого договора и в том, как философская мысль проводит различие теорий общественного договора: «*To explicate the idea of the social contract we analyze contractual approaches into five elements: «(1) the role of the social contract (2) the parties (3) agreement (4) the object of agreement (5) what the agreement is supposed to show»* [SEP: contractarianism]. Очевидно, что ключевые понятия теорий общественного договора совпадают с ключевыми понятиями коммерческого договора.

Понятие *общественный договор* в американском языке определено как *гипотетический* (рассматриваемый в основном с позиций политической теории) и как *фактический договор* (договор конкретных процедур взаимодействия государства и общества в широком спектре ситуаций). Главным юридическим инструментом общественного договора является конституция государства, в случае нашего исследования, Конституция США (*The Constitution of the United States*) [USC].

Как следует из преамбулы документа, народ, все члены американского общества, все граждане Америки (*We the People of the United States*) устанавливают в законодательном порядке (*ordain and establish*) правила, записанные в Конституции. Посему, как только человек получает статус гражданина США, он

становится частью американского народа и, фактически, соглашается с обязательствами, записанными в данном документе, который является договором между американским обществом и государством. Важно заметить, что договор изначально считается вступившим в силу в трех случаях: при подписании его сторонами, при однозначном эксплицировании согласия на условия договора либо в виде однозначно интерпретируемым устным согласием, либо в виде однозначно интерпретируемого поведения. В случае, если речь идет о только что родившемся ребенке, который пока не может сам изъявить согласие, это согласие изъясняется родителями, в первую очередь поведением (*conduct*), а именно, участием в типовых гражданских процедурах по регистрации рождения ребенка и пр. Таким образом, на уровне ключевой процедуры, согласия, соглашения, сценарий общественного договора как процесса ничем не отличается от концепции договора в юридической сфере.

Конституция США указывает на цель договора (*preamble*: «*to form a more perfect Union, establish Justice, insure domestic Tranquility, provide for the common defense, promote the general Welfare, and secure the Blessings of Liberty to ourselves and our Posterity*»). Власть, которая передается народом (то есть, всеми гражданами и каждым гражданином) в руки государственных органов (*Congress of the United States, Senate and House of Representatives*), предписывает требования к членам этих органов и процедуры их избрания, количество представителей народной власти в палатах в зависимости от штата (*Article. I.*), структуру Сената и Палат, общие положения и принципы оплаты услуг (*Article 1, Section 6, 7*); обязанности и процедуры работы Палат и их взаимодействия при разработке законов, конкретные сферы экономики, в которых действуют государственные органы и широкий спектр обязанностей по регулированию внутренней и внешней политики (*Section 8*); ограничение этих обязанностей (*Section 9, Section 10*). Статья 2 (*Article 2*) описывает структуру исполнительной власти, ее полноту, особенности избрания на пост и снятие с поста представителей народа. Часть 3 (*Article 3*) разъясняет те же процедурные особенности судебной власти (*Article III. – The Judicial Branch*). Часть 4, 5, 6 (*Article. IV. – The States, Article. V. – Amendment, Article. VI. – Debts, Supremacy,*

Oaths, Article. VII. – Ratification) предписывает принципы и процедуры взаимодействия между штатами и каждого из штатов с гражданами этих штатов.

Конституция США подписана гражданами – официальными представителями штатов (*Done in Convention by the Unanimous Consent of the States present the Seventeenth Day of September in the Year of our Lord one thousand seven hundred and Eighty seven and of the Independence of the United States of America the Twelfth. In Witness whereof We have hereunto subscribed our Names*). Система из 27 поправок к конституции (*Amendment*) регулирует процедурные детали процесса исполнения конституционного соглашения.

По существу, Конституция США, как основной закон всего государства, является, в то же время, договором между штатами, входящими в союз государств, подписанный представителями штатов от имени граждан. Предмет этого договора – посредническая и оплачиваемая деятельность органов государственной власти, формируемых из избираемых представителей народа для службы и предоставления услуг по регулированию деятельности системы *гражданин (person, citizen) ↔ сообщество граждан (society) ↔ штат (state, body)*, входящий в *состав (body)* США.

Сравнительных лингвистических исследований, которые бы рассматривали когнитивные особенности взаимодействия коммерческого и общественного договоров не найдено. Это можно объяснить границей, традиционно разделяющей терминологическую сферу политики и коммерции. Данное исследование предлагает заполнить этот пробел.

На основании краткого этимологического обзора термина *social contract* и анализа текста Конституции США как главного юридического инструмента американского общественного договора, тесная взаимосвязь понятий *contract* и *social contract* очевидна. В соответствии с целями данного исследования, обращение к общественному договору как фоновому знанию, пререквизиту для коммерческого договора позволяет проследить концептуальную взаимосвязь коммерческой и политической сфер общественной деятельности.

Выводы по Главе 1

1. Главной целью современной когнитивной лингвистики, и когнитивного терминоведения, как ее подсистемы, выступает исследование сознания и мышления. В рамках двух направлений когнитивной лингвистики, семасиологии и ономасиологии, языковые явления изучаются на основании принципов антропоцентричности, холизма, многофакторности, междисциплинарности, равноправия и взаимосвязи когнитивной и коммуникативной функции языка, системной многоуровневости. Принципы когнитивной лингвистики создают основу для гибкого комбинирования методов и методических приемов в рамках комплексного когнитивно-семантического подхода в соответствии с задачами исследования, позволяя использовать методологические инструменты из смежных научных направлений.

2. Одна из главных задач когнитивно-семантического исследования – выявление сущности языковых явлений – не может быть решена без изучения прототипических процессов в системе в аспекте противоположно-направленных процессов, концептуализации и категоризации, репрезентации и оперирования знанием. Поэтому, рассмотрение концептосфер национальных терминосистем как систем коллективного знания, как научных картин мира – актуальная задача. Ее решение помогает унифицировать знание и вносит вклад в развитие теории термина. В качестве инструмента систематизации знания, в данной работе предложена матрица системно-интерпретационного потенциала Болдырева–Слышкина, как удобный инструмент для анализа исследуемого материала на всех уровнях концептуализации: системном (энциклопедическом), субъективном (профессиональном) и коммуникативном (уровне конкретных коммуникативных ситуаций).

3. К ведущим направлениям когнитивно-лингвистических исследований относится выявление ядра ключевых терминов системы, содержательного ядра отдельных терминов, взаимодействия смежных сфер профессиональной деятельности. Исследование содержательного ядра термина и терминосистемы,

аккумулирующего ключевое знание в процессе концептуализации, позволяет получить доступ к ключевым процессам ее изменения.

4. Концептуальные схемы представления знания в терминосистемах, а именно концептуальная метафора, модель сценария, иерархические модели, линейные модели, понимаемые как ментальные операции, как способ познания мира, являются инструментами изучения термина. Их комплексное применение в изучении прототипических явлений в терминосистеме позволяет многоаспектно описать терминосистему в целом и отдельные терминологические единицы, что становится ключом к пониманию сущности термина.

5. Несмотря на то, что требование однозначности термина существует в подходах терминологов, как залог точности передачи информации в научной и научно-практической деятельности, процессы синонимии, антонимии и полисемии естественны и системны в терминологии.

6. Юридическая терминология и терминология АДП, как ее часть, обладает национальной спецификой. Это подтверждается историей развития юридических доктрин в сфере договорных отношений США, в особенности на третьем и четвертом этапах развития терминосистемы, когда, в начале XX века, влияние английского права ослабевает, усиливается независимый институт американских ученых-правоведов, а также происходит кодификация юридических принципов. Обзор исторического развития идей АДП с колониальных времен до настоящего времени прослеживает развитие системы понятий АДП, их взаимосвязи и дает представление о ключевых концептах терминосистемы.

7. Общественный договор (*social contract*), введенный как понятие философами эпохи Просвещения, относится к сфере политики. Однако, компонент *contract* термина *social contract*, заимствован из юридической сферы, и как следствие, понятия *contract* и *social contract* связаны системой общих терминов. В данной работе общественный договор рассматривается как фоновое знание для терминосистемы АДП. Взаимосвязь понятий *contract* и *social contract* подтверждается результатами моделирования прототипических концептуальных моделей.

Глава 2. Семантические и когнитивные характеристики терминологии американского договорного права

Раздел I Семантические характеристики терминологии договорного права США

2.1.1 Классификация терминов предметной области договорного права США

Терминология права и терминология науки о праве тесно взаимосвязаны [Хижняк, 2011: 151]. Терминологическая система АДП, как система взаимосвязанных понятий, может быть представлена в виде иерархии с несколькими уровнями тематических блоков терминологических единиц.

Основанием для данной классификации выбран «интерпретационный потенциал подсистемы терминов», понимаемый как широта спектра интерпретаций, представленных в текстах каждого уровня. Иерархия уровней классификации соответствует иерархии влияния более высокого уровня на более низкие.

Уровень 1. Наивысший уровень, уровень развития научной мысли в рамках теории АДП, энциклопедический национальный уровень: **теории** (*Theories of Contract law*), **доктрины** (*Doctrines of Contract law*) АДП, на основании которых созданы и пересматриваются нормы права. Научное и профессиональное сообщество на этом уровне обсуждает различные аспекты АДП в научных публикациях, формирует динамику взглядов АДП. Фокус и широта интерпретации на этом уровне зависит от философских взглядов, политических и экономических процессов в обществе. Общие теории права также активно участвуют в развитии теории АДП и в дискуссиях научного сообщества. Например, теория игр (*The Game theory*), находит широкую интерпретацию в рамках теорий АДП.

В корпусе исследованных текстов выявлено двенадцать теорий АДП (в скобках даны различные названия этих теорий): *The Objective theory of Contracts* (*The Objective theory of Contract*, *The Objective view of Contracts*), *The Subjective theory of Contracts* (*The Subjective theory of Contract*, *The Subjective view of Contracts*), *The Will theory* (*The Intention theory*, *The Classical theory*), *The Promise theory* (*The*

Common Man's theory, The Theory of Contractual Obligation), The Equivalent theory (The Bargain theory), The Injurious-Reliance theory, The Relational theory, The Economic theory, The Social theory, The theory of Unconscionability, The Reasonableness theory, The theory of Distributive Justice.

На этом уровне наиболее важные терминологические единицы становятся доктринами. Перечислим наиболее частотно представленные: *good faith, free will, freedom of contract, contract, enforceability, offer&acceptance, agreement, consent, consideration, promise, subject (subject matter) of contract, capacity of contract, mutuality, warranties, breach of contract, discharge for breach, privity of contract, remedies, damages, duress, fraud, mistake, frustration, misrepresentation, failures, unconscionability* и др.

Уровень 2. Уровень инструментов права, юридических документов АДП, к которым относятся: Законы (*Acts, Codes, Laws*), нормы права (*Rules of law, Principles of law*), Сводные нормы (*Restatements*), подзаконные акты, инструменты права (*The Uniform Commercial Code (U.C.C.), Uniform Commercial Code Amendments (U.C.C.A.), American Statutes On Sales And Contracts*), которые приняты Национальной конференцией уполномоченных по единым государственным законам (*the National Conference of Commissioners on Uniform State Laws – NCCUSL*), в более кратком варианте, Единая юридическая комиссия (*the Uniform Law Commission – ULC*)), Конвенция США о международной купле-продаже товаров (*The U.N. Convention On International Sale Of Goods*), Свод норм права Американского института права (*the ALI's Restatements On The Law Of Contracts, (the American Law Institute (ALI), Второй свод норм права (The Restatement (Second) of Contracts and the Modern Development of Contract Law (1998))*), Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (*The United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG)*).

Это уровень норм права, регулирующих профессиональную область АДП. Инструменты права создаются специалистами сферы законотворчества. В это сообщество входят ученые, занимающиеся теоретическим осмыслением АДП.

Уровень 3. Уровень практического применения права при формировании договоров и решения конфликтов по договорам. Это уровень ключевых терминологических единиц, содержательное ядро терминосистемы (158 терминов). Он представлен в первую очередь элементами **желаемого сценария договора (статическим и динамическим)** (см. Приложение 1). Основной блок статических элементов составляет система терминологических единиц **ограничения исковой силы договора (*enforceability of contract*)**, условием юридической силы любого договора, не только сферы АДП. На этом уровне интерпретация аспектов АДП идет в рамках интерпретационного потенциала, зафиксированного на уровне 2 (Инструменты права).

Уровень 4. Обстоятельства, освобождающие от ответственности по договору, защита договора, угрозы договору: *lack of consideration, pleading consideration, failure of consideration, avoidance, duress, fraud, mistake, failure to specify price, failure to specify quantity, unconscionability* и др. К этому уровню мы относим элементы нежелательного сценария.

Уровень 5. Последствия выявления обстоятельств, освобождающих от ответственности по договору: *promissory estoppel, remedies (voidable contracts, rescission for material breach, damages (expectancy damages, reliance damages), restitution damages, exemplary damages, specific performance), termination*. *Promissory estoppel* (лишение права возражения на основании данного обещания) мы считаем терминологической границей нашего исследования. К этому уровню относится система терминов, некоторые из которых также представлены на первом уровне как доктрины.

В целом, терминологическая система АДП сформирована теоретической основой АДП, которую можно рассматривать как общие теории и частные доктрины, регулирующие в том числе, договорное право США посредством инструментов права. Частные доктрины составляют терминологическое ядро нашего исследования, они формируют ключевые этапы сценария договора, являются главным фокусом дискуссии научного сообщества и имеют проекцию в сфере средств массовой информации.

Вопрос порядка уровней 1 и 2 может иметь две интерпретации. С одной стороны, уровень 1 – это уровень свободной творческой научной мысли. Благодаря ученому сообществу и междисциплинарности современной науки, он вбирает в себя достижения многих наук. С другой стороны, для того, чтобы идеи авторов или авторских коллективов были отражены в законодательных актах, разработки должны быть масштабными, влияние концепций широким, представители теории или доктрины должны войти в законотворческий коллектив, и их интерпретации должны быть одобрены законодательным институтом. Без этого одобрения, идеи останутся только частью достояния правовой теоретической культуры. В этом смысле, широта интерпретации остается за учеными, а сила влияния – за системой законодательства и правоприменения.

Таким образом, классификация терминологии АДП по основанию «интерпретационный потенциал подсистемы терминов» матрицы системно-интерпретационного потенциала Болдырева-Слышкина позволяет представить терминосистему в виде системы из **пяти уровней**: 1) *научные теории и доктрины*; 2) *инструменты права (нормы и сводов права)*; 3) *практическое правоприменение инструментов права*; 4) *обстоятельства, освобождающие от ответственности*; 5) *последствия выявления обстоятельств, освобождающих от ответственности*. Наиболее широким интерпретационным потенциалом обладает энциклопедический уровень, в связи с представленностью различных взглядов на каждый из концептов системы. Уровень инструментов права сужает спектр интерпретаций до положений, изложенных в Сводах норм права (The Restatements), которые используются юристами США для интерпретации конкретных юридических кейсов. Третий уровень, репрезентированный элементами желаемого сценария и условиями исковой силы договора, может быть сопоставлен с четвертым (*обстоятельства, освобождающие от ответственности по договору и являющиеся угрозами желаемому сценарию*) и пятым уровнем (*последствия выявленных угроз*) по принципу оппозиции «желаемое» ↔ «нежелательное возможное». Взаимосвязь терминологии науки о праве и терминологии права прослеживается в системе терминов содержательного ядра системы: практически

каждый термин на третьем уровне является доктриной, широко обсуждаемых в научном сообществе.

2.1.2 Семантические явления в терминологии договорного права США

Понимание терминологического спектра, которым представлены понятия содержательного ядра договора и его сценария важны для понимания семантического поля договора, что в свою очередь важно для определения особенностей его сценария и системы его когнитивных образов. В нашей работе, вслед за Б.Н. Головиным и Р.Ю. Кобриным [Головин, Кобрин, 1987: 53], мы разделяем синонимию на лексическую (термины-слова, однокомпонентные термины) и синтаксическую (термины-словосочетания, многокомпонентные термины). По классификации С.В. Гринева-Гриневича, мы выделяем абсолютные и условные синонимы.

Вначале отметим, что терминологические единицы, синонимы и антонимы которых не выявлены, составляют до 35% терминологического спектра выбранной терминосистемы: 1) **Contract:** *blanket contract, bona fide contract, continuing contract, cost-plus contract; dependent contract; evergreen contract, financial contract, fixed-price contract, immoral contract, impossible contract, marketing contract, requirements contract, service contract, statutory contract, subcontract, take-or-pay contract, third-party-beneficiary contract, voidable contract* и др.; 2) **Acceptance:** *qualified acceptance, blank acceptance, special acceptance, trade acceptance, acceptance-of-the-benefits rule* и др.; 3) **Agreement:** *agreement of sale, agreement to sell, closing agreement, integrated agreement, simple agreement, subordination agreement, takeover agreement;* 4) **Consideration:** *concurrent consideration, continuing consideration, gratuitous consideration, illegal consideration, implied consideration, impossible consideration, invented consideration* и др.

2.1.2.1 Синонимия в терминологии договорного права США

В ходе исследования определен спектр абсолютных и условных синонимов АДП. Некоторые виды синонимии представлены тематическими группами, если

синонимия в группе существенно развита. В этом параграфе использовано около 160 терминологических единиц в качестве иллюстративного материала. Частотность употребления синонимов проверена по онлайн ресурсам с американской аффилиацией. Примеры, использованные в этой части, даны без редактирования, с авторской орфографией и пунктуацией.

Наиболее продуктивными моделями образования **абсолютных синонимов** сферы АДП можно считать синтаксический и морфологический. Рассмотрим эти модели последовательно.

1) **Синтаксические синонимы (образованные синтаксическим способом без изменения значимых компонентов):** *the law of contracts = the contract law; essentials of a contract = contract essentials; adhesion contract = contract of adhesion; indemnity contract = contract of indemnity; take-it-or-leave-it contract = take it or leave it contract; contract implied in fact = implied-in-fact contract; counteroffer = counter-offer, contract formation = formation of contract; contract termination = termination of contract* и др.

Примеры:

- «*Contracts implied in fact* are inferred from the facts and circumstances of the case or the conduct of the parties. However, such contracts are not formally or explicitly stated in words» [USL: express and implied contracts]. – «*An implied-in-fact contract* is a contract agreed by non-verbal conduct, rather than by explicit words. Such contracts are automatically created when a party tacitly accepts a benefit at a time when it is possible to reject it» [USL: implied-in-fact contract].

Приведенные примеры раскрывают различные аспекты сущности договора. В случае, если коммуникация на этапе предварительных переговоров или на этапе переговоров не заканчивается вербализованным однозначным акцептированием оферты, факт начала этапа исполнения договора может быть установлен на основании получения выгоды, то есть, условия возвратного удовлетворения (*consideration*).

2) **Синтаксические синонимы (образованные синтаксическим способом, со сменой зависимого компонента или изменением части зависимого компонента).**

Количество синонимов, образованных этим способом, довольно широко, поэтому в этой части целесообразно представить полученные результаты в виде тематических блоков.

Тематический блок *contract theory*: *The Objective theory of Contracts = The Objective theory of Contract = The Objective view of Contracts; The Subjective theory of Contracts = The Subjective theory of Contract = The Subjective view of Contracts; The Will theory = The Intention theory = The Classical theory; The Promise theory = The Common Man's theory = The Theory of Contractual Obligation; The Equivalent theory = The Bargain theory.*

В этом блоке присутствуют не только синонимичные пары, но и синонимичные ряды. Это свидетельствуют о том, что в научном сообществе происходит активное обсуждение различных теорий, что может быть мотивирующим фактором развития синонимии в названии самих теорий.

Тематический блок *contract*: *contractual relationship = legal relationship; adhesion contract = standard form contract, take-it-or-leave-it contract; aleatory contract = hazardous contract; conditional contract = hypothetical contract; gratuitous contract = contract of beneficence, contract of benevolence; void contract = discharged contract; gambling contract = wagering contract; gambling contract = gaming contract; bilateral contract = mutual contract, reciprocal contract; contract under seal = sealed contract и др.;*

Тематический блок *consideration*: *detrimental reliance, promissory reliance = substitutes of consideration; legal consideration = valuable consideration; sufficient consideration = due consideration; executory consideration = present consideration, future consideration и др.*

Примеры:

- «*Consideration is anything of value promised to another when making a contract. Consideration may be either a good consideration or a valuable consideration*»

[USL: good consideration].—«*The consideration element of statute requires a quid pro quo between the parties of something of pecuniary value*» [USL: valuable consideration].

Из примеров становится ясно, что автор текста рассматривает возвратное удовлетворение (*consideration*) как существующее в двух вариантах, *a good consideration* и *a valuable consideration*, противопоставляя их. Однако, есть и другой взгляд на эту терминологическую пару. С одной стороны, возвратное удовлетворение в большинстве случаев должно быть обменом материальных ценностей (*values*). В этой интерпретации атрибут *legal* является дополнительным и излишним комментарием о том, что возвратное удовлетворение имеет юридическую силу (*legal consideration*), и *a valuable consideration* (*достаточное, надлежащее, ценное встречное удовлетворение*) можно рассматривать как абсолютные синонимы, например: «*Valuable consideration refers to a consideration that is valid under the law. It is a consideration that either confers a pecuniarily measurable benefit on one party or imposes a pecuniarily measurable detriment on the other. Something of value is given or promised by one party for the promise of another*» [USL: valuable consideration]. В соответствии с определением того же сайта, «*Good consideration is founded on moral obligation or on natural duty and affection*» [USL: good consideration]. В этом скрыт определенный потенциал для спектра интерпретаций в зависимости от условий договора. Отдельные условия можно рассматривать как *detriment*, аналогичный *measurable detriment* в определении *valuable consideration*. Вследствие этого, *good consideration* можно понимать, как один из возможных аспектов *valuable consideration*. Это подтверждается фактом использования терминологической единицы *good and valuable consideration* на блогах сайта USLegal.

- «Most states provide that *gambling contracts* are illegal. Lotteries which involve the element of a prize, chance, and consideration are also held to be held illegal» [USL: lawful object].—«North Carolina General Statute §16-1 discusses *the gaming contracts* and futures. It states: “All wagers, bets or stakes made to depend upon any race, or upon any *gaming* by lot or chance, or upon any lot, chance, casualty or unknown or

contingent event whatever, shall be unlawful; and [...] shall be void» [USL: gaming contract].

Данные примеры объясняют сущность договоров *gambling contracts* и *gaming contracts*, как относящихся к одной сфере развлечений, игорному бизнесу, и считающихся нелегальными.

- «Bilateral act refers to an act which involves the consenting wills of two or more distinct parties. For example, a *bilateral contract* like a sales contract where the seller promises to convey a property and the buyer agrees to pay a specified sum, given certain conditions» [USL: bilateral contract]. – «*Mutual contract* is a contract binding upon both parties. Each party to a contract is capable of specific performance of the contract against the other» [USL: mutual contract].

Приведенные примеры показывают, что двухсторонний договор (*bilateral contract*) и взаимный договор (*mutual contract*) строится на единой основе – основе равноправных и взаимных обязательств. Здесь стоит дать пояснение, что в контекстах реальных договоров, полной равноправности сторон и их полной обоюдной удовлетворенности достигнуть непросто, так как в коммуникации всегда присутствует субъективность оценки.

3) **Морфологические синонимы (образованные сменой морфологического состава зависимого компонента:** *grubstake contract = grubstaking contract*, *guaranteed-sale contract = guaranteed-purchase contract*, *adhesion contract = adhesive contract*; *adhesory contract = adhesionary contract* и др.

Примеры:

- «Mr. Mayne first argues that the 2013 arbitration agreement is an *adhesion contract* and therefore should be rejected as procedurally unconscionable because he had no choice but to sign the agreement. An *adhesion contract* does not itself demonstrate that an agreement was procedurally unconscionable» [FL: *adhesion contract*] – «In determining fairness, we consider whether or not *the contract was adhesive*. An *adhesive contract* is one in which the parties have unequal standing in terms of bargaining power (usually a large corporation versus an individual) and often involves take-it-or-leave-it provisions in printed form contracts» [FL: *adhesive contract*].

Приведенные примеры показывают, что этот вид договора, *adhesive contract* или *adhesion contract*, априори ущемляет права одной из сторон, не давая возможности торга (*bargaining*). Его условия несправедливы, «бессовестны» по отношению к одной из сторон.

4) **Эллиптические варианты (морфолого-синтаксические варианты, образованные эллипсом (пропуском одного из компонентов) многокомпонентного термина без изменения его значения:** *contract theory = contracts theory*; *contract = binding contract*; *contract = enforceable contract*, *consideration = lawful consideration*; *sufficient consideration = legally sufficient consideration*; *valuable consideration = fair and valuable consideration = good and valuable consideration*; *consent = voluntary consent*; *rights = contractual rights*; *obligations = contractual obligations*; *capacity = legal capacity = full capacity = complete legal capacity*; *absolute simulated contract = simulated contract*; *specialty = specialty contract*; и др.

Примеры:

- «Grouping of *contracts theory* is a principle of conflict of laws that in case of choice-of-law questions, the law of the jurisdiction which has the most significant relationship to the transaction or event applies» [USL: contract theory]. – «Bargain theory of consideration was developed from classical *contract theory* which constitutes a wholly executory contract» [USL: bargain theory of consideration].

Здесь важно отметить, что при сопоставлении научных и профессиональных текстов АДП, очевидно более частое использование термина *contracts theory* в блогах и на сайтах юристов-практиков, в то время, как *Contracts* чаще встречается в словарях.

- «What are the key elements of *a binding contract*? The elements of *a contract* are: (i) an agreement; (ii) between competent parties; (iii) based upon the genuine assent of the parties; (iv) supported by consideration; (v) made for a lawful objective; and (vi) in the form required by law» [USL: frequently asked questions].

Синонимичный ряд абсолютных синонимов *a contract = a binding contract = legal contract*, по сути, является неправильным употреблением терминов (*misnomer*)

в юридической сфере. Договор определяется как связывающее юридическое соглашение, следовательно, атрибуты *binding* и *legal* являются излишними. Это отмечается и авторами текстов на сайте USLegal. То же справедливо и в отношении следующего синонимичного ряда: *capacity = legal capacity = full capacity = complete legal capacity*.

- «*Capacity* is subject to different meanings, but in the legal sense, it refers to the ability to make a rational decision based upon all relevant facts and considerations» [USL: capacity]. – «*Lucid interval* refers to a brief period during which an insane person regains sanity that is sufficient to regain *the legal capacity* to contract and to act on his/her own behalf» [USL: lucid-interval]. – «The child shall thereafter have *full capacity* to contract in his or her own right and the parents or custodians have no right to the custody and control of the child or duty to provide the child with care and financial support» [USL: minors.uslegal].

Правоспособность или дееспособность, как необходимое условие исковой силы договора, определяется законом. Физическое или юридическое лицо либо правоспособно заключить договор, либо нет. В этом смысле, атрибуты *legal, full, complete legal* синонимичного ряда *capacity = legal capacity = full capacity = complete legal capacity* также можно считать неправильным употреблением термина (*misnomer*).

5) Семантические синонимы. Образованные семантическим способом со сменой главного компонента; *mutual consent = mutual assent; verbal agreement = verbal contract; revocation of an offer = withdrawal of an offer;*

Примеры:

- «*Capacity to contract* means the legal competence of a person to enter into a *valid contract*» [USL: capacity to contract]. – «Therefore all requirements necessary to constitute a *valid agreement* are also required for the formation of a valid accord. This includes factors like competent parties, valid subject matter, consideration etc. » [USL: parties].

Термины *contract* и *agreement* многие исследователи считают абсолютными синонимами, а понятие *agreement* – более широким, чем понятие *contract*. Это согласуется с данными, полученными в настоящем исследовании.

б) Аббревиатурные варианты, образованные сложением начальных букв или звуков многокомпонентного термина.

Терминологические аббревиатуры, акронимы встречаются в текстах корпуса SCOPUS, и на сайтах, в виде обширных списков. Проверка частотности употребления акронимов в текстах реферативной базы SCOPUS, в юридических кейсах договорного права [CBSB], библиотеке юридических материалов Law Library [LL], сайтов публикаций юристов [AVAPCLJ], показала низкую частотную представленность многих аббревиатур. В основном, они встречаются в терминологических блогах, объясняющих в публикациях детали исполнения специфических видов договоров. По частотности употребления акронимы относятся к периферии терминологической сферы договорного права. В этой части параграфа приводятся только наиболее часто представленные аббревиатурные термины: *UCC = the Uniform Commercial Code*; *NCCUSL = the National Conference of Commissioners on Uniform State Laws*; более кратко, *ULC = the Uniform Law Commission*; *ALI = the American Law Institute*; *BAFO = Best and Final Offer*, *BOA = Basic Ordering Agreement*.

Примеры:

- «*The National Conference of Commissioners on Uniform State Laws (NCCUSL)* is otherwise known as uniform law commissioners. They provide states with non-partisan, well-conceived and well-drafted legislation that brings clarity and stability to critical areas of the law. [...] The *NCCUSL* does not have any legislative power and to give legal effect to any uniform act requires the approval of state legislatures» [USL: uniform law commissioners];

Данный пример дает определение сфере деятельности *Национальной Конференции Уполномоченных По Единообразным Государственным Законам*. Формирование *Национальной Конференции*, начало ее работы и первые

законодательные акты были приняты под руководством и при активном участии выдающегося американского юриста С. Уиллистона в 1906 году. Фактически, это ознаменовало этап серьезной унификации и кодификации терминологии АДП.

- «*The Uniform Commercial Code (“UCC”)* is a comprehensive modernization of the law governing commercial transactions[i]. [...]The broad themes of the UCC include: reaffirmation provision [...], practical construction of an agreement and an effort to preserve the agreement where possible [...]; an emphasis on the intent of the parties [...], to prevent discriminatory pricing [...], all transactions are governed by an assumption of good faith [...], judicial power to avoid unconscionable terms» [USL: main themes of ucc].

Единый (или Единообразный) торговый кодекс США, обнародованный в 1952, стал инструментом, призванным способствовать развитию и процветанию американского бизнеса. При участии *Национальной Конференции Уполномоченных По Единообразным Государственным Законам*, этот юридический документ периодически инспектируется и перерабатывается [Orsinger, 2015: 28], что в свою очередь, способствует развитию бизнеса и естественному развитию терминологии АДП на концептуальном уровне.

Условные синонимы также представлены в терминосистеме АДП. Среди них есть одно-, двух- и трехкомпонентные термины. В ходе исследования обнаружены термины, синонимичные в определенных ЛСВ, квазисинонимы и контекстуальные синонимы.

7) **Однокомпонентные условные синонимы однокомпонентных терминов:** *negotiations – bargain, facts – circumstances, accord – agreement, performance – commitment, commitment – obligation.*

Примеры:

- «*Accord* has the following meanings: 1) *An amicable agreement* between people or nations. 2) *An offer to give or accept a stipulated performance in the future to satisfy an obligor’s existing duty along with an acceptance of that offer.* 3) *A signal used in a legal citation to introduce a case supporting a proposition for which another case is*

quoted directly. 4) In other words identification of one case that clearly supports the proposition for which another case is being quoted» [USL: accord].

- «Inference refers to the reasoning involved in arriving at a conclusion on the basis of circumstantial evidence and prior conclusions rather than on direct or explicit statement. It is a conclusion based *on facts or circumstances* by applying reason» [USL: inference].

8) **Условные синонимы однокомпонентных терминов, имеющих двухкомпонентную и многокомпонентную структуру:** *theory – general rule; contract– enforceable agreement; offer – invitation to treat; obligation – a duty recognized by law; bargain – informal contract; detriment– promissory reliance; detriment - detrimental reliance* и др.

Примеры:

«A trading standards spokeswoman said: "Any *offer* made by a business is considered to be *an invitation to treat* and if they realise the leaflet was wrong they can then refuse to sell at that price. TESCO TOPPLED BY pounds 2 TIPPLE BLUNDER; Punters denied bargain after leaflet error» [FOLD].

9) **Контекстуальные синонимы:** *contract – promise, qualified acceptance – conditional acceptance, partial acceptance; acceptance – communicated acceptance.*

Примеры:

- «A *contract* is a *promise*, or a set of promises, for breach of which the law gives a remedy, or the performance of which the law in some way recognizes as a duty. This definition may not be entirely satisfactory since it requires a subsequent definition of the circumstances under which the law does in fact attach legal obligation to promises [...] to the formation of contracts into a single sentence." Samuel Williston, A Treatise on the Law of Contracts» [Garnet, 2009, 365].;

- «A *conditional acceptance*, sometimes called a *qualified acceptance*, occurs when a person to whom an offer has been made tells the offeror that he or she is willing to agree to the offer provided that some changes are made in its terms or that some condition or event occurs» [FOLD: acceptance].

Подводя итоги, важно отметить, что синонимия в терминосистеме АДП представляется регулярным процессом. В ходе исследования выявлены абсолютные и условные синонимы. Наиболее продуктивным способом образования абсолютных синонимов можно считать синтаксический. Этот способ представлен тремя тематическими блоками: *contract theory, contract, consideration*. Среди эллиптических вариантов наблюдаются синонимические ряды *contract, consideration, capacity*. Условные синонимы представлены в значительно меньшей степени. Наличие в терминосистеме *неправильно употребляемых терминов (misnomers)*, а именно, *legal contract, binding contract, legal consideration, valid consideration, legal and valid consideration, legal capacity, full capacity, complete legal capacity* и др., в которых атрибут дублирует сущность самого термина, заданного определением, возможно, объясняется необходимостью разграничить слово общего языка и термин, и напомнить, что коммуникация происходит в рамках правовой сферы.

Результаты исследования синонимии в системе АДП помогают определить вариантивность в системе содержательного ядра. Кроме того, данные по частотности использования термина на уровне практики правоприменения (уровень 3 классификации терминов АДП) позволяют подтвердить принадлежность термина к содержательному ядру системы. Очевидно, что ядро составляют наиболее употребительные термины. Частотность их использования мотивирует развитие системы ЛСВ термина и развитие синонимии.

2.1.2.2 Антонимия в терминологии договорного права США

Антонимия в исследуемой терминосистеме представлена незначительно. Это объясняется изначальным ограничением данной работы желаемым прототипическим сценарием. Установлено, что антонимия в системе регулярна и представлена однокомпонентными, многокомпонентными и разнокомпонентными антонимичными парами. Рассмотрим их последовательно.

1) **Однокомпонентные антонимичные пары, не совпадающие по морфологическому составу):** *act↔fact, offer↔acceptance, party (of contract)*

↔*beneficiary*, *assent* (*consent*)↔*rejection*, *accent* (*consent*)↔*counteroffer*, *performance*↔*detriment*, *performance*↔*forbearance*; и др.

Примеры:

Антонимичная пара *act*↔*fact*: «In order that a contract may be valid, it is essential that the minds of the parties meet upon all of the essential elements of the contract sought to be enforced, and *the acts to be done* must be clear and unambiguous» [CBSB: a contract of adhesion]. – «Brief Fact Summary. Williamson (Plaintiff) sued Columbia Gas & Electric Corp. (Defendant) in two separate actions. The second suit was dismissed while the first was still pending and Defendant moved to dismiss based upon *res judicata*. Synopsis of Rule of Law. When an action involving the same *operative facts*, issues, and damages as an earlier suit that is still pending is decided first, *res judicata* bars the first suit from proceeding» [CBSB: Williamson vs Columbia].

Антонимичная пара *act*↔*fact* входит в содержательное ядро терминосистемы, и представляет собой яркий пример динамически взаимодействующих мета-концептов PROCESS и RESULT: понятие *act* в первую очередь репрезентирует динамику договора как процесса, *fact* – установленный, эксплицированный результат. В то же время, в АДП, отдельный акт, понимаемый как действие, ограниченное по длительности, должен «фактически» соответствовать определенным требованиям (условиям исковой силы договора), а также сам может быть интерпретирован, как факт завершения действия. Об этом свидетельствуют вышеприведенные примеры. В этих примерах, действие (*act*) и факт (*fact*), можно рассматривать как репрезентацию оппозиции *причина*↔*следствие*, и с этой точки зрения отнести к конверсивам.

Антонимичная пара *assent* (*consent*)↔*rejection*: «Mutual manifestations of *assent* that are, in themselves, sufficient to form a binding contract are not deprived of operative effect by the mere fact that the parties agree to prepare a written reproduction of their agreement» [LL]. –«*Consent* is an act of reason and deliberation. A person who possesses and exercises sufficient mental capacity to make an intelligent decision demonstrates *consent* by performing an act recommended by another» [LL]. ↔

«*Rejection of the offer or revocation of conditional acceptance is effective upon receipt*» [LL].

Антонимичная пара *performance – detriment (forbearance)*: «In a unilateral contract, the agreed *performance* by the offeree furnishes the necessary consideration and also operates as an acceptance of the offer» [LL]. ↔ «Consideration is *a legal detriment* that is suffered by the promisee and that is requested by the promisor in exchange for his or her promise» [LL]. – «Consideration may consist of a promise; an act other than a promise; a *forbearance* from suing on a claim that is the subject of an honest and reasonable dispute; or the creation, modification, or destruction of a legal relationship» [LL].

Антонимичная пара *offer↔counter-offer (counter offer, counteroffer)*
Пример: «A *counteroffer* is the response given to an offer. A *counteroffer* means the original offer was rejected and replaced with another one. The *counteroffer* gives the original offerer three options: accept the *counteroffer*, reject it, or make another offer» [IP: counteroffer].

Большинство рассмотренных парных оппозиций являются разнокоренными антонимами, сформированными на основе оппозиции парных понятий, конверсивами. Исключение составляет антонимичная пара *offer↔counter-offer*. При моделировании прототипического желаемого сценария в данной работе, в частности, сцены «предварительные переговоры», было установлено, что с теоретической точки зрения, *counteroffer* противостоит не только *offer*, но и *rejection*. Тем не менее, оппозицию *counteroffer↔rejection* можно отнести к конверсивам, но с оговоркой: *контрпредложение* считается конверсивом только в случае *полного отказа* от продолжения переговоров.

2) Однокоренные, образованные при помощи суффиксов: -or (er) и -ee:
promissor↔promissee, owner↔contractor, contractor↔subcontractor, offeror↔offeree.

Антонимичная пара *promissor↔promissee*: «RESTATEMENT (SECOND) OF CONTRACTS (1981) § 90. Promise Reasonably Inducing Action or Forbearance: A *promise* which the *promisor* should reasonably expect to induce action or forbearance on

the part of *the promisee* or a third person and which does induce such action or forbearance is binding if injustice can be avoided only by enforcement of the promise. The remedy granted for breach may be limited as justice requires» [USL: promissor, promisee].

Из приведенного примера очевидна противопоставленность *promissor*↔*promisee*, зафиксированная в Своде 1981 год. Оппозиция *promissor*↔*promisee* репрезентирует определенный аспект переговорного процесса, а именно, формирование взаимных обязательств и обоюдного уважения к правам сторон в рамках договора.

В ходе изучения этого способа развития оппозиций, была выявлена пара *contractor* – *contractee*, которая представляет собой синонимичную, а не антонимичную пару.

3) Двухкомпонентные и многокомпонентные антонимичные пары, главные компоненты словосочетаний которых тождественны, зависимые компоненты – антонимы:

Contract: *Subjective theory of contract*↔*Objective theory of contract*; *written contract*↔*oral contract*; *valid contract*↔*void contract*; *verbal offer*↔*written offer*; *verbal agreement*↔*written agreement*; *oral contract*↔*written contract*; *unilateral contract*↔*bilateral contract*; *formal contract*↔*informal contract*; *contract negotiations*↔*preliminary contract negotiations*; *express promise*↔*implied promise*; *termination by agreement*↔*termination for cause*; *aleatory contract*↔*certain contract*; *express acceptance*↔*implied acceptance* и др.

Примеры:

Антонимичная пара *Subjective theory of contract*↔*Objective theory of contract*:

«*Subjective theory of contract* is a doctrine that a contract is an agreement in which the parties have a subjective meeting of the minds. The courts must look to the parties' subjective expectations and anticipations (for example, whether delivery is actually desired) and ignore the objective language of the contract (for example, where delivery is expressly provided for)» [USL: Subjective theory of contract].↔«*Objective theory of*

contract is a doctrine which states that a contract is not an agreement in the sense of a subjective meeting of the minds. However, a contract is instead a series of external acts giving the objective semblance of agreement. This principle states that the existence of a contract is determined by the legal significance of the external acts of a party to a purported agreement, and not by the actual intent of the parties.[...] This doctrine is often shortened to and known as *objective theory*» [USL: Objective theory of contract].

Из приведенных примеров становится ясен предмет спора между теориями: понятия *agreement, meeting of the minds, (actual) intent, external acts* и их взаимосвязь.

Антонимичная пара: *express acceptance* ↔ *implied acceptance*

«*Acceptance* is necessary to the formation of a contract and must be unequivocally made and communicated to the party making the offer at the time and place appointed. The *acceptance may be express*, as when it is openly stated by the party to be bound by it; *or implied, as* where the party acts as if he had accepted. The offer, and acceptance must be in some manner understood by, both parties; it may be language, symbolical, oral or written» [USL: Contracts Acceptance].

Понятия *express acceptance* ↔ *implied acceptance* в соответствии со степенью явности манифестации своих намерений при помощи языка, то есть, акта вербализации намерения, способа изъясления намерения (письменная или устная форма), а также, символики, знаков, принятых в культуре данного сообщества.

Антонимичные пары тематического блока Consideration: *adequate consideration* ↔ *sufficient consideration*; *executory consideration* ↔ *past consideration*; *future consideration* ↔ *past consideration*; *valuable consideration* ↔ *good consideration*;

Примеры:

Антонимичная пара *adequate consideration* ↔ *sufficient consideration*: «To be legally binding as a contract, a promise must be exchanged for *adequate consideration*. Adequate consideration is a benefit or detriment which a party receives which reasonably and fairly induces them to make the promise/contract» [USL: answers. Adequate consideration]. ↔ «Contracts and courts generally use the term *valuable consideration* to signify *consideration sufficient* to sustain an enforceable agreement; There is a statutory

presumption that a written contract is supported by *good and sufficient consideration*. This presumption is disputable, but the burden of showing want of consideration lies with the parties seeking to invalidate or avoid the instrument. *Blonder v. Gentile*, 149 Cal. App. 2d 869 (1957).» [USL: sufficient consideration].

Антонимичная пара: *executory consideration* ↔ *past consideration* «*Executory consideration* is a consideration for a promise or an act, which consideration has not yet been performed and which the party who is to perform is either bound by contract to perform or not» [USL: executory consideration]. ↔ «The statutes/codes of California do not define the term '*past consideration*'. A definition exists in Ballentine's Law Dictionary as past consideration is a consideration given before the making of a promise and without reference to it» [USL: past consideration].

Наличие терминологического блока антонимичных пар возвратного удовлетворения свидетельствует о высокой степени важности этого термина, его многоаспектности и высоком интерпретационном потенциале. Необходимость эксплицировать различия аспектов понятия и фиксации этих различий в терминологии мотивирует развитие терминологической антонимии.

4) **Антонимичные пары, в которых как главный, так и зависимый компоненты различаются: *preliminary negotiations* ↔ *final offer*; *precontract (pre-contract)* ↔ *letter of intent*; *offer* ↔ *invitation to negotiate*; *default rule* ↔ *gap-filler* и др.**

Термины *offer*, *negotiations*, *letter of intent* (LOI) репрезентируют сценарий CONTRACT, поэтому рассмотрим их представленность в текстах профессионального уровня.

Примеры:

Антонимичная пара *precontract (pre-contract)* ↔ *letter of intent*: «A *pre-contract* is a contract that prohibits a party from entering into a comparable agreement with someone else. [...] Finally, in 1752, this was abolished» [USL: pre-contract]. ↔ «A *letter of intent* is a document in which one or more parties signify an intention to do or to refrain from doing one or several things. *Letters of intent (LOIs)* are controversial under law being viewed ambiguously, as both binding and not binding» [USL: LOI, Contracts].

Из этих двух примеров очевидно, что на профессиональном уровне возможны различные интерпретации некоторых терминов и терминологических пар. Во втором примере автор напоминает об этом. Письмо о намерениях (LOI) может считаться как связывающим, так и не связывающим стороны обязательством. В первом случае, несмотря на факт отменены этого вида договора в 1752, определенный документ может быть расценен как предварительный договор (*pre-contract*). Это, в свою очередь, означает, что этот документ имеет юридическую силу.

Антонимичная пара *offer*↔*invitation to negotiate*: «*An offer is a promise to act or refrain from acting, which is made in exchange for a return promise to do the same. Some offers anticipate not another promise being returned in exchange but the performance of an act or forbearance from taking action. [...] » [USL: offer].*↔«*An invitation to negotiate is not an offer. An invitation to negotiate is merely a preliminary discussion or an invitation by one party to the other to negotiate or make an offer» [USL: invitation to negotiate].*

Антонимичная пара *offer*↔*preliminary negotiations*: «*Courts distinguish preliminary negotiations from formal legal offers in that parties to preliminary negotiations lack a present intent to form a contract» [USL: offer].*

Этот пример показывает важное различие, которое проводит черту между началом переговоров, формирующим обязанности сторон, и предварительными переговорами, которые не содержат элементов, обязывающих стороны. Как следует из примера, до тех пор, пока нет фактов, неопровержимо свидетельствующих о твердости намерения партиципантов стать сторонами договора, договоренности считаются предварительными. В некоторых случаях это же различие используется для того, чтобы отделить предварительные договоры от официальных переговоров. В этой связи становится понятно, что оппозиция *precontract (pre-contract)*↔*letter of intent* репрезентирует результат процесса *offer*↔*preliminary negotiations*, который зависит от степени явности экспликации самого намерения.

5) **Антонимичные пары, образованные при помощи префиксов non-, in-, un-, ir-, dis-, il-:** *capacity* ↔ *incapacity*; *legal contract* ↔ *illegal contract*; *nominate contract* ↔ *innominate contract (innominate real contract)*; *ability* ↔ *inability*; *possibility of performance* ↔ *impossibility of performance*; *adequacy (of performance)* ↔ *inadequacy (of performance)*; *performance* ↔ *non-performance = nonperformance*; *legality of contract* ↔ *illegality of contract*; *parties* ↔ *non-parties (witnesses)*, *conscionability* ↔ *unconscionability*; *capacity* ↔ *incapacity*; *certain event* ↔ *uncertain event* и др.

В ходе исследования выявлена одна оппозиция, образованная при помощи префиксов с противоположным значением: *bilateral contract* ↔ *unilateral contract*.

Примеры:

Антонимичная пара *legal contract (legally binding contract, legally-binding contract)* – *illegal contract*: «A valid contract is a *legally-binding contract* that is made in accordance with all legal requirements» [USL: legal contract] ↔ «*Illegal contract* is a promise that is prohibited due to its very nature. Such contracts are prohibited since the performance, formation, or object of the agreement is against the law. Technically, an *illegal contract* is not a contract at all and hence the phrase is a misnomer» [USL: illegal contract].

Здесь стоит напомнить, что как *legally-binding contract*, так и *Illegal contract* можно считать неправильным употреблением термина (*misnomer*).

Антонимичная пара *bilateral contract* – *unilateral contract*: «A *unilateral contract* is one in which there is a promise to pay or give other consideration in return for actual performance. A *bilateral contract* is one in which a promise is exchanged for a promise. In most cases contracts can be either written or oral, but oral contracts are more difficult to prove and in most jurisdictions the time to sue on the contract is shorter» [USL: unilateral contract, bilateral contract].

В целом, антонимия в данной терминосистеме менее развита, чем синонимия. Главной причиной этого можно считать ограничение отбора терминологической лексики желательным сценарием и границей перехода в судебный дискурс. Основные оппозиции в системе выявлены среди многокомпонентных терминов,

словообразовательной антонимии (при помощи отрицательных приставок) и системой антонимичных пар с единым главным компонентом и антонимичными зависимыми компонентами. В ходе исследования были выявлены две терминологические пары, которые могут быть отнесены как к синонимам, так и к антонимам: *precontract offer* ↔ *invitation to negotiate* и *pre-contract* ↔ *letter of intent*. Письмо о намерениях может считаться свидетельством начала этапа формальных переговоров, а может интерпретироваться как несвязывающее.

Результаты исследования антонимии помогают провести терминологическую и концептуальную границу между сценами-этапам в прототипической модели сценария.

Раздел II Когнитивные особенности терминологии договорного права США

Концептуализация в терминологической системе как процесс систематизации и структурирования когнитивных признаков явления, процесс формирования концепта как дискретного образования, являющегося «базовой единицей мыслительного кода человека» и обладающего «относительно упорядоченной внутренней структурой» [Стернин, 2005] ведет к образованию прототипических образов. Эти образные модели в сознании человека используются для интерпретации реальности в соответствии с задачами конкретных ситуаций. Такими прототипическими моделями в нашей работе выбраны **сценарий договора**, исследованный в текстах АДП и **концептуальная метафора**, выявленная для понятий *contract* и *social contract* в текстах американских СМИ.

2.2.1 Сценарий CONTRACT

В настоящей работе сценарий понимается как когнитивную модель, которая содержательно реализует идеи развития и движения от временной точки первого события, начала разработки оферты (*offer*), к последней точке, завершению или прекращению договора (*contract termination*). Развитие понимается как изменение процесса коммуникации и статусов сторон договора. Движение понимается как

переход между этапами, как временная последовательность шагов, предпринимаемых сторонами. Сценарий, как организованная последовательность событий, может иметь несколько «прочтений» [Schank, 1983], и соответственно, может быть концептуализирован по-разному, то есть, иметь разные способы терминологической репрезентации.

Прототипический сценарий CONTRACT может быть представлен в виде последовательности сцен-этапов: двух предварительных этапов (*preparation of a contract* и *preliminary negotiations*), трех главных этапов (*contract formation, contract performance, contract termination*). Каждый этап состоит из концептуально значимых шагов сторон и должен завершиться определенным результатом (действием, решением, документом). Предварительный этап *preparation of a contract* может не быть формализован, предварительный этап *preliminary negotiations* не является обязательной частью сценария, в то время, как три главные этапа обязательны для обеспечения исковой силы договора [Киселева, Гатауллина, 2019].

Понятие договора как процесса и результата, реализованных в его сценарии, отражает суть отношений в трехмерной матрице *физическое лицо (гражданин) ↔ юридическое лицо (организация, компания) ↔ государство (государственные органы, обеспечивающие защиту сторон договора)*. С этой точки зрения, прототипический сценарий договора представляется каркасом коммерческих взаимоотношений в обществе в аспекте юридических отношений. Юридическая система в целом и договорное право, в частности, являются необходимыми условиями обеспечения защиты сторон на каждом этапе данного сценария.

Договор как сценарий можно разделить на два вида сценария: договор-сценарий без существенных нарушений договоренностей сторонами, условно назовем его **желаемый сценарий CONTRACT**, и договор-сценарий с существенными нарушениями договоренностей сторонами, условно назовем его **нежелательный сценарий CONTRACT**. С точки зрения коммуникации сторон в рамках договора, желаемый сценарий представляется процессом «успешной

коммуникации»: сторонам удастся решать конфликтные ситуации и приходиться к согласию, продолжая сохранять статус сторон договора. В случае нежелательного сценария стороны не находят возможности прийти к согласию, что приводит к приостановке договора и риску перехода в сферу судебного дискурса, обращению к третьей стороне для разрешения конфликта, в первую очередь, к юридической системе. Точкой перехода из желаемого сценария в нежелательный сценарий терминологически является событие критического *нарушения договора (contract violation)*, обнаружение *факта оспоримого договора или недействительного договора (voidable contract)*, или обнаружение *факта отсутствия юридической силы договора, факта ничтожного договора (void contract)*, который называют нелегальным договором (*illegal contract*). Этот вид договора (*например, assassin's contract, некоторые виды gambling contract*) – изначальная угроза исполнению договора.

Здесь важно сделать пояснение, что виды нелегального договора, в сущности, в сфере права не могут считаться договором. Хотя в американском языке они концептуализированы как *contract*, относятся к концептосфере *contract*, зафиксированы в словарях (например, [MWD: contract]), они не могут быть отнесены к сфере АДП. Однако, их возможно отнести к более широкой концептосфере, SOCIAL CONTRACT, который включает все сферы общественной деятельности, основанные на договоренностях, в том числе и в криминальной области: внутри криминальных объединений, между ними (например, a faction ↔ a faction, [COCA ABC This Week 2007]), и между криминальным объединением и гражданином [Киселева, Гатауллина, 2019: 201-206].

В этой части рассматривается прототипический сценарий, представленный терминологическими единицами СЯ терминосистемы договора, и ограничивается рассмотрением *лишения права возражения на основании данного обещания (promissory estoppel)*, обозначая границу фактом обнаружения несоответствия договора требованиям *исковой силы (enforceability of contract)* и активаторами сценария «СУД».

Участие юридической системы (рассмотрение спора по договору в суде) возможно, если договор удовлетворяет условию *исковой силы договора* (*enforceability*). Как уже говорилось ранее, это условие концептуально сформировано терминологическим блоком обязательных условий договора (*elements of a contract, contract essentials, the essentials, the essentials of a valid contract*). Блок может содержать четыре компонента: 1) *offer, acceptance, and mutual consent*; 2) *consideration*; 3) *competence*; 4) *legal purpose* [USLegal: contract essentials]. Условия исковой силы договора формируются на этапах, предшествующих исполнению договора и являются мотивацией для успешного завершения договора в рамках желаемого сценария.

Переходя к рассмотрению самого сценария, важно отметить, что вследствие синонимии отдельные элементы сценария могут быть представлены несколькими терминологическими единицами. В этом случае синонимы расположены в порядке убывания частотности.

Сцена 1. Подготовка предложения (*preparation of a / - contract preparation, drafting a contract*)

Первый этап сценария активизируется *намерением получить выгоду* (*intention to benefit*). Уже на данном этапе инициатор коммуникации в рамках договора может потенциально считаться *физическим или юридическим лицом* (*physical person, legal person* соответственно) по двум причинам: 1) он размышляет о коммуникации с позиции *обмена ценностями* (*(an) exchange of values, (an) exchange of something of value*), что является ядром понятия *встречное удовлетворение* (*consideration*); 2) он обдумывает возможные угрозы получению выгоды и заинтересован в том, чтобы договор удовлетворял требованию *исковой силы* (*enforceability*), чтобы в случае *нарушения договора* (*contract violation*), *нарушения прав и обязательств по договору другой стороны* (*violation of rights and obligations*), или обнаружения факта *недействительного договора* или *ничтожного договора* (*voidable contract* или *void contract*) он мог рассчитывать на *средства судебной защиты* (*remedy / remedies*) и *компенсацию, возмещение убытков* (*damages*). Вследствие этого, человек, осмысливающий вступление в

договорные отношения, потенциально находится, сознательно или неосознанно, в рамках юридической сферы. Кроме того, в большинстве случаев, в особенности в сфере коммерческих договоров с участием юридических лиц, при подготовке договоров участвуют юристы, что означает нахождение участников подготовки договора в юридическом поле.

Формируя версию договора на данном этапе, лицо (участник коммуникации), по сути, формирует *предложение-офферту (offer)*, которое в коммерческой сфере по форме в подавляющем количестве случаев является *письменным договором (written offer / written contract / written agreement)* или, в некоторых случаях *устным (verbal offer / verbal contract / verbal agreement / oral contract / informal contract)*.

После того, как предложение или текст договора сформирован в сознании, на бумажном или электронном носителе, участник коммуникации готов контактировать с возможной стороной или возможными сторонами договора. Активатором перехода к следующего этапа является *субъективно переживаемое состояние готовности*. На наш взгляд, для данного активатора лучше всего подходит английский эквивалент *preparedness*, который в синонимичном ряду *readiness – preparedness – willingness* эксплицирует не только желание вступить в договорные отношения, но и определенный уровень понимания деталей самого взаимодействия в рамках договора, и, что важно, возможные варианты уступки в переговорах, пределы этой уступки. Минимальные пределы желаемой выгоды служат границей, за которой активируется *отказ (rejection)* от дальнейшей коммуникации.

Сцена 2. Переговоры, торг (*negotiations*)

Данный этап состоит из предварительного и основного под-этапов.

Сцена 2а. Предварительные переговоры (*preliminary negotiations / preliminary contract negotiations*)

Этап предварительных переговоров не является обязательным или официальным, может носить неформальный характер и может привести к трем результатам: *изъявление предварительных намерений (tentative intentions)*, устная

договоренность о намерении, или письменная договоренность с подписанием *письма о намерениях (letter of intent / LOI)*. Документ «*письмо о намерениях*» является соглашением прийти к соглашению, а значит, договором не является и исковой силы не имеет. Однако, в процессе исследования антонимии было определено, что граница различения этапа предварительных переговоров и собственно переговоров зависит от явности или недостаточной явности намерения (*lack of intent*) участников стать сторонами договора. Явная манифестация намерения активирует переход к *сцене 2б*, этапе переговорного процесса и/или торго независимо от устного или письменного изъяснения.

Сцена 2б. Переговоры, торг (*negotiations, bargain*)

В начале основного этапа одна из сторон переговоров активирует фрейм вступления в этап переговоров манифестацией своего *предложения, офферты (offer)* в устной или письменной форме, и с этого момента становится *оферентом (offeror)*, то есть к статусу *физическое лицо (physical person)* или *юридическое лицо (legal person)*, добавляется новый статус. Одновременно сторона, которой сделали предложение, автоматически становится *адресатом офферты (offeree)*. *Оферент* может в любой момент до наступления реакции *адресата офферты* отозвать свое предложение (*revocation of the offer, withdrawal of the offer*), и/или сделать другое предложение. В этом случае происходит деактивация предыдущего фрейма и активация нового фрейма с новыми параметрами офферты.

После получения предложения, *адресат офферты* может *отклонить предложение-офферту (reject the offer / refuse to accept the offer)*, что деактивирует фрейм договора. Для продолжения коммуникации оферент может изменить предложение и повторить попытку. В этом случае фрейм переговоров активируется вновь. Адресат офферты может сделать *встречное предложение-офферта (counteroffer / counter-offer)*, которое автоматически отклоняет предыдущее предложение оферента. Иногда встречное предложение называют *отклонением предложения и встречным предложением (a rejection and counter-offer)*. Оферент в свою очередь может отклонить (*reject*) предложение адресата *изначального предложения-офферты (initial offer)*, и, если он не делает встречное предложение,

не манифестирует согласие, фрейм переговоров может считаться деактивированным, либо стороны могут приостановить процесс переговоров для принятия решения. На этапе приостановки переговоров стороны могут зафиксировать *частично достигнутые договоренности (a certain percentage of agreement, agreement on certain issues, agreement on specific issues, etc.)*.

Оферта может иметь срок действия, который оферент манифестирует. Прекращение срока действия оферты (*termination of offer*) может наступить по следующим причинам: *отзыв оферты оферентом (revocation of the offer by the offeror)*, *встречное предложение адресата оферты (counteroffer by the offeree)*, *отклонение оферты адресатом оферты (rejection of offer by the offeree)*, *истечение периода времени / срока действия оферты (lapse of time)*; *смерть или недееспособность любой из сторон (death or disability of either party (mentally incompetent offeror / offeree, incapacity of the offeror / offeree)*. Во всех вышеназванных случаях, попадающих в категорию «прекращение срока действия оферты», коммуникация заканчивается. Здесь важно пояснить, что, если вышеназванные факты обнаруживаются в ходе исполнения договора, договор становится нелегальным [USL: offer / termination of offer].

В случае, если оферент *принимает оферту (accepts the counteroffer)*, активизируется фрейм *соглашения или взаимного согласия (agreement / mutual assent / mutual consent)*, репрезентированного в английском языке термином *offer and acceptance / offer&acceptance*, эквивалентного понятию *соглашение (agreement)* и актуализированного в языке словосочетаниями *достигнуть соглашения (to reach agreement / an agreement)*, *достигнуть компромисса (to reach compromise)* и др.

Сцена 3. Заключение договора (*the formation of a contract / the formation of a legally binding contract / contract formation*)

На этом этапе считается достигнутым ключевое условие исковой силы договора, *взаимность (mutuality)*. Оно концептуализировано в АДП такими категориями, как *взаимопонимание или сходство позиций (meeting of the minds)*, *взаимообязывающее соглашение (mutual contract)*, ведущее к *законности соглашения (valid accord)* и *удовлетворению сторон (satisfaction between the*

parties), взаимному согласию (*mutual assent / mutual consent*), взаимопониманию, обоюдной близости позиций (*mutual meeting of minds*), взаимного согласия (*mutuality of consent / lawfully expressed consent / lawfully expressed assent, mutual intention*, etc.) [USL: formation of contract].

Кроме того, если договор заключается в письменном виде, в особенности это касается коммерческих договоров, в которых прописываются права и обязанности сторон, момент достижения согласия меняет концептуализацию ролей участников коммуникации на *promissor* (лицо, дающее обещание, должник по договору, пр. в зависимости от типа контракта) и *promissee* (лицо, принимающее обещание).

Если договор заключается в письменной форме, то стороны *подписывают документ (sign the contract)* или другим способом эксплицируют согласие, устно, либо посредством однозначно понимаемого *поведения (conduct)*. Это активирует вступление в действие прав (*rights / contractual rights*) и обязанностей (*obligations / contractual obligations*) по договору и начало следующей сцены. Активатором перехода от сцены 3 к сцене 4 можно считать манифестацию согласия обеими сторонами (*parties / parties to a contract*), в большинстве коммерческих договоров, манифестация подкрепляется юридическими формальностями (*contract formalities*).

Сцена 4. Исполнение договора (*performance of a contract / contract implementation*)

Данный этап сценария структурирован договоренностями, к которым пришли стороны на предыдущем этапе. Если договоренности исполняются должным образом, стороны *завершают процесс по договору (terminate the contract)* в рабочем порядке и могут продолжить сотрудничество, активировав сцену 1 или сцену 2.

Если же договоренности не исполняются должным образом одной стороной или сторонами, либо в ходе исполнения договора открываются негативные факты, которые на начальном этапе были умышленно скрыты или не выявлены, активируется угроза прекращения договора вследствие *ненадлежащего исполнения*

(*improper performance*), неисполнения (*non-performance / nonperformance*), что может привести к *потерям (loss / losses)* сторон.

Стороны могут разрешить возникший конфликт без судебного разбирательства. Если разрешение конфликта невозможно, активируется фрейм «СУД». Активатором в данном случае выступает *неспособность сторон разрешить конфликт (failure or incompetence to resolve the conflict)*. Если конфликт разрешен, и продолжить сотрудничество выгоднее, чем выйти из коммуникации, сотрудничество продолжается. Активатором возвращения к сцене 4 является, таким образом, *выгодность (profitability, utility, benefits)*. Если конфликт разрешается в процессе судебного разбирательства, и сторонам выгоднее не продолжать коммуникацию в рамках сценария договора, активируется фрейм расторжение договора по суду. Активатором в данном случае становится *невыгодность (critical lack or absence of profitability)*.

Сцена 5. Завершение (расторжение) договора (*termination of contract*)

В случае благополучного завершения процесса по договору, стороны соглашаются на *завершение договора (termination by agreement)*, которое по *взаимному согласию сторон (the mutual consent)* может произойти до даты, официально зафиксированной в договоре [USL: termination by agreement]. Активатором в этом случае можно назвать *взаимное удовлетворение (mutual satisfaction)*. В остальных случаях, договор может быть расторгнут / прекращен по обоснованной причине (*termination for cause*), если одна из сторон не может исполнить условия договора или исполняет их несоответствующим договором образом [USL: termination for cause]. Активатором в данном случае можно назвать *неудовлетворенность одной из сторон (a party's or parties' dissatisfaction)*.

Здесь важно обратить внимание на то, что ценностный кластер *Mutuality*, представлен в терминосистеме тринадцатью терминологическими единицами (см. Таблицу Приложения 1): *mutual agreement, mutual rights, mutual consent, mutual promises / mutual promises of contract, mutual assent, mutuality of obligation(s), mutuality of contract, mutuality of contract law, doctrine of mutuality, mutuality of agreement, mutuality of remedy, mutual intention*. Частотность употребления каждого

из терминов по отдельности, и всех терминов кластера вместе меньше 50% в отношении к понятию *contract*. Его можно отнести к периферии СЯ терминосистемы по причине низкой частотности употребления каждой из единиц. Однако, система *Mutuality* актуализирована в исковой силе договора (*enforceability*), гарантирующей защиту участникам со стороны системы права: термины взаимное согласие (*mutual consent / mutual assent*) входят в список условий исковой силы договора, как взаимообязывающего соглашения (*mutual agreement*); права и обязанности должны быть взаимными (*mutual rights, mutuality of obligation*) для защиты сторон. Вместе с этим, термин возвратное удовлетворение (*consideration = quit pro quo*) который входит в СЯ кластера *contract essentials*, также содержит идею взаимности обмена (*mutuality*). Терминологические единицы кластера *Mutuality* являются неявной частью активаторов при переходе между сценами: Сцена 2 активируется, если потенциальный oferent предлагает потенциально взаимовыгодное соглашение (*mutuality of agreement, mutuality of contract*). Сцена 3 активируется только если стороны приходят к балансу прав и обязательств по договору (*mutual rights, mutuality of obligation(s)*) и достигают взаимности обещаний (*mutual promises / mutual promises of contract*). Сцена 4 активируется только если условия договора удовлетворяют требованиям исковой силы договора (*enforceability*), одним из которых является *mutuality of obligations*. Сцена 5, исполнение договора, проходит без активации фрейма «СУД» только в случае исполнения взаимных договоренностей. Также, если стороны взаимно удовлетворены результатом исполнения договора, они завершают договор по взаимному согласию (*termination by agreement, the mutual consent*).

Таким образом, можно считать доказанным, что *взаимность (mutuality)* является ключевым понятием коммуникации в рамках сценария договора. Сценарий CONTRACT разворачивается во времени в виде последовательных действий (*acts*), определенных результатов (*facts*), которые оцениваются сторонами с точки зрения выгоды, выгодного обмена (*consideration*) ценностями (*values*). Активаторами перехода между сценами становятся конкретные результаты, которые невозможны без достижения взаимности. Несмотря на то, что частотность

употребления единиц кластера *Mutuality* невелика, он является ключевым ценностным компонентом на всем протяжении сценария CONTRACT.

Особый терминологический блок представляют собой *обстоятельства, освобождающие от ответственности* одну из сторон или обе стороны договора (*defences*). Они выступают *угрозами* для желаемого сценария, которые могут быть выявлены на любом этапе сценария. Их можно сопоставить с пятью категориями, являющимися частью желаемого сценария (Таблица 4. Угрозы исполнению желаемого сценария). В таблице представлены наиболее частотные термины, репрезентирующие эти угрозы.

Таблица 4. Угрозы исполнению желаемого сценария

Элемент сценария	Угроза желаемому сценарию, обстоятельства, освобождающие от ответственности
Purpose	<i>frustration of purpose (frustration)</i>
Consideration	<i>unjust enrichment, lack of consideration, failure of consideration = want of consideration</i>
Capacity	<i>incapacity, lack of capacity, impossibility of performance = impossibility</i>
Performance of contract (performance, possibility of performance, free will, good faith)	<i>nonperformance, impossibility of performance (impossibility), breach of contract, repudiation, anticipatory breach (constructive breach), mistake (a mistake of fact, mistake of law), mutual mistake (bilateral mistake), unilateral mistake, misrepresentation (false misrepresentation, fraudulent misrepresentation, innocent misrepresentation, negligent misrepresentation), bad faith, fraud, duress (unlawful pressure to act)</i>
Mutuality	<i>unconscionable contract (one-sided contract)/ unconscionability (doctrines of unconscionability), adhesion contract (contract of adhesion, take-it-or-leave-it contract)</i>

Угрозы (события, акты, факты или состояния) являются причинами конфликта сторон договора, следовательно, частью терминологической системы нежелательного сценария. Если взаимные обещания (*promises*) не исполняются (*nonperformance*) или не могут быть исполнены (*impossibility of performance / impossibility*), взаимные договоренности нарушаются (*breach of contract*) и нарушения критичны для продолжения коммуникации, наступает ситуация *promossory estoppel* (лишение права возражения на основании данного обещания). При невозможности или неспособности сторон разрешить конфликт, данные угрозы ведут к расторжению договора или/и активации фрейма «СУД», обращению к закону, как средству защиты права (*remedy*).

Подводя итоги, следует отметить, что статическая составляющая прототипического сценария CONTRACT, а именно, условия исковой силы договора (*contract enforceability*), в которые, в основном имплицитно, входит кластер *Mutuality*, являются управляющим элементом динамической составляющей сценария в каждом из его пяти этапов. В случае несоответствия реального сценария исполнения договора прототипическому желаемому сценарию, а именно, при обнаружении потенциальных угроз нежелательного сценария (*defences*), появляется вероятность перехода рассмотрения процесса в судебный дискурс.

2.2.2 Концептуальная модель CONTRACT

Концептосфера CONTRACT, как уровневая интерпретационная схема, имеет особенности в общем американском языке (далее ОАЯ) и юридическом американском языке (далее ЮАЯ). В этом параграфе последовательно сравниваются репрезентации понятия *contract* и его концептуальных образов в этих областях, с использованием уровневой системы концептуализации Н. Н. Болдырева.

Дефиниционный анализ в этой части проведен на материале словарей [MWD], [AHDEL], [CACD], [CAED], [WNWCD], [Garner, 2009]. Частотность использования лексических единиц, входящих в семантическое поле *contract* ОАЯ,

определена на корпусе текстов COCA – Corpus of Contemporary American English [COCA], частотность терминологических единиц ЮАЯ выявлена на корпусе текстов доступных юридических статей открытого доступа (*open access*), аннотаций статей (*abstracts*), книг и ключевых слов (*key words*) публикаций реферативной базы данных SCOPUS. Так как понятие *contract* часто используется в этом параграфе, здесь вводится сокращение *contract / CONTRACT – С.* при перечислении.

Рассмотрим концепт CONTRACT в области ОАЯ. Анализ дефиниций ОАЯ выявил шесть концептов сферы *CONTRACT* на первом уровне концептуализации, то есть, на уровне объектов, событий и их оценок: AGREEMENT, ACT, ARRANGEMENT, DOCUMENT, BID, ORDER. Первое номинативно-непроизводное значение *contract – agreement between two or more persons* – представлено в ОАЯ словарях вариацией в атрибутах лексической единицы *agreement: agreement* (без атрибута), *binding agreement* [MWD: contract], *legal agreement* [CACD: contract]. Далее, последовательный дефиниционный анализ компонентов значений позволяет определить ключевые элементы концептосферы. Так, *agreement* (соглашение) – это действие как единичный акт, факт достижения согласия (*the act or fact of agreeing*), а также, результат в двух вариантах – достигнутая договоренность (*an arrangement as to a course of action, compact*) и документ (*treaty, a contract duly executed agreement*) [MWD: agreement]. В свою очередь, *arrangement* (приведение в порядок, систематизация, приготовления) – это, также, акт действия (*the act of arranging*) и результат предпринятых действий (*something arranged, an informal agreement or settlement*) [MWD: arrangement]. Действие, поступок (*act*) является процессом (*the doing of a thing, the process of doing something*) [MWD: act], или результатом, заказом (*order*) [MWD: order]. Каждое из понятий, входящее в понятийное поле *agreement*, концептуализировано как PROCESS и RESULT, а концепт DOCUMENT, как один из результатов, представляется частью суб-сферы RESULT. Следовательно, концепты PROCESS и RESULT являются мета-концептами, формирующими концепт AGREEMENT.

Ранее было установлено, что концептосфера CONTRACT является суб-сферой AGREEMENT [Киселева, Гатауллина, 2016]. Как следует из первого значения дефиниции *agreement*, *соглашение* – это, в первую очередь, *гармония, совпадение мнений, согласованность действий, свойств, качеств, признаков, характеров* (*harmony of opinion, action, or character: concord*) [MWD: agreement]. Кроме того, первое номинативно-непроизводное значение является центром формирования содержательного ядра системы. В этом ядре очевидно присутствие концепта RELATIONS, имеющего ценностный компонент в своем составе: 7a: the state of being **mutually or reciprocally interested** (as in social or commercial matters) [MWD: relations]. Вследствие этого, **на втором уровне**, то есть, уровне логических и метафорических связей [Болдырев, 2015: 9], концептосферу CONTRACT можно представить, как суб-сферу AGREEMENT, разделенную на два сектора, PROCESS и RESULT с центральной частью RELATIONS.

На **первом уровне** концептуализации, CONTRACT имеет дополнительное деление на сегменты по типу договора: *коммерческий договор* (*a business arrangement for the supply of goods or services at a fixed price made parts on contract*), *брачный договор* (*the act of marriage or an agreement to marry*), как *финальный контракт* в игре Бридж (*the final bid to win a specified number of tricks in bridge*) и *договор на заказное убийство* (*an order or arrangement for a hired assassin to kill someone*) [MWD: contract]. Анализ частотности использования словосочетаний *marriage contract*, *contract (in bridge)* и *assassin's contract* на корпусе СОСА в суб-домене ОАЯ показал, что их представленность в текстах по сравнению с коммерческим договором исключительно мала. Количество текстов корпуса СОСА, рассматривающих феномен *marriage contract* в процентном отношении к общему количеству источников, рассматривающих *contract*, составляет 0.2%, внимание американских СМИ к договору на заказное убийство составляет 0%, упоминание *contract* в значении *финальный контракт* в игре Бридж (*the final bid to win a specified number of tricks in bridge*), встречено только в 1 источнике. Очевидно, что участие концептов MARRIAGE C., ASSASSIN C. и BRIDGE C. в формировании концептосферы CONTRACT пренебрежимо мало.

Далее рассмотрим концепт CONTRACT в области ЮАЯ. В соответствии с определением юридического словаря Black's Law Dictionary, структура концептосферы CONTRACT на втором уровне концептуализации аналогична, то есть, в ней присутствуют две главные концептуальные области: PROCESS, RESULT. Однако, концептуализация областей меняется, а именно, дефиниции значительно расширяются деталями, пояснениями и ссылками на юридические кейсы. В первом значении, понятие *agreement* является центральным и содержит компоненты *creating obligations, enforce, enforceable, recognizable by law, binding, valid*, конкретизирующие область процесса и результата: «(1) **An agreement between two or more parties creating obligations that are enforceable or otherwise recognizable at law <a binding contract> ...2) **The writing that sets forth such an agreement <a contract is valid if valid under the law of the residence of the party wishing to enforce the contract>****» [Garner, 2009: 365].

Дефиниция юридического понятия *agreement* сужает его смысловое наполнение по сравнению с ОАЯ до *обоюдного признания прав и обязательств в рамках процесса contract (agreement: a mutual understanding between two or more persons about their relative rights and duties regarding past or future performances), демонстрации согласия (a manifestation of mutual assent), сделки (the parties' actual bargain)* [Garner, 2009: 78]. Ценностный регулятивный концепт RELATIONS (ОАЯ) трансформируется в отношения обоюдной выгоды в рамках сделки, что соответствует концепту CONSIDERATION [Кисёлева, Гатауллина, 2016]. Следовательно, вместо центрального сегмента RELATIONS в ОАЯ, в ЮАЯ центральное место концептосферы CONTRACT занимает CONSIDERATION.

Второе значение *contract* в Black's Law Dictionary, « 2. **The writing that sets forth such an agreement <a contract is valid if valid under the law of the residence of the party wishing to enforce the contract>**», имеет 3 комментария, сделанные Сэмюэлем Уиллистоном (Samuel Williston): (1) *the series of operative acts by the parties resulting in new legal relations*; (2) *the physical document executed by the parties as the lasting evidence of their having performed the necessary operative acts and also as an operative fact in itself*; (3) *the legal relations resulting from the operative acts*,

*consisting of a right or **rights in personam** and their corresponding **duties**, accompanied by certain **powers, privileges, and immunities** [Garner, 2009: 365]. В этой части дефиниции, *legal relations* определены как *'obligation'*. Очевидно, что в данном значении фокус внимания смещен на процесс, внутри которого отношения формируются в зависимости от конкретных оперативных шагов, носят формальный, процессуальный, а не межличностный характер. В третьем значении *contract* представлен как процесс обмена обещаниями, которые в рамках *contract* являются договорными обязательствами (3) *A contract is a **promise, or a set of promises, for breach of which the law gives a remedy, or the performance of which the law in some way recognizes as a duty*** [Garner, 2009: 365].*

Репрезентация процесса *contract* в ЮАЯ также меняется по сравнению с ОАЯ – договор представлен в виде взаимосвязанных этапов ((1) *the series of operative acts by the parties resulting in new legal relations*;). *Contract* как документ является физическим документом (*the physical document*), доказательством (*lasting evidence*) того, что предприняты определенные официальные шаги (*acts*). Важно отметить, что в ЮАЯ в договоре концептуально выделена область юридических отношений (*legal relations*), которые имеют своим основанием персональные права сторон договора, их обязательства, полномочия, компетенции, привилегии и льготы ((3) *the legal relations resulting from the operative acts, consisting of a right or rights in personam and their corresponding duties, accompanied by certain powers, privileges, and immunities*) [Garner, 2009: 365].

Четвертое значение расширяет концептосферу договора для случаев, не зафиксированных в гражданском законодательстве: «4. *Broadly, any legal duty or set of duties not imposed by the law of tort; esp., a duty created by a decree or declaration of a court*». Пятое значение расширяет понятие *contract* до названия всей сферы права (*body of law*), регулирующей соглашения и обмен, <*the general theory of contract*>. Шестое значение уточняет, что договором (*contract*) считаются *условия*, записанные в договоре, все вместе и каждый в отдельности, «б. *The terms of an agreement, or any particular term*», седьмое и восьмое расширяют договор до всех

видов продаж и всех возможных договоренностей, имеющих исковую силу, соответственно [Garner, 2009: 366].

На **первом уровне** концептуализации в ЮАЯ, так же, как в ОАЯ, дефиниция *contract* словаря Black's Law Dictionary содержит сегментацию по видам договора, однако, в ЮАЯ она значительно более детализована. Black's Law Dictionary определяет 154 вида договора в соответствии с широким спектром классифицирующих критериев: сфера функционирования договора, объект договора, способ заключения договора, стороны договора (их количество) и взаимоотношение сторон (в том числе, свобода сторон внутри договора), структура процесса имплементации договора, намерение сторон и др. [Garner, 2009: 366-375]. Важно отметить, что наиболее частотно представлены в ЮАЯ (корпус SCOPUS) 4 вида договора: *social contract*, *joint contract*, *certain contract*, *independent contract*, из которых только *social contract* представлен на СОСА.

В обеих сферах, в ОАЯ и ЮАЯ, концептуализированы участники процесса: CONTRACTOR и CONTRACTEE, однако, в домене ОАЯ CONTRACTOR встречается примерно в 1200 раз чаще, чем CONTRACTEE, частотность последнего можно считать пренебрежимо малой. Кроме того, в ЮАЯ концептуализируются статусы сторон договора PROMISSOR и PROMISEE. Однако, в сфере ОАЯ эти концепты не обнаружены.

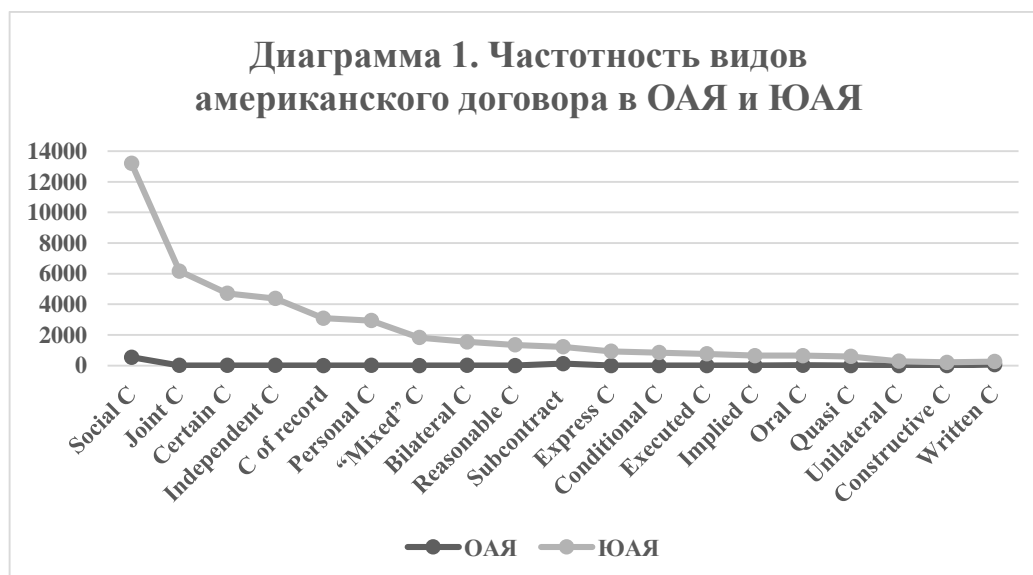
Анализ атрибутов договора, выявленных в источниках корпуса СОСА, позволяет систематизировать договор (далее С.) по следующим основным классифицирующим признакам (по убыванию частотности): **объект С.** (a book С., coffee С., Expert System and Compensation Structure С. и др.), **собственник С.** (his С., SUFI's С. и др.), **стороны С.** (government С., Cravens' rookie SEMI Thaws East-West Cold War With Jugoton С. и др.), **ценность С.** (\$34 million С., a high-value С. и др.), **объем С.** (a max С., massive С., his large С., the largest С. и др.), **длительность С.** (a 10-year С., a multiyear С., a long-term С. и др.), **статус С.** (a reworked С., the current С., an already existing С., her next С., the previous С., the third С. и др.), **качество С.** (bad С., a fraudulent С., good С. и др.), **способ договоренности С.** (written С., oral С.), **тип С.** (social С., professional С., employment С., standard С.,

exclusive C., supply C., private C. и др.). Обращает на себя внимание факт высокой частотности, а значит, значительного вклада в процесс концептуализации таких признаков, как объект C., собственник C., ценность и длительность C., статус C., субъективные оценки объема C. и качества C.

Сравнительный анализ частотности атрибутов *contract* в текстах ОАЯ (СОСА) и в текстах ЮАЯ (SCOPUS) показал, что такие классифицирующие характеристики C. как объект C., собственник C., стороны C., ценность C., объем C., длительность C., статус C., способ договоренности, тип C. представлены в обоих доменах, но в разной степени. Частотность *Oral C.* и *Written C.* в процентном отношении к общему количеству документов стремится к нулю в обоих доменах. Некоторые характеристики, представленные в ОАЯ, гораздо чаще употреблены в ЮАЯ (например, *massive C.* в 100 раз, *government C.* в 152 раза, *large C.* в 1300 раз чаще).

Некоторые терминологические единицы, выявленные в словаре Black's Law Dictionary, представлены в текстах СМИ к СОСА: *Social C.* (здесь договор сферы социальных услуг), *Subcontract*, *Written C.*, *Implied C.*, *Oral C.*, *Certain C.*, *Personal C.*, *Pre-contract*, *Fair C.*, *Executory C.*, *Special C.*, *Reasonable C.*, *Several C.*, *Joint C.*, *Independent C.*, *Unconscionable C.*, *Bilateral (Reciprocal) C.* Частотность их употребления в доменах ОАЯ и ЮАЯ представлена на Диаграмме 1.

Диаграмма 1. Частотность типов американского договора в ОАЯ и ЮАЯ.



Несколько видов договора, зафиксированных в словаре Black's Law Dictionary, не представлены в текстах СМИ корпуса COCA: *Commutative C.*, *Conditional C.*, *Executed C.*, *Consensual C.*, *Constructive C.*, *Divisible C.*, *Indivisible C.*, *Express C.*, *Gratuitous C.*, *C. of "mutual interest"*, *"Mixed" C.*, *C. "of beneficence"*, *Quasi C.*, *C. of record*, *Unilateral C.*, *Usurious C.*, *C. of Benevolence*, *Onerous C.*

На основании данных, приведенных в этом параграфе, представляется возможным сделать следующие основные выводы: 1) **на уровне концептуализации логических и метафорических связей**, концептосфера CONTRACT доменов ОАЯ и ЮАЯ сохраняет свою основную структуру, за исключением центрального концепта: сфера CONTRACT является суб-сферой AGREEMENT в обоих доменах, и обе сферы имеют ярко выраженные сегменты PROCESS и RESULT, однако, центральной суб-сферой в домене ОАЯ является концепт RELATIONS, в то время, как в домене ЮАЯ центральным становится CONSIDERATION; 2) в обоих доменах присутствует концептуализация участников договора, CONTRACTOR и CONTRACTEE, однако в домене ЮАЯ сегмент CONTRACTEE в 3 раза больше аналогичного сегмента домена ОАЯ; 3) в домене ЮАЯ участники процесса *contract* получают дополнительную концептуализацию, PROMISSOR и PROMISSEE; 4) **на уровне объектов, событий и их оценки**, в домене ОАЯ, практически, представлены два вида договора, коммерческий и социальный, в то время, как в ЮАЯ концептуализированы 154 вида договора. Среди них первое по частотности место занимает *социальный договор (Social C.)*.

2.2.3 Содержательное ядро и когнитивный образ кластера *Contract Essentials*

Главная цель договора – обеспечить защиту прав сторон, следовательно, договор должен соответствовать списку требований, критериев оценки *исковой силы договора (enforceability of contract)*. Эти требования носят название *непременных условий исковой силы договора – contract essentials*. Переходя к рассмотрению кластера *Contract Essentials*, важно отметить, что юридические

источники дают разные по объему списки понятий, составляющих объем этого кластера. Рассмотрим примеры списка *contract essentials*:

1. **2 Essential Elements: *competent parties, mutual agreement*** (a meeting of the minds on a specific subject) [FL: contracts-basics].

2. **5 Essential Elements: *an offer*** (a clear proposal of a deal), ***an acceptance*** (the party receiving the offer clearly accepted that offer – as opposed to making a counteroffer with new terms), ***consideration, clear material terms*** (all material terms are made clear), there's ***no basis to hold the agreement unenforceable*** (there's no suggestion one party signed under duress, or while a minor, or that one party lied to the other about an important deal term, or it's not a type of agreement that must be in writing to be enforceable) [QR, 2013: the essentials of a contract]; **5 Essential Elements: *an offer and acceptance, consideration, mutuality*** (meeting of the minds), ***capacity***, requirement that ***certain agreements be in writing*** [QR, 2018: the essentials of a contract]; **5 Essential Elements: *offer and acceptance, consideration, mutuality of obligations = mutual obligations = mutuality of contract, capacity = legal capacity = contractual capacity, legality = lawful purpose, evidence of (a) contract (witness (oral contract), written contract, e-signature)*** [Nolfi, 2009, 144 - 149].

3. **10 Essential Elements: *offer and acceptance, legal relationship, consensus-ad-idem (meeting of mind, competency of parties, free consent, lawful consideration, lawful objects, agreement not expressly declared void, certainty and possibility of performance, legal formalities*** [USL: 10 essential elements of a valid contract in business-law].

Сопоставление различных вариантов десяти элементов *contract essentials* дает следующие соответствия: 1) ***minimum two parties = two or more parties***; 2) ***offer and 3) acceptance*** (встречено 4 источника, рассматривающие термины *offer* и *acceptance* как отдельные терминологические единицы, тем не менее, большинство юристов – авторов информации на сайтах источников объединяют *оферту* и *акцепт (offer and acceptance)* и ставят равенство между *offer & acceptance* и понятием *agreement*, так как *акцептированная оферта* (принятое предложение) является согласием на дальнейшие шаги, а именно, формализацию достигнутых

договоренностей (*legal formalities*); некоторые авторы используют термин *proposal* вместо *offer*); 4) *legal obligations* (с вариативностью *mutual obligations, legal relationship*); 5) *consideration*; 6) *competent parties*, 7) *free consent*, 8) *lawful object* (с вариантом *subject matter* или *certainty of subject matter*), *not expressly declared void*, 9) *certainty and possibility of performance* (с вариантом *competent parties*), 10) *legal formalities* (с вариантом *form*). Минимальный набор представлен в виде двух элементов: *offer and acceptance* и *consideration* [Nolfi, 2009: 144].

Примечательно, что элемент *offer and acceptance (offer & acceptance)* является стабильным словосочетанием, термином. Элемент *offer & acceptance + consideration* встречается в списке *contract essentials* практически во всех источниках, в которых список превышает три элемента. Устойчивость *offer & acceptance + consideration* позволяет рассматривать его как «подвижный семантический кластер, включающий конфигурацию необходимых семантических компонентов» [Песина, Зимарева, 2019: 97].

Рассмотрим максимальный набор системы *agreement – contract – contract essentials* в ЮАЯ (по юридическим источникам в соответствии с логикой идеализированной образной схемы PART/WHOLE) [Lakoff, 1987, p. 273].

Agreement: 1) *the meeting of two or more minds* 2) *concord of understanding and intention between two or more parties*, 3) *the consent of two or more persons* 4) *a manifestation of mutual assent*, 5) *the act of two or more persons* 6) *the writing or an instrument which is evidence of an agreement* [Garner, 2009: 78]. Очевидно, что в соответствии с морфологическими особенностями компонентов **meeting**, **manifestation**, **writing**, грамматическими атрибутами *the meeting*, *a manifestation*, *the writing* и семантическими компонентами *concord of understanding and intention*, *the act*, *evidence*, метаструктура концепта AGREEMENT может быть представлена в виде трех сегментов: *single act, process, result*.

Contract: в соответствии с дефинициями юридических словарей и текстами, объясняющими сущность договора, *contract is* 1) *an agreement*, 2) *a promise or set of promises*, 3) *a legal relationship*, 4) *the writing* [например, Garner, 2009: 365-366;

Nolfi, 2009: 143], что свидетельствует о той же структуре на уровне мета-концептов: SINGLE ACT, PROCESS, RESULT.

Понятие *agreement* шире, чем понятие *contract*, так как понятие *agreement* не ограничено требованием исковой силы. Как точно заметил один из авторов статей в энциклопедическом словаре Black's Law Dictionary: «Every contract is an agreement, but not every agreement is contract» [Garner, 2009: 78]. На предыдущем этапе исследования было установлено, что понятия *contract* и *agreement* обладают аналогичной симметрией на мета-уровне. Анализ ключевых компонентов значений юридических терминов *agreement* и *contract* показал, что ядро договора (*contract essentials*) эксплицировано в значениях этих полисемантов, за исключением двух компонентов: *offer&acceptance*, и *consideration*.

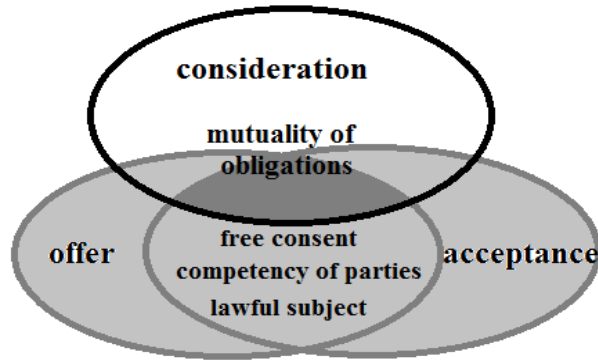
Рассмотрим дефиниции *agreement* в общем английском языке (США): 1a: harmony of opinion, action, or character: CONCORD: *There is widespread agreement on this issue.* b: the act or fact of agreeing: *She nodded her head in agreement.* 2a: an arrangement as to a course of action: *reached an agreement as to how to achieve their goal,* b: COMPACT, TREATY: *a trade agreement;* 3a: a contract duly executed (see EXECUTE sense transitive 2) and legally binding; b: the language or instrument (see INSTRUMENT entry 1 sense 4) embodying such a contract [MWD: agreement]

В соответствии со структурой сценария CONTRACT, кластер *offer and acceptance* является компонентом этапа переговоров, как процесса достижения взаимопонимания и согласия в мельчайших деталях договорных отношений. Они могут быть полностью или частично формализованы в виде документа, исковая сила которого гарантирована соблюдением последовательности шагов сценария. Понятие *consideration* связано с понятием *mutuality*, так как *возвратное удовлетворение* является условием достижения обоюдного согласия и главным условием исковой силы договора. Применив к расширенному набору компонентов кластера две выбранные методики: метод идеальных когнитивных моделей, в частности схемы CONTAINER, PART / WHOLE [Lakoff, 1987: 273-274] и комплексный метод выявления содержательного ядра (СЯ) лексической единицы [Киселева, 2010: 76-89], мы приходим к практически одинаковым результатам и

выводам: **1)** Компонентный анализ полисемии лексических единиц *contract* и *agreement* дает точное соответствие обоих понятий по мета-концептам, организующим структуру понятия и в определенном смысле являющимися мета-концептами системы обоих терминов: *single act, process or state, result*. Каждая из областей концепта CONTRACT является составляющей частью мета-концепта AGREEMENT. Таким образом, можно считать доказанным, что понятие *contract* полностью входит в концептосферу понятия *agreement*, понятие *agreement* является более широким. **2)** СЯ *contract*, состоит из двух компонентов: *offer and acceptance*, и *consideration*. Все другие компоненты либо входят в вышперечисленные категории в качестве составных частей, либо могут считаться их более узкими, специфическими синонимами. **3)** *Offer and acceptance* является стабильным кластером, он может рассматриваться как часть понятия *agreement*. **4)** По результатам семантического анализа, кластер *offer and acceptance* включает следующие элементы, общие для обоих терминов: *mutuality of agreement, mutuality of rights and duties, subject matter, free consent, competent parties*. Соответственно, кластер может быть представлен как двух-ядерная категория, где семантические поля концептов *offer* и *acceptance* перекрываются, и общей областью являются данные элементы. **5)** Для понятия *consideration*, главного условия исковой силы договора, составными элементами являются *bargain, exchange of values (quid pro quo), mutuality of obligations* (которые могут интерпретироваться как эквивалентные понятиям *mutuality of rights and duties*), и *estoppel (promissory estoppel)*. Понятие *estoppel* нами не рассматривается в связи с ограничением данного исследования. **6)** Компонент *mutuality of obligations* является общим для кластера *offer and acceptance* и понятия *consideration*, что позволяет считать его скрепляющим элементом данного кластера.

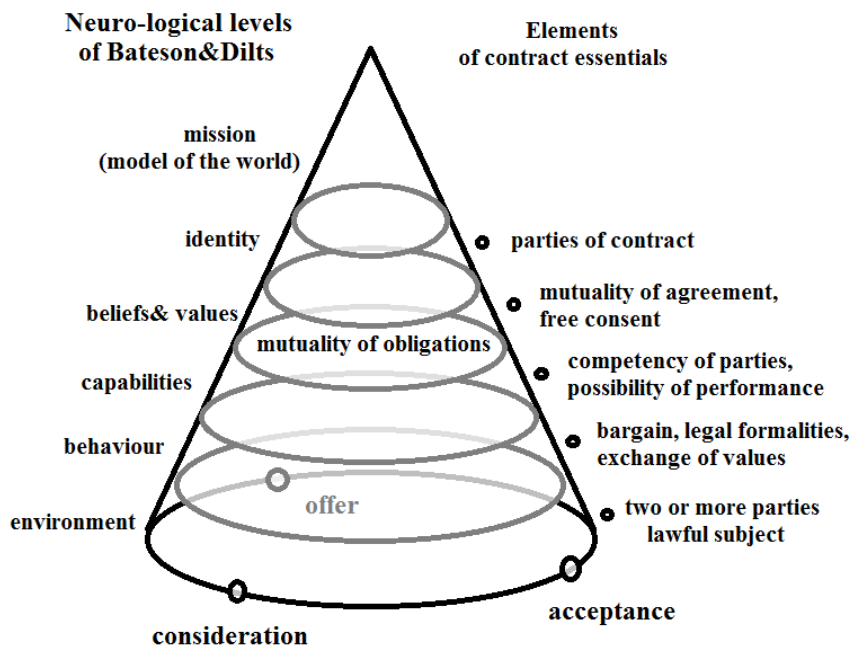
Полученные результаты можно представить в виде **Диаграммы 2** [Гатаулина, Киселёва, 2015].

Диаграмма 2. Содержательное ядро кластера contract essentials



- Кластер и входящие в него элементы можно представить в трехмерной проекции с привлечением модели нейрологических уровней [Dilts, 1994:146-151], проясняющих когнитивную иерархию взаимодействия концептов (Диаграмма 3). Будучи ценностным компонентом, *mutuality of obligations* связывает кластер *Contract Essentials* и является управляющим компонентом системы [Гатауллина, Киселёва, 2015]. Компонент *mutuality of obligation*, как содержательное ядро главного кластера системы *Contract Essentials*, подтверждает нашу гипотезу о существовании ценностного ядра терминосистемы.

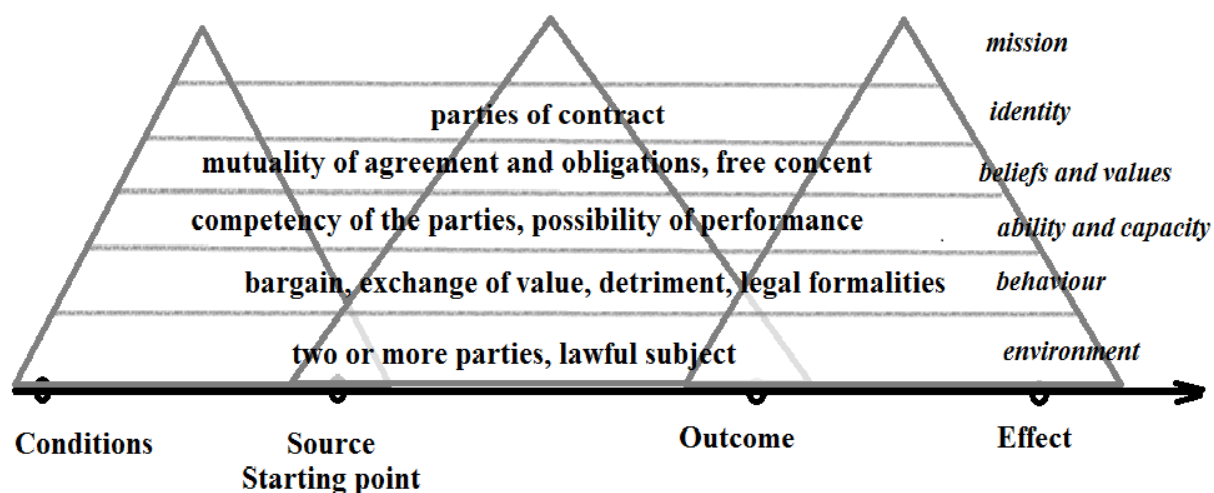
Диаграмма 3. Трехмерная модель логических уровней кластера Contract Essentials



В соответствии с таксономией Бейтсона-Дилтса, на уровне идентификации находятся определённые роли сторон коммуникации в рамках договора как процесса, *parties of contract (offeror / offeree, promissor / promisee, obligor / obligee)*.

Результаты могут быть также представлены в виде визуальной модели SOURCE – OUTCOME – EFFECT – CONDITIONS (SCOE), разработанной нами для удобства представления результатов [Киселёва, Гатауллина, 2016]. Модель базируется на модели SCORE (Symptom–Cause – Outcomes – Resources –Effect(s)), которая описана Р. Дилтсом [Дилтс, 2010] и соотносится с идеальной образной схемой SOURCE – PATH – GOAL выявленной Дж. Лакоффом [Lakoff 1987]. В адаптированной модели элемент *Cause* опущен, элемент *Resources* заменен на более точный термин *Conditions*, отражающий условия исковой силы договора. Комплексное использование модели НЛУ и SCOE (Диаграмма 4) позволяет визуализировать процесс во временной и ценностной перспективах.

Диаграмма 4. Комплексная модель НЛУ и SCOE



Таким образом, рассмотренная терминосистема является отражением картины мира субъектов взаимодействия в рамках договора. Подсистема *offer and acceptance / consideration* является естественным центром всей концептосферы АДП. Коммуникация между сторонами договора развивается в зависимости от удовлетворенности сторон результатами сотрудничества, а это, в первую очередь,

зависит от высоких логических уровней [Dilts, 1994], одним из которых, уровень «ценности и убеждения», репрезентирован понятиями *mutuality of agreement* и *free consent*. Так как кластер *offer and acceptance – consideration* также имеет СЯ, *mutuality of obligations*, который принадлежит подсистеме *Mutuality*, по принципу PART – WHOLE, элемент *mutuality of obligations* можно назвать центральным управляющим элементом системы. Находясь на уровне ценностей, не всегда эксплицированный в речи, но априори присутствующий в каждом акте коммуникации сценария CONTRACT.

2.2.4 Содержательное ядро и когнитивный образ термина *consideration*

Термин *consideration* выбран для анализа как один из самых часто используемых терминов, который представлен в классификации терминосистемы на энциклопедическом уровне, в качестве доктрины возвратного удовлетворения (*Doctrine of Consideration*), на уровне практического применения права, в качестве статического компонента сценария, а также на уровне угроз желаемому исполнению договора, как элемент оппозиций термину *consideration*.

Рассмотрим связь понятия *consideration* с понятием *contract*. Она прослеживается через компоненты-семы *agreement, enforce the contract, enforceable, enforceability, exchange, recognizable at law, exchange, transaction involving the exchange of goods or land for money: When money is exchanged for goods, this constitutes a sale. When money is exchanged for land, this constitutes a conveyance. Sales and conveyances may be the result of a previous contract but they are not the contracts in themselves. There is no undertaking or commitment to do or refrain from doing anything in the future. This indispensable element of contract is missing." John Edward Murray Jr., Mumwon Contracts § 2, at 5 (2d ed. 1974)*” [Garner, 2009: 336].

Детальное рассмотрение термина *consideration* представляется важным для понимания структуры СЯ термина [Гатаулина, 2015].

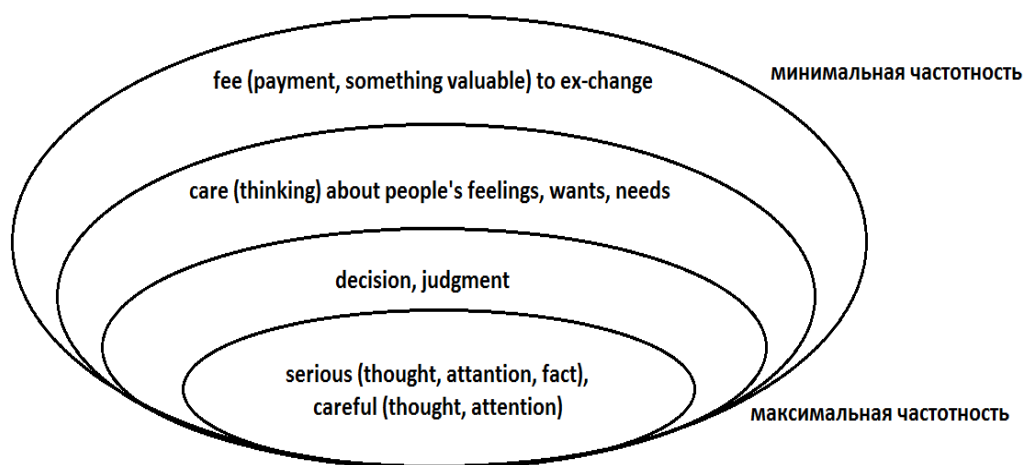
Исследование ЛСВ термина с использованием общеязыковых и юридических англоязычных словарей ([LDCE], [LDAE], [WNWCD]), а также юридический статей и глав книг, посвященных возвратному удовлетворению (например,

Eisenberg, 1981; Johnson, 1987; Janko, 2007; Kimel, 2009; и др.) выявили многозначность лексической единицы *consideration*. Методом сплошной выборки частотных значений найдено первичное, номинативно-непроизводное значение *consideration* ([LDCE], [LDAE], [WNWCD]) ([Eisenberg, 1981], [Janko, 2007], [Johnson, 1987] и др.): *careful (serious) thought or attention* (серьезное, внимательное рассмотрение чего-либо). Вторым по частотности идет значение *serious fact* (важный факт), которое можно объединить с первым на основании элементов *serious* и *thought*. Третье значение – *decision* с вариантами *judgment* и *opinion*, четвертое – *the quality of thinking about other peoples' feelings* (качество взаимодействия с другим человеком, участником коммуникации, забота о его чувствах). Пятым по частотности является значение *fee (payment, something valuable) to exchange* (плата, нечто ценное в качестве обмена), *compensation* (компенсация).

Когнитивный образ данной лексической единицы вписывается в единый «сценарий» [Lakoff, 1987; MacMillan, Stone, 2012], который создают компоненты значений *consideration*: «серьезность», «внимательность» в ситуации «принятия решения», «вынесения суждения», с вероятной целью «не обидеть», «не вызвать негативные чувства» у участников коммуникации, чтобы сохранить с ними хорошие отношения; «право на вознаграждение» за затраченные усилия в ходе взаимодействия, на материальную или нематериальную «компенсацию». В когнитивном образе присутствуют элементы «покупка», «делка», которые могут прояснять фрейм ситуации.

Результаты исследования позволяют представить когнитивный образ общеязыковой лексической единицы *consideration* в виде иерархически-многослойной модели, ядром которой является самое частотное, номинативно-непроизводное значение; остальные значения изображены в виде слоев вокруг ядра с понижением частотности употребления от центра к периферии (Диаграмма 5) [Гатауллина, Киселёва, 2015: 40].

Диаграмма 5. Иерархически-многослойная модель слова-термина *consideration*.



На основании анализа дефиниций общеязыковых словарей, суммарное первичное этимологическое значение слова *consideration* с учетом существенных, необходимых и достаточных признаков характеристик приводит нас к двум формулировкам СЯ: *careful attention to a matter in decision making* и *serious attention to the right for valuable compensation*. Ключевой компонент, сема *attention* связывает два компонента *decision making* (принятие решения) и *the right for valuable compensation* (право на получение компенсации определенной ценности) в рамках одного сценария коммуникации. Полученные формулировки можно интерпретировать на первом уровне таксономии Н.Н. Болдырева (уровень объектов, событий и их оценки) на всем протяжении сценария договора: 1ое и 2ое СЯ отражают сущность отношения сторон договора к любому процессу и результату, третье СЯ эксплицирует право каждой стороны на компенсацию при выполнении обязательств по договору. Смысл, эксплицированный в третьем СЯ, является основой доверия, возникающего между сторонами договора, отражает вероятность желаемого развития сценария [Гатауллина, Киселёва, 2015].

В ходе исследования определений и толкований с привлечением юридических источников и публикаций по проблематике доктрины *consideration* американских специалистов в области права [Mcleod, 2010; Nolfi, 2009; и др.], в качестве компонентов когнитивного образа термина *consideration* выявлены:

bargain (сделка), *payment* (плата) которая может воплощаться в *money* (деньгах), или *benefit* (не денежной выгоде, преимуществах), причем часто это именно *bargained benefit* (выгода, возникающая в процессе переговоров по сделке); *value* (ценность), причем важно, что это должна быть *objectively determined value* (объективно определяемая ценность), *promise* (обещание, договорное обязательство, обязанность), *act, performance* (*doing an act* - действие), или *forbearance* (*not doing an act* – отказ от действия), *enforceable* (имеющий исковую силу), *binding* (*legally binding* – юридически связывающий), *quid pro quo* ("нечто за нечто", компенсация). Часто цитируемое высказывание, определяющее взаимодействие понятий внутри концепции *consideration*, принадлежит Лорду Данидину (Lord Dunedin): «*An act or forbearance of one party, or the promise thereof, is the price for which the promise of the other is bought, and the promise thus given for value is enforceable*» [LD]. – «Действие или отказ от действия одной из сторон (договора), либо таковое обещание – это цена, за которую другая сторона договора покупает данное обещание и, таким образом, делает это обещание имеющим исковую силу» (перевод мой, Гатауллина Н.А.). Исходя из этого, СЯ юридического термина *consideration* может быть сформулировано так: *enforceable bargained compensation for objectively determined value*.

В связи с задачами исследования, в особенности, с задачей определения структуры концепта, стоит обратить внимание на суффикс *-tion* в составе слова, который может добавлять следующие оттенки значения: *действие* или *процесс*, *состояние* или *качество*, *факт*, *конкретный результат*, например: 1) *consideration* – «*serious thought and attention: take smth into consideration со значением to think something when making a decision*» [LDCE, 331] – дополнительный акцент «действие», «мыслительный процесс», «процесс», «состояние» обдумывания; 2) *consideration* – generally, the exchange of something of value for something of value. From what for what, a quid pro quo is something for something or a this for that. [Nolfi, 2009, 146] – акцент «действие», «процесс» или «факт» обмена; 3) *consideration* – a payment for something, especially a service: I might be able to help you for a small consideration / a payment in consideration of (=as

payment for) their services [LDCE, 331] – акцент «*материальный результат*»; 4) *consideration* – the quality of thinking and caring about other people's feelings, wants, or needs: The murdered woman's name has not been released, out of consideration of her parents. / They have no consideration for others. / Show some consideration! [LDCE, 331] – акцент на «*качество*» размышления, внимание и уважение к людям.

На основании полученных результатов можно говорить о многоплановом представлении в одной лексической единице *consideration* трех стадий рассмотрения какого-либо дела, о едином сценарии: первоначальное внимание к вопросу, за которым следует процесс обдумывания, качественный выбор угла рассмотрения, качество самого процесса размышления, основанного на определенных ценностях, фильтрах восприятия ситуации и объекта внимания, результат рассмотрения и осмысления (общезыковые значения лексической единицы *consideration*), его вещественное проявление или поступок – обмен материальными ценностями, принятие на себя определенных обязательств или отказ от них (значения юридического термина *consideration*), и далее факт обмена ценностями.

Принимая во внимание вышесказанное, суммарное первичное этимологическое значение *consideration* с учетом существенных, необходимых и достаточных признаков характеристик – СЯ, является системой [Lakoff, 1987] с тремя элементами: *careful attention to a matter in decision making* (СЯ1) и *serious attention to the right for valuable compensation* (СЯ2, общезыковой и бизнес контекст), и *enforceable bargained compensation for objectively determined value* (СЯ3, юридический контекст).

На концептуальном уровне по результатам исследования выявлены мета-концепты сценария: *действие* (ACT), *процесс* (PROCESS), *состояние* (STATE) или *качество* (QUALITY), *факт* (FACT), *результат* (RESULT), которые не вербализованы в дефинициях термина *consideration*, однако имплицитно присутствуют в концептосфере, могут быть интерпретированы как мета-концепты и когнитивные схемы концепта CONSIDERATION.

Концепты *действие* (ACT), *процесс* (PROCESS), *состояние* (STATE), *качество* (QUALITY), *факт* (FACT), *результат* (RESULT) взаимосвязаны. Отдельное *действие* (ACT) можно считать необходимой частью любого процесса (PROCESS). *Факт* (FACT) представляет собой либо зафиксированное в сознании *действие* (ACT) как процесс, либо результат (RESULT) этого действия. Следовательно, в соответствии с идеальной образной схемой PART – WHOLE, *действие* (ACT), так же как *факт* (FACT) может интерпретироваться либо как процесс (PROCESS), либо как результат (RESULT). *качество* (QUALITY) может характеризовать и *процесс* (PROCESS), и *результат* (RESULT), состояние (STATE) может быть результатом (RESULT) действия (ACT) или частью процесса (PROCESS). Следовательно, внешней оболочкой (WHOLE) для *фактов* (FACT), отдельных *действий* (ACT), *состояний* (STATE) и *качеств* (QUALITY) можно признать два мета-концепта, *процесс* (PROCESS) и *результат* (RESULT). Таким образом, концептосфера CONSIDERATION представляет собой систему метаконцептов PROCESS и результат RESULT.

Сопоставим значения лексической единицы и СЯ *consideration* с логическими уровнями [Dilts, 1994], начиная с нижнего логического уровня, «окружение», и заканчивая верхним уровнем – «модель мира»:

- Значения лексической единицы *consideration, fee (payment, something valuable) to exchange* и СЯ юридического термина *enforceable bargained compensation for objectively determined value* (СЯЗ) соответствуют двум самым нижним логическим уровням Бейтсона-Дилтса – «окружение» и «поведение», с дополнительным значением «конкретный результат», «факт», «действие»; они отражают материальное содержание взаимодействия в рамках договора.

- Значение *decision, judgment* можно рассматривать на уровне «ценности и убеждения». Безусловно, на процесс принятия решения и вынесения суждения серьезное влияние оказывают более высокие уровни («модель мира» и «идентичность»), а уровень «ценности и убеждения», в свою очередь, оказывает влияние на уровень способностей: в зависимости от суждения о ситуации,

понимания своей роли в коммуникации и своих целей, человек способен или не способен на определенные действия и поступки.

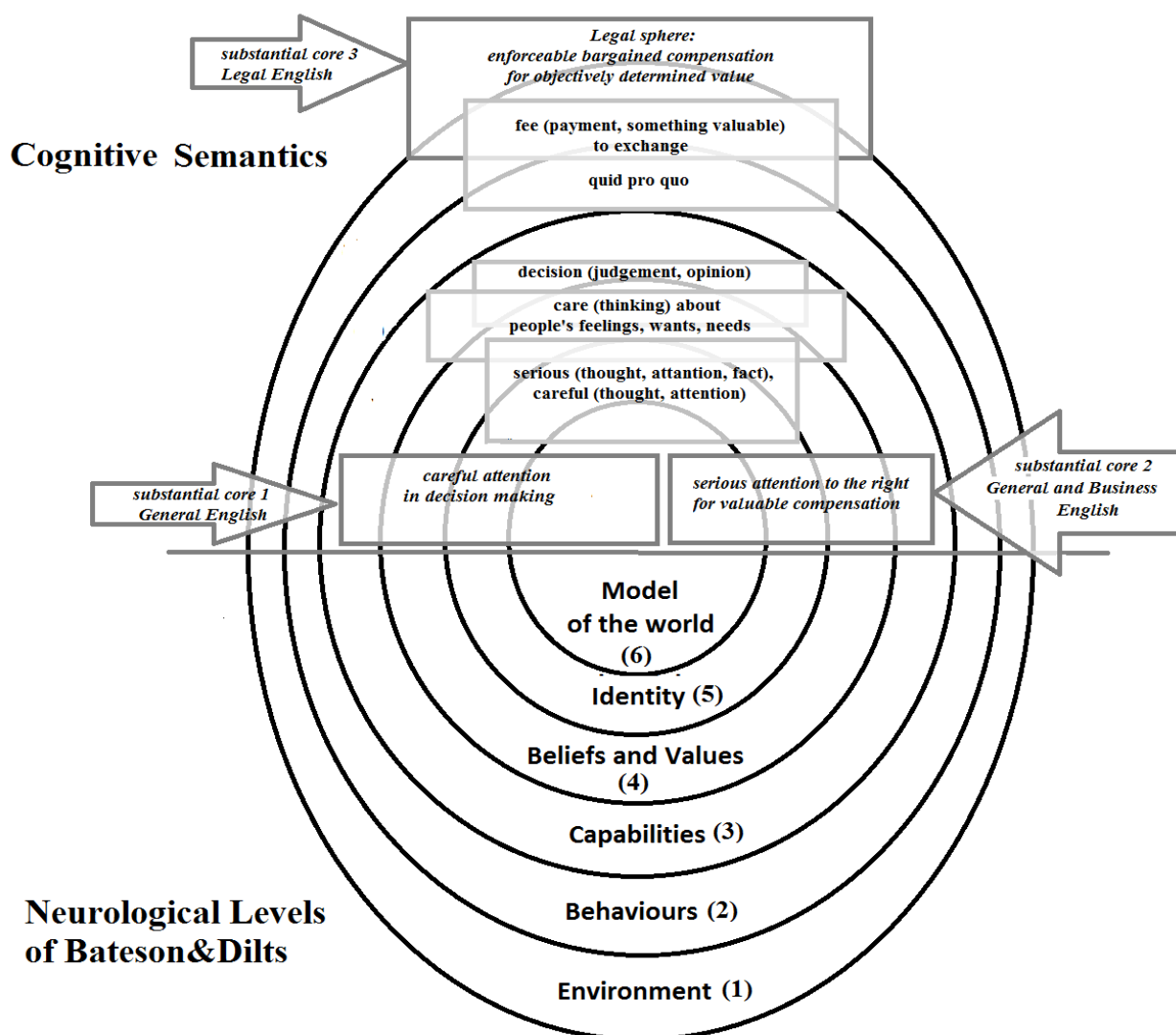
- Значение *забота о чувствах и нуждах (care (thinking) about people's feelings, wants, needs)* сторон взаимодействия лежит на стыке двух уровней: «способности» и «ценности и убеждения». Именно на этих уровнях находится способность понять и учесть ценности противоположной стороны.

- Значения *serious (thought, attention, fact)* и *careful (thought, attention)* можно рассматривать на трех самых высоких логических уровнях: «модель мира», «идентификация», «ценности и убеждения»: в процессе обдумывания человеком серьезных вопросов именно эти уровни являются главными фильтрами для выбора качественного угла рассмотрения ситуации, внимания к деталям на уровне окружения, качественной оценке в выборе ресурсов, определенным действиям.

- Оба варианта содержательного ядра ЛЕ: *careful attention in decision making* (СЯ1) и *serious attention to the right for valuable compensation* (СЯ2), распознаваемые, в контексте как обыденного и делового общения, так и в контексте конфликта в правовой сфере, можно рассматривать на трех самых высоких логических уровнях: «модель мира», «идентификация», «ценности и убеждения», так как именно эти уровни предполагают высокий уровень обобщения, соответствующий данным формулировкам.

Основываясь на данных рассуждениях, целесообразно представить систему логических уровней в виде иерархически-многослойной модели, аналогичной Диаграмме 5, в виде проекции пирамидальной модели на плоскость ее основания с центральным сегментом – самым высоким уровнем («модель мира») и проекциями более низких логических уровней слоями, расходящимися от центра к периферии. Совместив модель значений ЛЕ *consideration* и модель логических уровней, получим удобную смешанную модель, которая позволяет по-новому взглянуть на СЯ рассматриваемой ЛЕ (Диаграмма 6) [Гатаулина, Киселёва, 2015: 47].

Диаграмма 6. Смешанная модель: нейрологические уровни Бейтсона - Дилтса ↔ значения лексической единицы ↔ содержательные ядра.



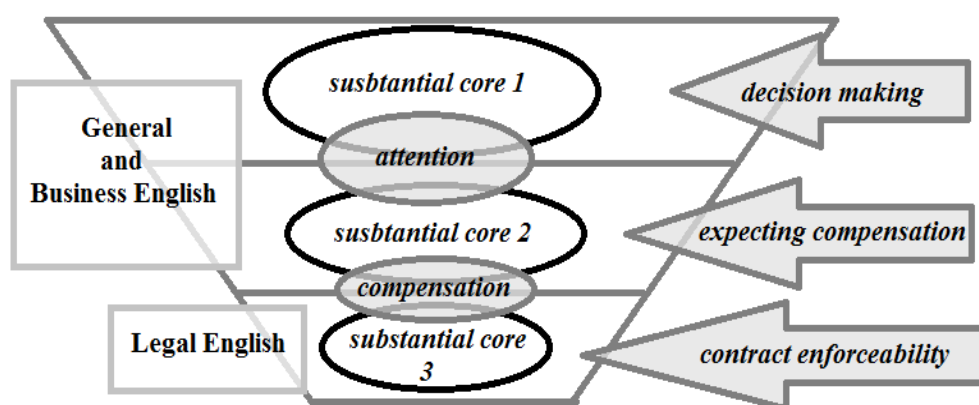
Данная смешанная модель наглядно показывает, что все значения лексической единицы и ее СЯ являются частями единой системы, равномерно покрывая все логические уровни. Кроме того, очевидна эксплицитная и имплицитная связь СЯ. Эксплицитная связь ядер – это общие лексемы: СЯ1, *careful attention in decision making*, связано с СЯ2, *serious attention to the right for valuable compensation* семой *attention*; СЯ2 связано с СЯ3, *enforceable bargained compensation for objectively determined value*, семой *compensation*. Здесь можно говорить об иерархичности системы СЯ лексической единицы не только

вследствие соответствия последних нейробиологическим уровням, но и с точки зрения широты класса ситуаций, в которых они проявляются.

Кроме эксплицитной связи, в системе СЯ присутствует имплицитная иерархия: СЯ1, *careful attention in decision making* охватывает все поле ситуаций принятия серьезных решений; СЯ2, *serious attention to the right for valuable compensation*, проявляется в ситуациях, когда ценностью является именно право на компенсацию, осознаваемое, как естественное право и часто не формулируемое конкретно (вид и размер компенсации часто отдается на усмотрение другой стороне, конкретный размер компенсации может не конкретизироваться, но всегда влияет на принятие решения и на продолжение отношений в виде простого поддержания договора, сотрудничества или вступление в договорные отношения).

Ядро СЯ3, *enforceable bargained compensation for objectively determined value*, ядро термина, проявляет себя при формировании договора, правовая сила которого зависит от максимальной конкретности формулировки пунктов договора-документа. Тем не менее, класс ситуаций СЯ3 может быть подклассом ситуаций СЯ2, а он, в свою очередь, может быть подклассом СЯ1. Система содержательных ядер ЛЕ **consideration** визуализирована в виде иерархической уровневой диаграммы (Диаграмма 7) [Гатауллина, Киселёва, 2015: 49]. Важно отметить, что СЯ отражают этапы формирования исковой силы договора.

Диаграмма 7. Иерархическая модель системы содержательных ядер ЛЕ *consideration*.



Примечательно, что более высокий уровень СЯ в **Диаграмме 7** коррелирует с более высоким расположением СЯ в смешанной модели (**Диаграмма 6**). Так как более высокие логические уровни характеризуются высокой степенью смыслового обобщения и оказывают влияние на более низкие логические уровни, именно эта имплицитность влияния в иерархии системы СЯ, возможно, ведет к возникновению конфликтующих точек зрения на доктрину *consideration*.

Таким образом, применение двух, описанных выше, аналитических инструментов в анализе слова и термина *consideration* позволило не только выявить систему СЯ, но и по-новому представить систему многозначного термина, уточнить ценностно-смысловое наполнение каждого из его значений, построить иерархию значений термина и его содержательных ядер. Система СЯ отражает этапы формирования исковой силы договора в рамках сценария CONTRACT. Потенциально, данный подход может быть использован для более широкого рассмотрения отдельных терминов и терминосистем, причин появления конфликтующих точек зрения на термины, терминосистемы, доктрины.

В завершении, стоит отметить, что интерпретация результатов исследования СЯ как состоящего из трех ядер (С1, С2–ОАЯ, С3–ЮАЯ) позволяет прояснить сущность термина возвратного удовлетворения (*consideration*). СЯ термина, находясь на уровне объектов и действий, эксплицирует процессы, относящиеся к материальным ценностям и право на их получение, необходимость контролировать их получение. СЯ ЛЕ в общем английском языке, располагающееся на уровне «ценности и убеждения», эксплицирует важность пристального внимания при принятии решения, если дело касается выгоды, в особенности материальной.

2.2.5 Концептуальная метафора CONTRACT

Концепт CONTRACT в АДП и во всех сферах юриспруденции, имеющих отношение к бизнес-процессам и к экономике, можно считать системообразующим. В сознании человека, не связанного с юридической сферой, понятие *contract* формируется индивидуальным опытом договорных отношений в обыденной жизни, профессиональной деятельности и под воздействием СМИ. В

данном параграфе концепт CONTRACT рассматривается как феномен, формируемый американскими СМИ, и обладающий «явной социокультурной и территориальной спецификой» [Болдырев, 2015, 35-36]. Концептуализация понятия рассматривается сквозь призму концептуальной метафоры, предложенной в публикациях Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, 1987], [Lakoff, Johnson 1980], [Lakoff, Johnson, 1999].

Концептуальные метафорические образы CONTRACT получены на материале источников СМИ (публикаций в газетах и журналах, транскриптов радио и телевизионных передач, изданий популярной литературы) корпуса современного американского языка COCA. Концептуальные метафоры представляют собой систему динамически взаимодействующих образов. Примеры, использованные в настоящем исследовании, даны без редактирования, с авторской орфографией и пунктуацией.

2.2.5.1 CONTRACT IS A VALUABLE POSSESSION

Репрезентация концепта CONTRACT в американских средствах массовой информации в 100% случаев сопровождается указанием партиципантов-собственников договора (например, *his contract* (1275), *'s contract* (873), *her contract* (180), *contract with* + партиципант (3602) и т.д.). **Обладателями договора** (*the owner of the contract*) могут быть крупные компании, государственные агентства, известные в своей области люди, категории работников (*teacher's contract*). Более чем в 60% случаев обсуждение договора сопровождается **ценностью договора** (*value of contract*), выраженной в цифрах, в подавляющем большинстве случаев, исчисляемых в цифрах с шестью, семью, восьмью, девятью знаками. Договор может быть «продан», «куплен» и «выкуплен». Вполне понятно, что СМИ стараются привлечь читателей громкими именами владельцев договоров и значительными цифрами сумм договоров, эксплицируя важность именно этих аспектов образа.

Примеры: «He could count on a massive bidding war culminating in a *nine-figure contract*» [USA TODAY, 2017].; «As it is, the *\$8 million reported contract* would be the

most Seattle has paid to any offensive lineman since re-signing Unger» [The Seattle Times, 2017].; «He accepted an approximately \$16 million buyout of his \$23.8 million contract from the Chicago Bulls on Sunday night» [cleveland.com, 2017].; «# It was the arrival of a *new owners-players contract* that brought a heavier hammer on teams *exceeding \$200 million in payroll*» [The Detroit News, 2017].; «In 1969, Curt Flood's contract was sold by the St. Louis Cardinals. Flood refused to report to his new team, the Philadelphia Phillies, claiming that he should have the right to decide where he plays» [Journal of Sport Behavior, 1991].; The *principal's contract was bought out*. She did what's called early retirement, and you can read into that what you want to» [Fox_HС, 2001].

Таким образом, наиболее часто возникающий метафорический образ, формируемый американскими СМИ: CONTRACT IS A VALUABLE POSSESSION (ДОГОВОР – ЭТО ЦЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ).

2.2.5.2 Система концептуальных метафор CONTRACT IS A CONTAINER, CONTRACT IS A BUILDING, CONTRACT IS A VEHICLE

Образ контейнера выявлен в 70 % текстов. Представляя результаты исследования в этой части, уместно ввести сокращение (contract – С.); количество результатов по каждому компоненту системы указано в скобках.

В соответствии с определением словаря Merriam-Webster Dictionary, контейнер – это объект, который что-либо содержит (*one that contains*), хранилище,местилище (*a receptacle*), емкость для хранения чего-либо (*a box, jar*), отсек, отделение, контейнер, тара для перевозки на поезде или корабле (*a portable compartment in which freight is placed (as on a train or ship) for convenience of movement*) [MWD: container].

Категории предикатов (размер(ы), вес, части договора), а также использование *contract* в функции предиката к категориям веса, пространства, частей емкости формируют положение партиципантов или условий договора «внутри» или «снаружи» договора, «движение внутрь договора» или «из договора наружу» формируют метафорический образ договора как емкости, контейнера:

Размер(ы), вес (масса), части договора: *big C.* (89), *huge C.* (24), *large C.* (17), *massive C.* (7), *small C.* (7) (*very small, relatively small*), *length of C.* (7), *long C.*(6), *short C.* (5), *form of C.*(5), *heavy C.*(1), *parts of the C.*(4), *C. side* (2), *C. space* (1) *form of C. и др.*

Местоположение по отношению к договору: *in his/her/ person's/ company's C.*; *out of his/her C.* (5730), *in C.* (145), *in the C.* (378), *within the C.*, *under C.* (707), *under the C.* (74), *C. includes* (17), *C. contains* (9), *C. covers* (5) и др.

Направление движения объекта: *into a/the C.* (119), *enter a C.*, *out of -/his C.* (56), *get out of his C.* (6), *off -/the C.* (12) и др.

Примеры:

«Though bigger programs have expressed interest in Hudspeth, he has been content to stay at Louisiana-Lafayette, which bumped his salary to an average of \$1.075 million over six years – *a massive contract* by the Sun Belt's standards» [USA Today, 2014].; «Armstrong said last April. Hitchcock, whose bench includes two new assistants and whose *contract does not contain* a guarantee beyond the approaching season» [STLouis, 2014].; «The Vanbarton Group is in contract to buy residential apartment tower The Vogue at 990 Sixth Ave. [...] Also through Harmon, South Brooklyn's multi-building complex Starrett City is also *in contract* to be sold to the Brooksville Company and Rockpoint Group for \$850 million» [New York Post, 2017].; «He's under contract through 2017» [cleveland.com, 2017].; «And that's why, even if you have no intention of becoming a T-Mobile customer – maybe there's no coverage where you live, or maybe *you're already locked into a two-year contract* – you should pay attention. One of the four emperors has now put on real clothes» [COCA, 2013].

Сформированный образ CONTRACT IS A CONTAINER. предполагает, что в контейнере могут находиться объекты (контейнер как емкость, хранилище, пр.) и люди (контейнер как место, убежище, средства передвижения пр.). Полученные данные можно также интерпретировать как артефактную метафору CONTRACT IS A BUILDING (ДОГОВОР – ЭТО ЗДАНИЕ) и CONTRACT IS A VEHICLE (ДОГОВОР – ЭТО ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО). Любое здание или транспортное средство – это ограниченное пространство, в которое человек может

войти, из которого он может выйти (*into a/the contract, out of -/his contract, enter a contract, get out of his contract, off -/the contract* и др.), в котором он может быть закрыт на замок («*you're already locked into a two-year contract*» [COCA, 2013]). Внутреннее пространство как здания, так и транспортного средства может иметь специально отведенные места для безопасного хранения, либо для безопасной перевозки. Как здание, так и транспортное средство может требовать ремонта в случае повреждения: «*The contract is broken* [COCA, 2012]»; «*As commander in chief, I will do everything I can to repair the sacred contract with our active-duty personnel and veterans*» [COCA, 2007].

Образ CONTRACT IS A VEHICLE формируется также следующими примерами: «*To the extent that a time-and-material contract vehicle would be for any portion of a larger software development contract*» [COCA, 2017].; «*The Great Cellphone Subsidy Con is indefensible no matter how you slice it – why should you keep paying the carrier for the price of a phone you've fully repaid? – and the two-year contract is an anticompetitive, anti-innovation greed machine.* Those practices should stomp right across your outrage threshold*» [COCA, 2013]. Здесь важно обратить внимание, на то, что одним из значений ЛЕ *machine*—автомобиль: «*1a archaic: a constructed thing whether material or immaterial; 1b: CONVEYANCE, VEHICLE, especially: AUTOMOBILE*» [MWD: machine]. Между метафорическими образами CONTRACT IS CONTAINER ↔ BUILDING ↔ VEHICLE сложно провести границу, так как дефиниции ЛЕ имеют пересекающиеся области: *пространственная организация объекта* и *функционал объекта*.

На периферии концептуальной метафоры находятся и такие особенности CONTRACT, как способность «взлетать» (*contract takes off*), «приземляться» (*land a contract*) и «выходить на орбиту» (*launch a contract*). Данные предикаты в корпусе представлены единично, и формируют образ самолета, космического корабля или спутника.

Обратившись к интернету и к многообразию современных средств передвижения, мы обнаружим, что в поисковике Google на ключевые слова «*container & building*», «*vehicle & container*» «*vehicle & building*» «*flying vehicle*»,

«*vehicle & spaceship*», «*space vehicle*» выпадает множество реально существующих концептуальных комбинации такого рода и проектов по их созданию: 1) «*container & building*»: различные виды строений из контейнеров, домов для проживания и зданий для бизнеса (Cargo Container Houses, 3 Story Shipping Container Building, Angled shipping container houses, PUMA City, Shipping Container Store, SG Blocks и др.) 2) «*vehicle & container*»: разработки компании Tatamotors –машины-грузовики, предназначенные для перевозки контейнеров, машины со съемными контейнерами или грузовики-контейнеры (Container transport, Car Shipping vehicles) и др.; 3) «*vehicle & building*»: разного рода автомобили, в которых можно жить (EarthRoamer, Mercedes Benz Zetros, Global XRS и др.); 4) «*flying vehicle*»: разнообразные проекты летающих автомобилей, создатели которых говорят о том, что в скором будущем человечество будет летать на машинах (проект летающего автомобиля Hundai & Nasa, проект выпускников the UK's Royal College of Art's Intelligent Mobility programme, и др.) 5) «*vehicle & spaceship*», «*space vehicle*»: проект космического автомобиля Dream Chaser Spacecraft компании Sierra Nevada Corporation, и др.

Очевидно, что творческая способность человека поразительна и полученные данные дают основание полагать, что выявленная нами система артефактных метафор CONTRACT IS A CONTAINER, CONTRACT IS A BUILDING, CONTRACT IS A VEHICLE представляет собой динамическую развивающуюся систему, которая с одной стороны, зависит от развития в профессиональных областях (возведения зданий, автомобилестроения, космического кораблестроения и др.), а с другой стороны, сама влияет на появление многофункциональных артефактов. Это еще раз подтверждает, что концептуальная метафора – неотъемлемая часть мышления человека, его реального каждодневного творческого труда.

2.2.5.3 CONTRACT IS A CONTEST

В этой части исследования предпринята реконструкция образа *contract* на основе модели прототипического сценария и его репрезентации в текстах СМИ

корпуса СОСА. Были рассмотрены этапы договора, его участники, особенности сценария. Было выявлено, что кроме сторон договора (*parties, contractor*) в процессе *contract* есть заинтересованное в договоре окружение, например, лоббисты, которые оказывают услуги продвижения договора («*Lobbyists come back as contract lobbyists*» [СОСА, 2015]). Они могут быть частью команды, исполняющей договор (*in-house lobbyist*) или продвигать его на условиях аутсорсинга (*a consultant lobbyist*). Партиципант *lobbyist*, появляется в рамках процесса, если в сделке участвует или заинтересовано государство (*state, government agency, government body*). Государство – самый влиятельный участник процесса, хотя не всегда очевидный. На уровне законодательных документов оно определяет необходимые условия *contract*, например, договор не может вступить в силу, если его условия не соответствуют требованию обладания исковой силы (*contract enforceability*), зафиксированного в законе (*Contract law, restatements*), в случае конфликтов оно является третейским судьей, арбитром, в большинстве случаев при рассмотрении конфликтов в суде. В случае серьезных разногласий или когда исполнение договора может нанести вред обществу, *contract* может быть прекращен по воле государства («...*the state canceled the contract*» [СОСА, 2015]).

Договор как процесс имеет цель, требует планирования и управления на всех этапах: «*The aim of the contract is to produce an agreement that states exactly what is being offered by one party, the implementation timeframe for the contract and how the contract is to be managed, as well as the objectives or goals the service [...]. Good planning and monitoring of performance throughout the course of the contract is essential*». [СОСА, 2013].

Этап переговоров (**Сцена 2б сценария**) может стать настоящей войной, битвой, соревнованием заинтересованных сторон и их команд, а сам договор, его подписание, может стать наградой за победу в этом состязании: «*Detroit Tigers assistant general manager Al Avila says pitch framing stats have even entered the arena of contract negotiations, employed by teams and agents, depending on which side they serve. But there's little unanimity about the impact of pitch framing*» [СОСА, 2015]. «*He could count on a massive bidding war culminating in a nine-figure contract* [СОСА,

2017]. «*On the other hand, awarding every contract under full and open competition is neither desirable nor prudent under all circumstances*» [COCA, 2017]. «*An authority may not award a contract for construction, services, or property, other than real property*» [COCA, 2017].

Очевидно, что на этапе подготовки *contract*, договор представляет собой соревнование мнений соратников и битву претендентов на награду. Этот этап формируется в американских СМИ концептуальной метафорой CONTRACT IS A CONTEST. После определения команды проекта и подписания договора, эта метафора отходит на второй план, уступая место метафоре гонки, заезда одной команды, команды CONTRACT. Сам *договор* концептуализируется как транспортное средство (*To the extent that a time-and-material contract vehicle would be for any portion of a larger software development contract.* [COCA, 2017]), внутри которого команда *contract* движется к намеченной цели.

По сути, договор становится путем следования команды заезда *contract* в транспортном средстве с названием *contract* по траектории внутри пространства с названием *contract*. Этот заезд может субъективно восприниматься участниками процесса как путешествие во времени (*Julio Jones, 26, enters the final year of his contract* [COCA, 2015]), а транспортное средство *contract* может быть запущено как космический корабль (*to launch a contract*), или взлететь само как самолет (*the contract takes off*). В пути возможны поломки транспортного средства (*break a contract, the contract is broken* [COCA, 2012]) по вине команды транспортного средства или по вине внешних обстоятельств, и эти поломки могут быть устранены ремонтом (*repair a contract*). В случае серьезных разногласий, нарушений договора, сторона(ы) могут выйти из договора (*get out of contract*), покинуть *договор* (*abandon the contract*): «*Rick Wagner may be the highest paid pure right tackle in the NFL, but if the Detroit Lions' biggest addition of free agency doesn't live up to his contract, the team can get out of it with few financial ramifications down the road*» [COCA, 2017].; «*The chronically troubled Xerox contract is finally abandoned by the Health and Human Services Commission*» [COCA, 2015].

На отдельных этапах исполнения договора (*Сцена 4 сценария*) участник может испытывать негативные эмоции: «*Extending his contract is like a trip to the lobotomist-a no-brainer*» [COCA, 2000].; «*Maybe they show you he tested positive, and all of a sudden the contract is null and void. When you're dealing with **mistrust**, it becomes **tricky***» [COCA, 2002].

Сцена 4 сценария полна рисков, воздействия негативных внутренних и внешних факторов. Внутри команды могут возникнуть разногласия (*contract disputes*), стороны могут нарушить договоренности (*the contract is/was breached/broken by*), и команде договора может потребоваться сторонний судья для разрешения спора (*the National Mediation Board is mediating the contract talks* [COCA, 2000]). Внешним препятствием к достижению цели заезда может стать ущерб (*contractual impairment*), в том числе, непредвиденные меры главного могущественного наблюдателя заезда, государства (*An impairment exists because such government action makes it illegal...* [COCA, 2001]), фактически, дисквалификации единственного участника. Действия сторон договора или внешние факторы могут привести к остановке на пути следования, приостановке действия договора (*contract suspension, suspended contract, cool off period (of contract), during the off contract period*), вплоть до решения не продолжать заезд, расторгнуть договор до срока окончания его действия договора (*contract termination, expired contract*).

Выявленные метафорические образы, сопровождающие этапы сценария CONTRACT, позволяют сделать заключение о том, что метафорический образ договора, сформированный СМИ США, может быть описан в рамках социоморфной концептуальной метафоры CONTRACT IS A CONTEST.

В качестве заключения к этому этапу исследования, важно обратить внимание на то, что при помощи системы концептуальных метафор, тексты СМИ формируют многоаспектный образ договора. Самый важный аспект образа CONTRACT – аспект обладания ценностью (CONTRACT IS A VALUABLE POSSESSION). Чтобы получить эту ценность, необходимо принять участие в состязании и выиграть (CONTRACT IS A CONTEST). Для того, чтобы выиграть

соствязание и для того, чтобы успешно воспользоваться преимуществами обладания ценностью, нужно правильно выбрать или создать средство достижения цели (CONTRACT IS A BUILDING, CONTRACT IS A VEHICLE).

2.2.6 Когнитивно-семантические особенности термина *social contract*

2.2.6.1 Содержательное ядро термина *social contract*

В этом параграфе рассматривается понятие *social contract* как фоновое знание для понятия *contract*. Содержательное ядро и концептуальный образ были выявлены с использованием общеязыковых и специализированных словарей с последующим анализом.

Дефиниционный анализ термина *social contract* показывает, что он не является развитым полисемантом. Юридический словарь Black's Law Dictionary дает следующее определение термину: «**social contract.** (1837) *The express or implied agreement between citizens and their government by which individuals agree to surrender certain freedoms in exchange for mutual protection; an agreement forming the foundation of a political society. The term is primarily associated with political philosophers, such as Thomas Hobbes, John Locke, and esp. Jean Jacques Rousseau, though it can be traced back to the Greek Sophists*» [Garner, 2009: 1517]. Словарь Mariam-Webster (ОАЯ) определяет это понятие *social contract* как «*an actual or hypothetical agreement among the members of an organized society or between a community and its ruler that defines and limits the rights and duties of each*» [MWD: social contract].

В ходе анализа ЛЕ *social contract* в ОАЯ выявлено следующее:

1) *Social contract* репрезентирован как фактическое, реальное соглашение (*an actual agreement*), которое в соответствии с атрибутом *actual* (*1a. existing in fact or reality, b. not false or apparent, c. used for emphasis, 2. existing or occurring at the time*) [MWD: actual], можно интерпретировать как существующее в реальности в определенный момент времени, то есть, в терминах договорного права, актуализированное устной или письменной договоренностью. Здесь важно заметить, что устная договоренность с юридической точки зрения становится

фактом, только если существуют реальные, фактические доказательства данной договоренности.

2) *Social contract* также репрезентирован как гипотетическое соглашение (*hypothetical agreement*), последнее имеет две основные интерпретации: *теоретическое, гипотетическое соглашение, доктрина (in the theories of certain political philosophers, as Locke and Rousseau [CAED])* и *предполагаемое согласие (suppositional agreement [MWD: social contract/thesaurus])*.

3) Сторонами договора могут быть члены организованного общества (*the members of an organized society*) или *сообщество (community)* и *правитель (ruler)*, определяющий и ограничивающий *права и обязанности (the rights and duties)* каждого из членов [MWD: social contract]. Понятие *сообщество (community)* имеет широкий спектр значений, от группы людей, объединенных определенными интересами или территорией нахождения (*the people with common interests living in a particular area*) до *сообщества народностей, наций (a body of persons or nations having a common history or common social, economic, and political interests)* [MWD: social contract]. В соответствии с частью определения, а именно, «*hypothetical agreement among the members of an organized society*» [MWD: social contract], гипотетический общественный договор может существовать в любой организованной ячейке общества между членами общества, в виде явных и неявных договоренностей каждого с каждым. Явные и неявные договоренности могут существовать и между сообществами.

4) *Social contract* – это соглашение (*agreement*), которое предполагает, что часть прав и свобод каждого участника ограничивается целями группы, сообщества или общества. Обмен части прав и свобод каждого на право быть членом сообщества регулируется установленными в социуме инструментами («*the agreement among individuals uniting for various reasons, by which organized society was begun and sets of regulations were instituted to govern interrelations of members*») [WNWCD: social contract].

Фактически, *social contract* как процесс, в первую очередь процесс коммуникации, представляет собой матрицу отношений (**Таблица 5**):

Таблица 5. Матрица коммуникации в системе *social contract*

a member of the society↔a member of the society	the society↔a member of the society
a member of the society↔the ruler	the society↔the ruler

Спектр взаимоотношений в рамках этой матрицы широк и многообразен, если принять во внимание то, что организованным сообществом можно считать любое объединение людей, количество членов которого два и более. Как следствие, сообщества могут иметь разные цели, временные рамки существования, распределенность по территории и пр. В сообществе всегда есть ведущий, главный актер со статусом *властелина, правителя (ruler)* в определенный момент или промежуток времени управляющий процессом коммуникации. Он осуществляет влияние, контроль, направляет (*transitive verb: 1a: to exert control, direction, or influence on,*) путем сдерживания и ограничения, часто жесткого и своевольного (*b: to exercise control over especially by curbing or restraining, to exercise authority or power over often harshly or arbitrarily*), господствует (*b: to be preeminent in : DOMINATE*), определяет или авторитетно провозглашает (*3: to determine and declare authoritatively*), осуществляет верховную власть (*intransitive verb: 1a: to exercise supreme authority*), занимает исключительное, самое важное положение (*b: to be first in importance or prominence: PREDOMINATE*), а также устанавливает правовые нормы (*3: to lay down a legal rule*) [MWD: rule]. Актор *ruler* (*муж→жена, родитель→ребенок, руководство компании→подчиненные, государственные организации→граждане страны, глава нелегального или полулегального картеля→члены картеля* пр.), влияет на коммуникацию и определяет главные решения. Государство в этом процессе имеет особый статус – *government ruler*.

Анализ полной выборки текстов корпуса СОСА за 10 лет, предшествующих исследованию (с 2007 по 2017 гг.), проясняет виды участников процесса *общественный договор (social contract)* и особенности их отношений.

Спектр коммуникантов в рамках процесса *social contract*, выделенных в текстах COCA очень широк: *an individual↔an individual* [COCA, Washington Post, 2010], *an individual↔a social group* [COCA, Journal of Folklore Research, 2016] с заметной представленностью отношений *an individual↔a religious group* [COCA, Atlantic, 2015], *an individual↔an orginasation/company* [COCA, NPR, 2017], *an individual↔an institution* [COCA, Red Cedar Review, 2011], *an individual↔the society as a whole* [COCA, Futurist, 2012] с интересным примером *the president↔the people* [COCA, PBS NEWSHOUR 6:00 PM EST, 2014], *an individual↔the government* [COCA, DR. DREW 9:00 PM EST, 2015], *a group of people↔a group of people*, с возможным вариантом нелегитимности целей таких групп (например, группировка): *a faction↔a faction* [COCA, ABC This Week, 2007], *a group of people↔the governmental body* [COCA, PBS NEWSHOUR 6:00 PM EST, 2015], *a political party↔the government* [COCA, PBS_NewsHour, 2011], *a whole class↔a country* [COCA, ABC_This Week, 2012], *people↔an organisation* [COCA, Orange County Register, 2013], *the people↔the government* [COCA, Christian Science Monitor, 2015], *governments↔peoples* [COCA, New York Times, 2016] и др. В фактическом пространстве коммуникации *the ruler, the government* являются частью *social group, community, society*, выполняет определенную функцию, *to rule, to govern*.

Понятие *social contract* семантически связано с понятием *society*. Проведя дефиниционный анализ лексической единицы *society*, можно утверждать, что для словосочетания *organized society* атрибут *organized* является избыточным. Любое из значений лексической единицы *society* предполагает организованный характер объединения: **1:** companionship or association with one's fellows: **friendly** or **intimate intercourse**: COMPANYY - члены сообщества ассоциированы посредством общих ценностей; **2:** a voluntary association of individuals for **common ends** especially: an organized group working together or periodically meeting because of common interests, beliefs, or profession. – члены сообщества объединены общими целями; **3a:** an enduring and cooperating social group whose members have developed **organized patterns of relationships** through interaction with one another b: a community, nation, or broad grouping of people having common traditions, institutions, and collective

activities and interests – члены сообщества объединены общими паттернами поведения в процессе взаимоотношений; **4a**: a part of a community that is a unit distinguishable by **particular aims or standards of living or conduct**: a social circle or a group of social circles having a clearly marked identity, – члены сообщества объединены по принципу единства целей и стандартов сосуществования и поведения; **b**: a part of the community that sets itself apart as a leisure class and that regards itself **as the arbiter of fashion and manners** [MWD: society]. – члены сообщества объединены едиными стандартами стиля и манеры поведения.

Таким образом, общественный договор является и процессом, и результатом этого процесса, реализованным в конкретных паттернах поведения. Он является управляющим компонентом, организующим сообщество, следовательно, любое сообщество можно считать организованным.

На основании этих выводов, можно рассматривать словосочетание *organized society* как *неправильное употребление термина (misnomer)*, пренебречь собой *organized*, и принять СЯ термина *social contract* в формулировке *actual or hypothetical agreement among members of a society*.

В заключение параграфа, на основании полученных данных можно сделать следующие выводы: **1)** *Общественный договор*, как система, регулирует поведение и коммуникацию в обществе. **2)** Понятие *общество (society)* невозможно без понятия коммуникация. Коммуникация в рамках общественного договора охватывает весь спектр возможных отношений в социуме: между отдельными членами сообществ (*a member of the society ↔ a member of the society*), между каждым членом сообщества и правителем, лидером (*a member of the society ↔ the ruler*), между членом сообщества и всем сообществом, как носителем коллективных ценностей этой общественной ячейки (*the society ↔ a member of the society*) и между сообществом или обществом в целом и правителем (*the society ↔ the ruler*). Коммуникация может быть прямой (предполагать непосредственный контакт между сторонами) или опосредованной. В ходе процесса коммуникации между акторами происходит образование паттернов (поведенческих и ценностных). **3)** В любом акте коммуникации в рамках

общественного договора есть ведущий и ведомый; полностью равноправной коммуникации не существует. 4) В соответствии с формулировкой содержательного ядра, общественный договор является пространством, единым для акторов коммуникации. Это пространство априори организовано, так как любое общество организовано тем или иным образом. Акторы общества находятся внутри пространства общественного договора.

2.2.6.2 Структурные особенности концептосферы SOCIAL CONTRACT

Концептосфера SOCIAL CONTRACT может быть рассмотрена с разных точек зрения, соответственно и результаты оказываются на первый взгляд различными.

Сущность взаимосвязи общественного договора и коммерческого договора часто обсуждается в СМИ и в научных публикациях. Дискуссия отражает взаимосвязь политической и коммерческой сфер. Исследование влияния политической сферы на коммерческую на первом уровне классификации (*уровень 1. научные теории и доктрины*) проведено по полной выборке корпуса текстов АДП реферативной базы SCOPUS, и включает количественную оценку политизации научного дискурса АДП [Гатауллина, 2016]. Результаты позволяют сделать вывод, что уровень политизации текстов АДП невысок, и составляет всего 4% от общего количества текстов. Степень политизации, при этом, имеет политизированное ядро, представлено в 1% текстов. Критерием политизации текста выбрана экспликация «маркеров политизации во всех этапах сценария», то есть, фреймированность сценария явными или неявными маркерами политизации, актуализация фреймов «жертва-негодяй», «друг-враг», и т.д. [Гатауллина, 2016: 155].

На основании дефиниционного анализа словарных статей *social contract* в юридических словарях [Garner, 2009], [FL], [LC], [FOLD], [NFD], [FOLD], [LC], [LL], [CLS], [DLD] и словаре [MWD], анализа авторского корпуса текстов по тематике общественного договора, включающего источники реферативной базы SCOPUS, была выявлена структура концептосферы SOCIAL CONTRACT и ее

содержательное ядро. Как и в случае с концептосферой CONTRACT, основа концептосферы SOCIAL CONTRACT представлена метаконцептами PROCESS и RESULT. Ядро концептосферы определено как двухядерный концепт SECURITY(СЯ1)↔RIGHTS PROTECTION(СЯ2). Первый концепт (СЯ1) актуализирован в большей степени в словарных дефинициях, второй (СЯ2) в SCOPUS публикациях, в особенности, в области политизации.

Ядро SECURITY (безопасность благополучие, обеспеченность, защита) широко представлено в онлайн словарях такими ЛЕ как: *Social Security, Social Security Law, Social Security statement, Social Security Act, Social Security Administration, Social Security Wage Base, Social Security program, the economic security, secure manner insurance, social insurance, Social Security Disability Insurance. social stability, social welfare*, и многих др.

Ядро процесса коммуникации RIGHTS PROTECTION (защита, охрана прав; покровительство) актуализировано, в первую очередь, ЛЕ *protection* с уточняющими атрибутами, например, *health and safety protection, civil rights protection, social safety protection, personal financial protection an employee protection*, а также, мерами по организации безопасности (*social restriction* и др.), чтобы предотвратить нанесение вреда обществу (*social harm*). Система общественного договора защищает права на основании законов, подзаконных актов (*law, effective rule of law, legislation*, др.), или принятых договоренностей, условностей, традиционных представлений, правил поведения, сложившихся в отдельно взятом социуме или группе, как было показано ранее.

Дефиниционный анализ показывает, что элементом, связывающим СЯ1 и СЯ2 является *защитник*, тот, который (или которое) защищает («one that protects» [MWD: protection]), «кто-то» или «что-то», считающийся *гарантом безопасности, обеспечивающим чувство или состояние безопасности, safety* [MWD: security]. Тексты СМИ корпуса СОСА свидетельствуют, что функцию защитника в рамках общественного договора может играть *сообщество* и *главный / лидер сообщества, общество в целом и главный / управляющий* этим сообществом. На роль главного управляющего (*ruler*) сообществами и обществами претендуют

организации и компании (*an organisation/company* [COCA, NPR, 2017]), общественные институты (*an institution* [COCA, Red Cedar Review, 2011]), политические партии (*a political party* [COCA, PBS_NewsHour, 2011]) глава государства (*the president* [COCA, PBS NEWSHOUR 6:00 PM EST, 2014]), правительство (*the government* [COCA, DR. DREW 9:00 PM EST, 2015]) и др.

На основании когнитивного анализа понятия *social contract*, и того выявленного факта, что сфера общественного договора включает всё многообразие договоренностей (соглашений) между членами сообщества, начиная с минимальной группы (человек-человек) и заканчивая обществом в целом и государством, можно считать, что понятия *agreement* и *social contract* и их концептосферы широки и равновелики, и взаимодействие этих двух концептосфер можно интерпретировать как минимум двумя способами.

Как уже отмечалось, каждый договор – это взаимное согласие, но не каждое взаимное согласие – договор [Garnet, 2009: 366]. Следовательно, концептосфера SOCIAL CONTRACT, как концептосфера одного из видов договоров, является составляющей частью концептосферы AGREEMENT. Кроме того, если принять во внимание то, что ядром концепта SOCIAL CONTRACT является двухядерный концепт SECURITY↔RIGHTS PROTECTION, то в повседневной жизни человеку достаточно выстраивать коммуникацию на основании простых межличностных договоренностей. Если договоренности находятся в поле согласия, то есть, нет явного конфликта между сторонами, концепт SOCIAL CONTRACT не активирован в коммуникации. В пояснении к понятию *contract* в словаре Black's Law Dictionary приведен точный пример этого: «An accepted invitation to dinner, for example, would be an agreement in this sense; but it would not be a contract, because it would neither be intended to create, nor would it in fact create, any legal obligation between the parties to it. Further, even an agreement which is intended to affect the legal relations of the parties does not necessarily amount to a contract in the strict sense of the term» [Garner, 2009: Agreement]. Следовательно, как только возникает конфликт, сторона или стороны коммуникации вспоминают о своей социальной роли, которая требует защиты.

Однако, исходя из результатов исследования, такая интерпретация входит в противоречие с понятием общественного договора.

На основании данных корпусного исследования концепта SOCIAL CONTRACT корпуса СОСА, сама коммуникация, формирование отношений и, как следствие, согласие или несогласие между сторонами коммуникации возможны только если стороны вступают в постоянные отношения, формируют социальную группу, ячейку, сообщество, пр. То есть, без гласного или негласного вступления в общественные договорные отношения, эти отношения невозможны, следовательно, невозможно и согласие (*agreement*).

На основании анализа источников данной работы можно заключить, что в домене ОАЯ концептосфера SOCIAL CONTRACT шире, чем концептосфера AGREEMENT. SOCIAL CONTRACT как теоретический и гипотетический конструкт, в аспекте коммуникации подразумевает, что по факту своего рождения или присутствия на определенной территории любой человек, чаще гражданин этой страны, вступая в коммуникацию на территории сообщества или государства, обязан подчиняться условиям *social contract*. Вступление в отношения, регулируемые общественным договором, предполагают подчинение законам, традициям, установкам и условностям данного общества, и от человека не требуется демонстрации осознанного согласия, в то время, как понятие *agreement* предполагает эксплицитное, сознательное согласие, и действия, подчиненные этому согласию (*agreement is harmony of opinion, action, or character, the act or fact of agreeing* [MWD: agreement]). Вступление в отношения, регулируемые общественным договором, предполагает, что человек перестает быть независимой единицей, он становится частью сообщества (*community*), может рассчитывать на защиту своих прав этим сообществом и правительством этой страны в случае конфликтной ситуации. Здесь важно помнить и то, что присутствие в обществе является необходимым условием социальной коммуникации. Вне общества, а значит, вне общественного договора, согласие или соглашение возможно только с самим собой.

В пользу второй интерпретации свидетельствует и тот факт, что, рождаясь, человек в подавляющем большинстве случаев сразу попадает в социальную среду, в которой формируется его мировосприятие, способы коммуникации индивида в обществе, его идентификация. Через родителей, как попечителей ребенка, новый человек автоматически входит в отношения общественного договора с государственными институтами. Ребенок не подписывает общественный договор и не знает о нем, но на основании того факта, что он рожден на территории государства, его права находятся под защитой законов этого государства.

Таким образом, выявленная взаимосвязь между AGREEMENT, CONTRACT, и SOCIAL CONTRACT подчиняется принципу образной схемы PART – WHOLE в виде концептуальных сфер, последовательно вложенных одна в другую: частью THE WHOLE для AGREEMENT, является SOCIAL CONTRACT, в свою очередь, сфера AGREEMENT полностью содержит сферу CONTRACT. Ядром SOCIAL CONTRACT является двухядерный концепт SECURITY↔RIGHTS PROTECTION, ядром концепта AGREEMENT является RELATIONS, ядром концепта CONTRACT является концепт CONSIDERATION.

2.2.6.3 Концептуальная метафора SOCIAL CONTRACT

Концептуальный метафорический образ, формируемый СМИ США, исследуется на полной выборке текстов (газеты, журналы, скрипты радиопередач, пр) корпуса COCA за последние 10 лет (с 2007 по 2017 гг.) по ключевому запросу *social contract*.

2.2.6.3.1 Концептуальная метафора SOCIAL CONTRACT IS BUILDING

Первый по значимости метафорический образ, формируемый СМИ США – SOCIAL CONTRACT IS A BUILDING. Исходя из дефиниций лексической единицы *building* как здание имеет определенные необходимые конструктивные элементы (крыша, стены), которые служат для обеспечения безопасности людей, проживающих в нем (*building 1: a usually roofed and walled structure built for permanent use (as for a dwelling)*). *Building* – это также искусство или бизнес по

возведению определенной структуры из материалов (*building: the art or business of assembling materials into a structure*) [MWD: building]. Построение здания (его возведение) как бизнес-процесс начинается с проекта и заканчивается принятием, одобрением возведенного сооружения.

Общественный договор в текстах СМИ репрезентирован как здание с определенными функциями, деталями строения, которые находятся под угрозой (в примерах правописание источников сохранено):

a) Общественный договор является строением, у которого есть опоры-колонны: «The current financial fallout has shaken **many of the pillars of the social contract between companies and employees**, (BUILDING) Wagner said. # "You can see medical benefits are under attack right now. Retirement benefits are under attack right now," said Wagner» [COCA, THIS WEEK 10:59 AM EST, 2008].

b) Общественный договор является основой, фундаментом, на котором общество построено, он поддерживает и способствует устойчивости надстроенных этажей: «And they are trying to approach a very difficult situation with a lot of attention to not breaking the country or destroying **the social contract that this country was built on**» [COCA, PBS_NewsHour, 2011].;

c) Здание общественного договора необходимо поддерживать в надлежащем состоянии: «His body is waiting somewhere, in the sort of place it's preferable not to think about at all. All beauty is wasted, all beauty will end, Terri is thinking, keenly aware of the unholy joke of immediate, rude extinction, the disregard the majority partner seems to have when **it comes to maintaining the social contract** the capacity to be social, as Terri now interprets it, to look and listen and feel» [COCA, Southern Review, 2014].

d) Общественный договор – это строение, в которое можно войти и замкнутость которого может восприниматься негативно: «...sort of *social contract* that required me to take part in elementary school. ... They gave us a series of documents so complex that they may as well been Latin to our toddler minds. I imagine it must have begun as all legally-binding documents would: # Article I # 01. Structure. # From September 14, 1990 to June 6, 1997, **one (1) child** (hereafter referred to as "Michael")

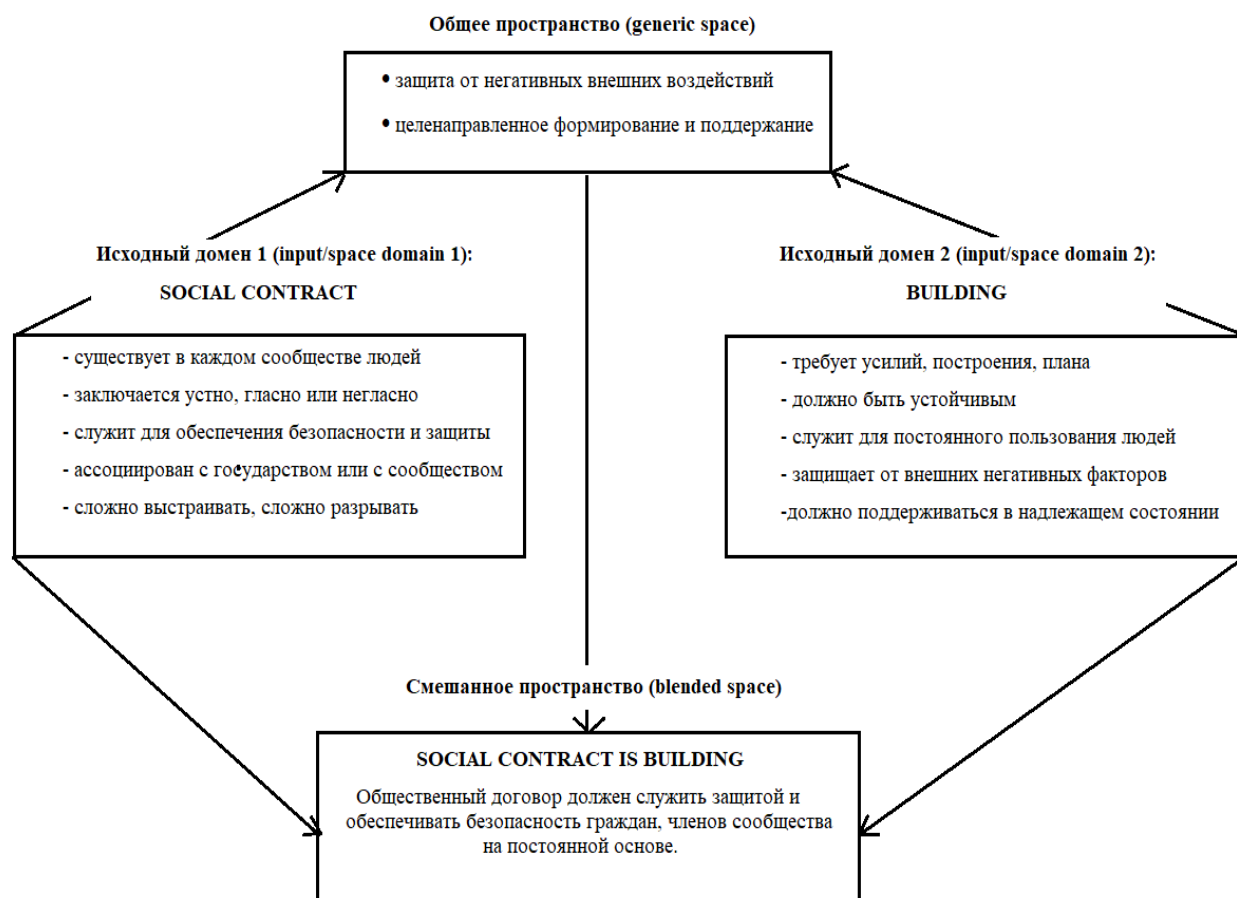
enters into a social contract to be deprived from all possibilities of friendship (hereafter referred to as " enrollment at Chestnut Hill Elementary School")» [COCA, Red Cedar Review, 2011].

е) Если здание общественного договора не соответствует актуальным требованиям пользователя, он может переехать в другое здание: «We are **moving out of the social contract of consumerism** and **into the contract of community**," said Chapman. "We are **not there yet**, but we are pushing in on that» [COCA, Christianity Today, 2015].

ф) Общественный договор между членами сообщества, например, такого малого сообщества, как семья, выстраивается на основании плана, проекта: «**You design your family**. And then when you have choices, like what do we do with blocking software, you apply these values and principles to the choices you make. And you make deals with one another. So we made a deal with our children. **It was a social contract** and they had to sign it. There were **safety rules** - they could never meet someone in person whom they had met on the Internet without first talking to us, and having us there at their first meeting. They could not go to inappropriate places on the Internet. And, in exchange, we would not spy on them or try to block their access to the virtual world. We had another contract for how they would behave with their friends at our cabin on the lake» [COCA, Today's Parent, 2011]. – В этом примере обращает на себя внимание тот факт, что формирование *social contract* в отдельно взятой семье – это формирование правил безопасности (*safety rules*) с одной стороны, и договоренностей о выгодах, которые стороны получают в обмен на их исполнение.

Таким образом, Исходным доменом 1 или концептуальным референтом в данной модели выступает SOCIAL CONTRACT, исходным доменом 2, концептуальным коррелятом, является BUILDING. В результате взаимодействия понятийных областей образуется бленд SOCIAL CONTRACT IS A BUILDING, создающий образ общественного договора как здания. На основании дефиниционного анализа и примеров корпуса СОСА, возможно представить образ SOCIAL CONTRACT в виде диаграммы формирования метафорического образа (Диаграмма 8).

Диаграмма 8. Концептуальная метафора CONTRACT IS BUILDING



Важно обратить внимание на то, что метафорический образ общественного договора как здания (CONTRACT IS A BUILDING), репрезентированного в текстах СМИ, формирует важную характеристику этого здания: оно не принадлежит живущим в ней людям. Они, скорее, находятся в нем на условиях найма жилого помещения. Интерпретация общественного договора в терминах найма помещения предполагает, что при неисполнении условий договора, одна из сторон или обе стороны могут расторгнуть этот договор. Съемщик может снять другое помещение, а собственник жилья может найти другого съемщика. Это во многом находит подтверждение в коммуникации между отдельными членами сообществ (*a member of the society* ↔ *a member of the society*), между каждым членом сообщества и правителем, лидером (*a member of the society* ↔ *the ruler*), между членом сообщества и всем сообществом, как носителем коллективных ценностей этой общественной ячейки (*the society* ↔ *a member of the society*). В подавляющем числе случаев,

сообщество сильнее отдельного члена сообщества, а правитель или лидер может диктовать условия сообществу или его отдельным членам.

2.2.8.3.2 Концептуальная метафора SOCIAL CONTRACT IS A FRAGILE / BROKEN THING

Образ общественного договора на всех уровнях коммуникации (межличностном, групповом, межгрупповом, уровне государства) формируется второй метафорой, SOCIAL CONTRACT IS A FRAGILE/BROKEN THING.

Определения свидетельствуют, что **fragile** 1a: easily broken or destroyed b: constitutionally delicate: 2: TENUOUS, SLIGHT [MWD: fragile] **broken** 1: violently separated into parts : SHATTERED 2: damaged or altered by or as if by breaking (see BREAK entry 1): such as a: having undergone or been subjected to fracture b: not working properly c of land surfaces : being irregular, interrupted, or full of obstacles d: violated by transgression : not kept or honored e: DISCONTINUOUS, INTERRUPTED f: disrupted by change 3a: made weak or infirm b: subdued completely : CRUSHED, SORROWFUL c: BANKRUPT d: reduced in rank 4a: cut off : DISCONNECTED b: imperfectly spoken or written 5: not complete or full 6: disunited by divorce, separation, or desertion of one parent [MWD: broken].

Образ, формируемый СМИ корпуса СОСА говорит о хрупкости объекта *social contract* (примеры, использованные в настоящем исследовании, даны без редактирования, с авторской орфографией и пунктуацией):

а) Общественный договор является в современном обществе предметом очень нестабильным, хрупким, он ломается, готов распасться или распадается на отдельные части: «What's the turning point for you where you think you start to see *the social contract between employer and employee starting to shatter?*» [СОСА, NPR, 2017]; «We actually have a poll coming out this week that we did for the Rockefeller Foundation about the economy. And people are in despair. They feel that **the social contract has been**, you know, **shattered**. They are interested in government doing more.» [СОСА, THIS WEEK 10:59 AM EST, 2008]; «They feel, we have *a social contract* that if we have a warrant, we can see the material. Now **that contract's been**

broken by this new technology...» [COCA, PBS NEWSHOUR 6:00 PM EST, 2015]; «Our largest trading partner - and so we have a concern about what's going on in Europe. Europe is our largest trading partner. Exports will be impacted. Job creation and the country will be impacted. Look, the austerity programs and many of these economies, people are tired of it. They're tired of *the social contract being broken between* the middle class and their countries. It's not just entitlements. They're seeing their way of life change...» [COCA, ABC_ThisWeek, 2012].

b) Общественные договор не является устойчивым, так как есть ситуации, когда его не только можно, но и нужно нарушить. Это ситуации, когда правила и нормы входят в противоречие с принципом защиты, безопасности: «Though people are calling Montano a hero -- and she does heroically **break the social contract** of not reaching over the counter to grab someone -- she simply sees herself as doing what anyone would» [COCA, Jezebel, 2014].

c) Власти предпринимают усилия для того, чтобы поддерживать поломанную конструкцию, которая распадается на части: «His officers are the brethren of those in Ferguson, Missouri, as well as the members of 18,000 other nonfederal law enforcement agencies, men and women who on any given day may have to deal with terrorists, illegal aliens, meth heads, messianic cultists and protesters in Guy Fawkes masks. All these officers are charged with **the impossible task of upholding a broken social contract**» [COCA, Newsweek Global, 2014].

d) Одна из причин нестабильности, хрупкости общественного договора на уровне государства заключается в его слабом учете реальных требований, чаяний, надежд, ценностей людей в политических, социальных, экономических процессах, своеобразной эрозии материала, из которого сделан объект с названием *общественный договор*. Многие люди считают существующую политическую систему неадекватной, невыносимой, высказывают мнение о ее трансформации, кардинальном перевороте, изменении: «**Many people** – enough to transform politics as we have known it – feel **this system to be simply intolerable**. Despairing that the sunlit promises made to them will ever come true, they now **seek to turn the whole thing upside down...**» [COCA, NPR, 2017]); « As far as I can tell, these are the most

significant changes since World War II." While most of the debate over Europe's response to **the financial crisis** has focused on the budget austerity enveloping the Continent, **the comparatively unheralded erosion of worker protection** is likely to have at least as big and lasting an impact on Europe's *social contract*." It has a disastrous effect on social cohesion and a tremendous effect on inequality» [COCA, New York Times, 2013].

е) Образ хрупкости, ненадежности, дополняется образом договора, написанного на бумаге, и бумага, как субстанция очень тонкая, может быть легко разорвана, разрезана на части, уничтожена, и причинами этого являются как внутригосударственные конфликты в обществе, так и внешнеполитические конфликты: «But today **the Continent confronts deep woes**. The long-term trends of **deindustrialization** and **demographic change** that have caused **strains in all Western societies** are producing stubborn economic stagnation in Europe. **Conflict in the Middle East** and **with Russia knocks at Europe's door**. A **rush of refugees and migrants**, as well as **new threats of terrorism**, has crystallized a strong sense of **insecurity** and **disempowerment among many Europeans** that populists are feeding on. Many feel *the social contract that they once took for granted has been shredded*. Mocked by the media or cast off as racists and xenophobes as Europe integrates its minorities, members of this alienated class say they are the ones who have been left behind. **The protests echo some of the class and ideological tensions** that have surfaced in the United States, particularly among tea party members. But here in Europe the disaffected are challenging mainstream political parties in a more fundamental way» [COCA, Christian Science Monitor, 2015]. Эти примеры показывают, что хрупкость, слабость общественного договора ощущается спикерами не только в Америке, но и на других континентах, например, в Европе – главном партнере Америки в мире.

ф) Факторами, способствующими разрушению, распаду общественного договора до его полного уничтожения являются: 1) отдельные правительственные-политические планы и политические группы («**You have the Ryan plan**, which is what I call the conservative fantasy and then you have **the Republican study group** which is the conservative vision, which **is to destroy** the new deal and *the social contract*» [COCA, ABC_ThisWeek, 2011]) 2) ложь в любых отношениях, от

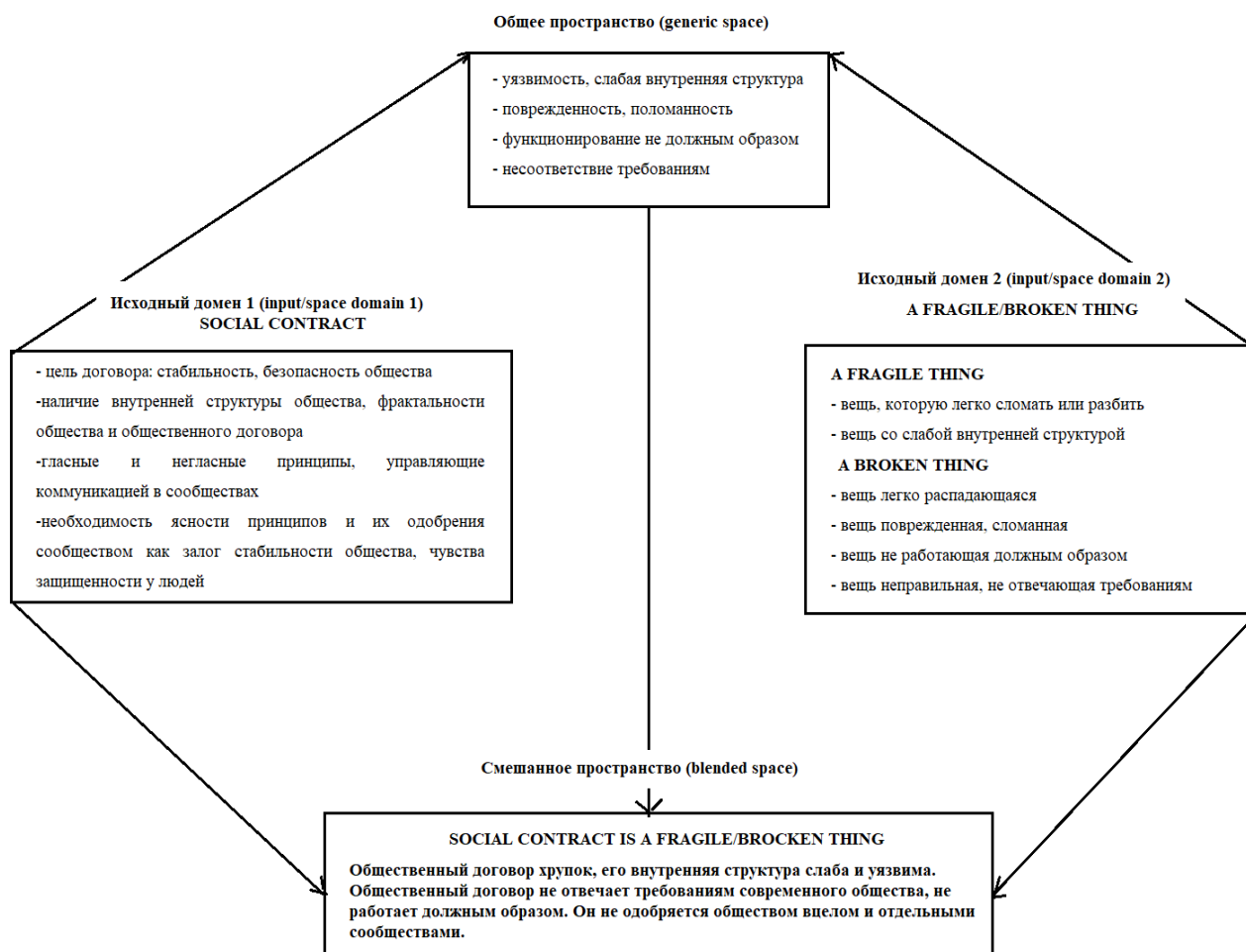
отношений в сфере политики, до межличностных отношений «" Any lie is a violation of the social contract. That's what the man said. ««That's right, " he says. » I don't want to lie. I want to stop lying "» [COCA, New England Review, 2007].

g) Состояние общественного договора ведет к негативным последствиям: «8. «Pomerantz is right: «" Attic" and «Truck «hit bookstore shelves at the height of the counterculture, **when a whole generation seemed to be lost, *the social contract irretrievably broken. Publishers were desperate* to find writers who could explain **what was really going on with the thousands of young Americans who were turning on, tuning in and dropping out.** Harper & Row thought Dunn's fiction, with its swirling, violent, stream-of-consciousness narratives, did just that» [COCA, OregonLive.com, 2017].**

h) Части структуры общественного договора могут быть крепко или некрепко склеены. Если они склеены крепко, если в структуре присутствует сильное ядро, центр, глава, структура приобретает стабильность и способна сопротивляться, противостоять внешним угрозам любого рода: «But it's more than that. that we have this idea that **Putin has ruled according to a *social contract***, according to which, **as long as living standards keep rising, the Kremlin** is more or less free to be as authoritarian as it likes. I don't think that's quite true. **the glue binding Putin's regime to the Russian people is corruption, because bribery involves everybody.** » [COCA, PBS NEWSHOUR 6:00 PM EST, 2015] «We're actually trying to have an Iraq that **will be unified and centralized based on a *social contract* between the three key Iraqi factions. To do that the President is probably right, you need troops there are for ten years**» [COCA, ABC_ThisWeek, 2007]. Образ общественного договора как поломанной, разрушающейся или разрушенной, даже несуществующей конструкции, вещи, сопровождается практически во всех примерах негативным отношением общества к происходящему, негативными предсказаниями будущего, призывами к серьезным изменениям в политической системе.

На основании дефиниционного, контекстуального анализа примеров корпуса СОСА, возможно представить образ SOCIAL CONTRACT в виде диаграммы формирования метафорического образа (Диаграмма 9):

Диаграмма 9. Концептуальная метафора SOCIAL CONTRACT IS A FRAGILE / BROCKEN THING



Система полученных метафорических образов общественного договора представляет собой две взаимодействующие метафоры SOCIAL CONTRACT IS A BUILDING, SOCIAL CONTRACT IS A FRAGILE/BROKEN THING. Представляется возможным объединить их в единый образ SOCIAL CONTRACT IS A FRAGILE / BROKEN CONSTRUCTION. Этот единый образ и результаты определения ядра концептосферы общественного договора позволяют интерпретировать образ общественного договора в терминах найма помещения. Так как строение SOCIAL CONTRACT хрупко и неустойчиво, оно не выполняет или недостаточно хорошо выполняет две свои главные функции: обеспечение безопасности (SECURITY) и защиту прав съемщика (RIGHTS PROTECTION).

Выводы к главе 2

1. Терминология АДП может быть представлена в виде пятиуровневой иерархии: 1) энциклопедический уровень, отражающий системный потенциал всей терминосистемы (уровень теории и доктрин АДП); 2) уровень инструментов права (законы, подзаконные акты, инструменты АДП); 3) уровень практики правоприменения, содержательного ядра терминосистемы (158 ключевых терминов АДП, из которых наиболее частотные репрезентируют элементы желаемого сценария CONTRACT); 4) уровень обстоятельств, освобождающих от ответственности по договору (угрозы исполнению желаемого сценария договора); 5) уровень последствий выявления угроз. Некоторые ключевые элементы третьего уровня связаны с первым уровнем, одновременно являясь доктринами. Уровень угроз (4) и уровень последствий выявления угроз (5) связан с уровнем 3 в рамках оппозиции *желаемый сценарий ↔ нежелательный сценарий*.

2. Семантические явления синонимии, антонимии и полисемии носят регулярный характер в терминосистеме АДП. Тем не менее, до 30% терминологических единиц не имеют синонимов или антонимов. Терминосистема АДП пополняется морфологическим, синтаксическим и семантическим способами, аналогично процессам, происходящим в общезыковой сфере. Наиболее продуктивными способами образования синонимов можно считать синтаксический и морфологический. Аббревиатурные варианты представлены слабо. Антонимия в системе является регулярной, но, в целом, в выбранной системе может быть названа незначительной. Это обусловлено ограничением сферы исследования, изучением только желаемого сценария договора и исключением нежелательного, так как нежелательный сценарий, как часть судебного дискурса, обладает определенной спецификой. Характерной особенностью синонимии системы можно назвать очевидное присутствие неправильно употребляемых терминов (*misnomers*), например, *legal contract*, *binding contract*, *legal consideration*, *valid consideration*, *legal and valid consideration*, *legal capacity*, *full capacity*, *complete legal capacity*, в которых атрибут дублирует семантический элемент определения

термина. Возможно, избыточная концептуализация продиктована необходимостью разграничить слово общего языка и термин.

3. Когнитивный сценарий CONTRACT представлен связной последовательностью пяти сцен: 1) подготовка предложения (*contract preparation*); 2) переговоры, торг (*negotiations*), разделенный на под-два этапа: предварительные переговоры (*preliminary negotiations*), и собственно переговоры, торг (*negotiations, bargain*); 3) заключение договора (*contract formation*); 4) исполнение договора (*performance of contract*); 5) завершение (расторжение) договора (*termination by agreement*). Переход к каждой последующей сцене мотивирован активатором: сцена 2 активируется субъективно переживаемым состоянием готовности, сцена 3 – акцептированием оферентом оферты, сцена 4 – согласием, манифестированным сторонами, сцена 5 – либо полным исполнением договора, приводящим к взаимному согласию об окончании сотрудничества, либо частичным или полным неисполнением договора. Критический порог неисполнения договора мотивирует приостановку действий по договору, медиацию конфликтной ситуации, или переход в судебный дискурс. По мере разворачивания сценария, меняется статус участников: в сцене 1 акторы имеют статусы *physical person ↔ legal person, potential offeror ↔ potential offeree*; в сцене 2(2б) акторы меняют статус на *offeror ↔ offeree*; в момент достижения договоренности о правах и обязанностях сторон – *promisor ↔ promisee*. В сценах 3 и 4 участники процесса становятся сторонами договора, *parties of contract*. После сцены 5 (расторжения (завершения) договора), стороны переходят в исходный статус *physical person ↔ legal person*, либо, при активации фрейма «СУД» в статусы *plaintiff ↔ defendant*. На всем протяжении сценария действуют условия *исковой силы договора (enforceability)*.

4. В ходе исследования выявлены три терминологических кластера: *Agreement*, представленный двумя терминами *offer* и *acceptance*, *Contract essentials*, состоящий из двух компонентов *offer & acceptance* и *consideration*, и ценностный кластер *Mutuality*, репрезентированный тринадцатью терминологическими единицами: *mutual agreement, mutual rights, mutual consent / mutual assent, mutual*

promises / mutual promises of contract, mutuality of obligation, mutuality of obligations, mutuality of contract, mutuality of agreement, mutuality of contract law, doctrine of mutuality, mutuality of remedy (см. Приложение 1). Этот кластер репрезентирует ценностный регулятивный концепт терминосистемы CONTRACT. Как управляющий ценностный кластер, он рассматривается в данной работе на уровне *ценности и убеждения* системы нейрологических уровней Бейтсона-Дилтса.

5. В соответствии с уровнями интерпретации, предложенными Н.Н. Болдыревым [Болдырев 2015: 9], в ходе исследования выявлена концептуальная модель CONTRACT в двух доменах: в домене общего английского языка США (ОАЯ) и в домене юридического английского языка США (ЮАЯ). На уровне концептуализации логических и метафорических связей, концептосфера CONTRACT доменов ОАЯ и ЮАЯ сохраняет свою основную структуру, за исключением центрального концепта: сфера CONTRACT является суб-сферой AGREEMENT в обоих доменах, и обе сферы имеют ярко выраженные сегменты PROCESS и RESULT, однако, центральной суб-сферой в домене ОАЯ является концепт RELATIONS, в то время, как в домене ЮАЯ центральным становится концепт CONSIDERATION, то есть, при переходе из ОАЯ в ЮАЯ обнажается сущность американского договора – обмен материальными ценностями. В обоих доменах присутствует концептуализация участников договора, CONTRACTOR и CONTRACTEE, в домене ЮАЯ участники процесса *contract* получают дополнительную концептуализацию, PROMISSOR и PROMISSEE. На уровне интерпретации объектов, событий и их оценки, в домене ОАЯ, практически, доминируют два вида договора, коммерческий и общественный, в то время, как в ЮАЯ концептуализированы 154 вида договора.

6. Содержательным ядром кластера *Contract Essentials*, скрепляющим его компоненты, является термин *mutuality of obligations*. Система кластера представлена в виде трехмерной модели логических уровней кластера, и комплексной модели нейрологических уровней кластера в сочетании с моделью SCOE (модификации модели SCORE). Это позволило определить место содержательного ядра *mutuality of obligations* на уровне ценностей и убеждений,

что подтверждает его влияние на более низкие уровни коммуникации в рамках договора.

7. Система содержательных ядер лексической единицы ОАЯ *consideration* и термина ЮАЯ *consideration*, представлена в виде двух иерархических моделей. Результаты свидетельствуют о том, что СЯ1, 2, 3 взаимосвязаны, СЯ1 и 2, относящиеся к ОАЯ принадлежат уровню ценностей и убеждений, в то время, как СЯ3, относящееся к ЮАЯ, находится на уровне действий, более низком уровне в системе НЛЮ Бейтсона-Дилтса.

8. Концептуальный образ CONTRACT, формируемый американскими СМИ, представляет собой систему взаимодействующих образов: CONTRACT IS A VALUABLE POSSESSION, CONTRACT IS A CONTAINER, CONTRACT IS A BUILDING, CONTRACT IS A VEHICLE. Анализ образа договора сквозь призму сценария позволил дополнить систему метафорических прототипов концептом CONTRACT IS A CONTEST.

9. Когнитивно-семантические особенности термина *social contract*, выявленные на корпусе текстов СОСА, свидетельствуют о том, что американский общественный договор в равной или в большей степени репрезентирован не как гипотетический договор между американским обществом в целом и государством, а как система реальных соглашений внутри американского сообщества. Сущность общественного договора можно представить в виде матрицы коммуникации: между отдельными членами сообществ (*a member of the society* ↔ *a member of the society*), между каждым членом сообщества и правителем, лидером (*a member of the society* ↔ *the ruler*), между членом сообщества и всем сообществом, как носителем коллективных ценностей этой общественной ячейки (*the society* ↔ *a member of the society*), и между сообществом или обществом в целом и правителем (*the society* ↔ *the ruler*). Интересно, что в единичных случаях, понятие общественный договор применимо в коммуникации между личностями одного человека. В сравнении с коммерческим договором, который является или становится договором только при соблюдении условия исковой силы договора, а значит

отсекает все нелегальные договоры, общественный договор таких ограничений не имеет.

10. Структуру концептосферы SOCIAL CONTRACT можно представить в виде сферы, разделенной на два сегмента, PROCESS и RESULT. В центре концептосферы находится ее содержательное ядро – двухъядерный концепт SECURITY ↔ RIGHTS PROTECTION. Концептосферы CONTRACT, AGREEMENT и SOCIAL CONTRACT представляют собой систему сфер, последовательно вложенных одна в другую. Внешней сферой является SOCIAL CONTRACT во всем многообразии коммуникативных актов между членами сообщества и между обществом в целом и государством. Следующая, меньшая по величине, сфера AGREEMENT, которая включает в себя сферу CONTRACT терминологической области, внутри которой размещается юридический терминологический концепт AGREEMENT. Таким образом, между концептом, формирующимся в общем американском языке и концептом терминологическим пролегает граница. Эта граница репрезентирована конфликтными ситуациями, потенциальными или актуальными, которые активируют в сознании ценностные концепты. В этих ситуациях человек вспоминает о своем статусе гражданина, о статусе физического лица, о праве на защиту своих прав в рамках общественного договора.

11. Обобщенный концептуальный метафорический образ SOCIAL CONTRACT формирующийся в текстах американских СМИ, а именно, SOCIAL CONTRACT IS A FRAGILE / BROKEN CONSTRUCTION, акцентирует внимание на важной детали этого строения: здание не принадлежит тому, кто в нем живет. В соответствии с этим, общественный договор метафорически представляется договором найма помещения. В терминах этого вида договора, и на основании выявленного ядра концептосферы, в работе сделан вывод о том, что американский общественный договор, как «строение», не выполняет двух своих главных функций: обеспечение безопасности (SECURITY) и защиту прав съемщика помещения (RIGHTS PROTECTION).

Заключение

Договорное право США, как отрасль юриспруденции, представляет собой уникальную систему научного и профессионального знания: с одной стороны, сравнительно небольшой набор терминов лежит в основе любого понятия *contract* в любой сфере экономических и общественных отношений, с другой стороны, договорное право и его терминологическая система представляют собой обособленную отрасль права, *Contract Law*. За более чем 400-летний период развития, договорное право США стало системой, обладающей национальным своеобразием вследствие географической отдаленности от Великобритании, бурного экономического развития в XX веке, процессов стандартизации и кодификации в сфере договорных отношений, а также, благодаря особенностям развития политического управления. Как следствие, терминология АДП обладает структурными, семантическими и когнитивными особенностями.

Научные достижения в сфере АДП способствуют развитию инструментов права, последние, в свою очередь, организуют профессиональную область, правоприменение, реализующееся в стандартизированных процедурах (например, в сценарии CONTRACT). Эти процедуры гарантируют защиту прав сторон договора юридической системой АДП. Терминологический инструмент прототипической модели сценария, который выполняет в системе управляющую роль, актуализирован в содержательном ядре АДП. Он обеспечивает исковую силу договора как непереносимое условие исполнения желаемого сценария CONTRACT.

Семантический анализ синонимии и антонимии терминологии АДП показал, что оба процесса регулярны и носят системный характер. Полисемия в терминосистеме АДП также регулярна.

В данной работе прототипические процессы терминосистемы АДП и ее фонового знания, понятия *social contract*, рассмотрены в когнитивном аспекте. Использование пяти когнитивных концептуальных схем представления терминосистемы АДП, а именно, системно-интерпретационной иерархии Болдырева-Слышкина, когнитивного сценария, концептуальной метафоры, иерархии нейробиологических уровней Бейтсона-Дилтса, линейной модели SCOE.

Методика выявления содержательного ядра термина, разработанная коллективом авторов (И.К. Архиповым, С.А. Песиной, С.В. Киселевой и др.), и адаптированная в соответствии с целями работы, позволили определить структуру содержательного ядра ключевых терминов, ключевого кластера АДП (*offer&acceptance – consideration*), метаконцепты терминосистемы в общем английском языке США и юридическом американском английском, а также в системе *social contract* как фонового знания. Два метаконцепта, PROCESS и RESULT, едины для американского договора и общественного договора США. Ядро концепта CONTRACT, CONSIDERATION, и ядро концепта SOCIAL CONTRACT, двухядерный концепт SAFETY&RIGHTS PROTECTION отражают сущность коммуникации в каждой из сфер. Содержательное ядро концепта CONTRACT, возвратное удовлетворение (CONSIDERTION), служит защите прав сторон договора (RIGHTS PROTECTION), что доказывает тесную взаимосвязь двух концептов. Таким образом, многоаспектное представление терминосистемы АДП и ее фонового знания, не только дает понимание сущности самого договора, но и определяет его сущностную связь с общественной и политической жизнью.

Моделирование процесса желаемого сценария CONTRACT на основании подсистемы терминов содержательного ядра подтвердило гипотезу о наличии в терминосистеме ценностного кластера *Mutuality*. Переход между сценами активируется конкретными действиями акторов коммуникации на основе единого принципа –взаимности (*mutuality*), эксплицированного в тринадцати компонентах кластера *Mutuality* на уровне оценки (уровень 1 по Н. Н. Болдыреву) и уровне ценностей и убеждений (в соответствии с НЛЮ Бейтсона-Дилтса).

Моделирование структуры концептосфер SOCIAL CONTRACT ↔ CONTRACT ↔ AGREEMENT в общем английском языке США и юридическом американском языке объясняет систему взаимодействия этих концептосфер: 1) вышеназванная система представляет собой своеобразную «матрешку», концептосферы последовательно вложены одна в другую; 2) концептосфера AGREEMENT является частью SOCIAL CONTRACT; двойное содержательное ядро SECURITY ↔ RIGHTS PROTECTION концептосферы SOCIAL CONTRACT

гарантирует стабильность отношений в обществе – RELATIONS, центра концептосферы AGREEMENT; 3) концептосфера CONTRACT в общем английском языке США и в юридическом американском языке является частью концептосферы AGREEMENT; содержательное ядро CONTRACT при переходе в юридический американский английский язык трансформируется из гармоничных отношений (RELATIONS) в отношения взаимовыгодного обмена ценностями – CONSIDERATION, в первую очередь, материальными.

Система концептуальных метафорических моделей американского договора CONTRACT IS A VALUABLE POSSESSION, CONTRACT IS A CONTAINER, CONTRACT IS A BUILDING, CONTRACT IS VEHICLE, CONTRACT IS A CONTEST отражает многоплановую динамичность образа договора, который сочетает в себе жажду получения максимальной выгоды с необходимостью участвовать в состязании для ее получения.

Обобщенный образ концептуальных прототипических образов SOCIAL CONTRACT, SOCIAL CONTRACT IS A FRAGILE/BROKEN CONSTRUCTION связан с прототипическим образом CONTRACT через метафору CONTRACT IS A BUILDING, подтверждая предположение о взаимосвязи систем договора и общественного договора. В отличие от системы коммерческого договора, метафорический образ SOCIAL CONTRACT, сформированный средствами массовой информации США, отражает ненадежность строения, которое возведено для обеспечения защиты граждан и их безопасности.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что терминология, как подсистема общего языка, обладая национальными особенностями, формирует уникальную систему прототипических концептуальных образов. Исследование терминологии с точки зрения когнитивного терминоведения, с использованием когнитивно-семантических методов и методик дает возможность многоаспектно представить терминосистему в статике и динамике, в общем и в частном, отделив главное от второстепенного. Это приближает к пониманию сущности термина и его места в общей системе национального языка.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь. /Апресян Ю.Д., Ботякова В.В., Латышева Т.Э., др.// Англо-русский синонимический словарь. – М.: Русский язык, 1979. С. 500-543. – 543 с.
2. Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Санников А.В., Урысон Е.В. Языковая картина мира и системная лексикография / Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Санников А.В., Урысон Е.В. – М.: Школа «Языки славянских культур», 2006. – 910 с.
3. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и система лексикографии / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 2. – 758 с.
4. Арутюнова, Н.Д. Истина: фон и коннотации / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Изд-во «Наука», 1991. – С. 21–31.
5. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Изд-во «Наука», 1988. – 342 с.
6. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 454 с.
7. Архипов И.К. Лексические прототипы и явление полисемии. / И.К. Архипов // Прототипические и непрототипические единицы в языке. Коллективная монография. – Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2012 – С.73-75.
8. Архипов И.К. Человеческий фактор в языке. Учебно-методическое пособие (Материалы к спецкурсу). / И.К. Архипов – СПб.: Невский институт языка и культуры, 2001 – 110 с.
9. Бабушкин А.П. Картина мира и концептосфера языка / А.П. Бабушкин // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы Междунар. симпоз.: в 2 ч. ч.2.: тезисы докладов – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 12 -13.

10. Багиян А.Ю. Детерминологизация как результат размытости границ между специальной и общеупотребительной лексикой /А.Ю. Багиян// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 7-2 (37). – С. 28-33.
11. Балашова Е.Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях. Автореф. дис... канд. филол. наук. / Е.Ю. Балашова. – Саратов, 2004. – 24с.
12. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии / Бейтсон Г. – Пер. с англ.–М.: Изд-ий дом Смысл, 2000. – 476 с.
13. Белявская Е.Г. Семантика слова. / Е.Г. Белявская. – М.: Высшая школа, 1987. – 128 с.
14. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
15. Беседина Н.А. Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике / Н.А. Беседина // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – № 20 (91). – Вып. 14. – Белгород: БулГУ, 2010. – С. 31-37.
16. Боклаженко В.В., Корепина Н.А. Основные различия между британским и американским английским. / В.В. Боклаженко, Н.А. Корепина // Молодежный вестник ИрГТУ. № 3. – 2015.
17. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях. / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2015. – № 1 (42). – С. 5-12.
18. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. 4ое изд., испр. и доп. / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
19. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. / Н.Н. Болдырев. –Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

20. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по англ. Филологии / Н.Н. Болдырев. –Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2000. –123 с.
21. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. /Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета, 2001. – 123 с.
22. Болдырев Н.Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания / Н.Н. Болдырев // Известия Российской АН. Серия литературы и языка, –М.: Изд-во Российская академия наук 2001. – Т. 60. – № 2. – С. 40-55.
23. Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка / Н.Н. Болдырев // Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина,2008. – С. 11-29.
24. Болдырев Н.Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка. / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск: Изд-во Челябинский государственный университет, 2013. – № 24 (315). – С. 7-13.
25. Болдырев Н.Н. Форматы знания в языке и методы их исследования. / Н.Н. Болдырев // Вестник тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки – Тамбов: Изд-во ТГУ имени Г.Р. Державина, 2009 – S – С.57-77.
26. Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов. / Н.Н. Болдырев, В.В. Алпатов // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2008. – 4 (17) – С. 4-14.
27. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2004. – № 1. – С. 18-36.
28. Бушев, А.Б. Лингводидактические проблемы терминологии в военном переводе Текст. / А.Б. Бушев // Терминология и перевод в 21 веке: материалы международной научной конференции. Омск, 2002. – С. 30-35.

29. Воркачев С.Г. «Из истории слов»: лингвокультурный концепт. / С.Г. Воркачев // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике». Серия «Концептуальные исследования». Отв. ред. М.В. Пименова – Вып. 8 – Кемерово: Полиграфкомбинат, 2006. – 1002 с.
30. Выготский Л.С. Психология развития человека. / Л.С. Выготский // Монография из сборника: Библиотека всемирной психологии. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. – С. 664-1018.
31. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собр. соч.: 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 5–361.
32. Гатаулина Н.А. Анализ юридического термина «Consideration» с использованием когнитивно-семантического и системного подходов / Н.А. Гатаулина // Сборник научных трудов по материалам второй Международной научной конференции «Язык и культура в эпоху глобализации». В двух томах – Т. 2. Вып. – СПб: Издательство СПбГЭУ, 2015 – С. 221-230.
33. Гатаулина Н.А. Методологический перекресток: когнитивная лингвистика и нейролингвистика / Н.А. Гатаулина // Когнитивные исследования языка. – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2016. – № 25. – С. 166-172.
34. Гатаулина Н.А., Киселёва С.В. Анализ слова consideration с использованием когнитивно-семантического подхода и нейрологических уровней Бейтсона Дилтса / Н.А. Гатаулина, С.В. Кисёлева // Актуальные проблемы филологии: сб. материалов всерос. научн. конф. Курган. гос. ун-т. / отв. ред. Е.Р. Ратушная. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. – С. 38-51.
35. Гоббс Т. Левиафан. / Т. Гоббс //– М.: Изд-во «Соцэкгиз», 1936.
36. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. / Е.И. Голованова – М.: Изд-во «Флинта: Наука», 2011. – 224 с.
37. Голованова Е.И. Категория рода как когнитивная матрица. / Е.И. Голованова // Челябинский гуманитарий – Челябинск: Изд-во ООО Центр интеллектуальных услуг "Энциклопедия", 2013. – 3 (24) – С. 25-30.

38. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. – 105 с.
39. Гринев С.В., Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – Москва: Московский Лицей, 1993. – 309 с.
40. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. / С.В. Гринев-Гриневиц. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
41. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретационного подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – М.: Изд-во Российской академия наук, 1994. – № 4. – С. 17–33.
42. Демьянков В.З. Сценарий. / Демьянков В.З. // В сборнике: Краткий словарь когнитивных терминов Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г., Панкрац Ю.Г. / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 181–182.
43. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – М.: Изд-во: Институт иностранных языков, 2001. – № 1. – С. 35–47.
44. Дилтс Р. Стратегии гениев. Том 1. Аристотель, Шерлок Холмс, Уолт Дисней, Вольфганг Амадей Моцарт. / Р. Дилтс. – М.: Класс, 2001. – 272 с.
45. Дилтс, Р. Моделирование с помощью НЛП. / Р. Дилтс. – СПб: Питер, 2010. – 256 с.
46. Заботкина В.И. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход // Под общ. Ред. В.И. Заботкиной. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 344с.
47. Зализняк, Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния / Анна А. Зализняк // Slavistische Beitrage. – Munchen: Otto Sagner Verlag, 1992. – 201 с.
48. Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии. (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США) диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. / В.А. Иконникова. –Москва. 2014. – 48 с.

49. Канке В.А. Философия: исторический и систематический курс: учебник для вузов. Изд-е 4-е, перераб. и доп. / В.А. Канке. – М.: Издательско-книготорговый дом «Логос», 2002. – 344 с.
50. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С.5–20.
51. Карасик, В.И. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
52. Карасик, В.И. Культурные концепты: проблема ценностей / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 3–16.
53. Киселёва С.В. Прототипический подход к выявлению содержательного ядра лексем глагола. / С.В. Кисёлева // Когнитивные исследования языка. – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2010.– № 7.– С. 281-291.
54. Киселёва С.В. Сущность многозначного слова в английском языке. / С.В. Киселёва. – СПб: Изд-во «Астерон», 2009. – 215 с.
55. Киселёва С.В., Гатауллина Н.А. Когнитивный сценарий contract как ключевой концепт американского договорного права. / С.В. Киселёва, Н.А. Гатауллина // В сборнике: Лингвокультурное измерение текста и дискурса Сборник научных статей. Под редакцией И.В. Кононовой. – СПб.: Изд-во: СПбГЭУ, 2019. – С. 22-34.
56. Киселёва С.В., Гатауллина Н.А. Комплексный когнитивно-семантический анализ кластера contract essentials английского контрактного права. / С.В. Киселёва, Н.А. Гатауллина // Когнитивные исследования языка. – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2016. – № 26. – С. 539-541.
57. Киселёва С.В., Гатауллина Н.А. Структурные особенности концепта SOCIAL CONTRACT в домене общего американского язык. / С. В. Киселёва, Н. А.

- Гатауллина // Когнитивные исследования языка. – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2019. – № 37. – С. 201-206.
58. Киселёва С.В., Росянова Т.С. Когнитивный сдвиг в современном зарубежном терминоведении: обзор основных направлений исследования. / С.В. Киселёва, Т.С. Росянова // Вестник курганского государственного университета. – Курган: Изд-во Курганский государственный университет, 2018. – № 2 (49). – С. 21-25.
59. Киселёва, С. В. Когнитивная лингвистика в русле парадигмы современных знаний / С. В Киселёва // Диалог Культур – 2010: Наука в обществе знания: сб. науч. трудов международной науч.-практ. конф. – СПб.: Изд-во СПб. Академии управления и экономики, 2010. – С. 199-201.
60. Клепикова Т.А. Метакогниция и язык / Т.А. Клепикова // Вестник Тамб. ун-та. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2008. – 3(59) – С. 155- 158.
61. Ковальчук Л.П. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. / Л.П. Ковальчук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2011. – 1 (8) – С. 97-101.
62. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. / З.И. Комарова. – Екатеринбург: Ур-ФУ, 2012. – 818 с.
63. Комарова З.И. Основы системной методологии современной полипарадигмальной лингвистики / З.И. Комарова // Челябинск: Вестник Челябинского государственного университета, 2013 – 24 (315) – С. 23-30.
64. Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): дис. ... д-ра филол. наук / И.В. Кононова. – СПб., 2010. – 361 с.
65. Костин А.В. Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В.И. Даля (на материале концепта «вода»). Автореф. дис....канд. филол. наук. Иваново, 2002. / А.В. Костин. – Иваново, 2002. – 20 с.

66. Кофман Е.П. Средства выражения категории отрицания в английском языке. / Е.П. Кофман. 2011. – № 8 – С. 257-260.
67. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова // Ин-т. Языкознания РАН., отв. Ред. В. Ф. Новодранова – М.: Знак, 2012. – 208 с.
68. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный». / Е.С. Кубрякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.–Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 4-10
69. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2004. – № 1. – С.6-17.
70. Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума / Е.С. Кубрякова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. Тамбов, 2006. – С. 26-31.
71. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
72. Кубрякова, Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е.С. Кубрякова // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 67–80.
73. Кубрякова, Е.С. Человеческий фактор в языке Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный; Отв. ред. Е.С. Кубрякова; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1991. – С. 4–20.
74. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века: сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – С. 144–218.
75. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. (На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира) / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

76. Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в металингвистику: Лингвистическая терминология в коммуникативно-прагматическом аспекте.1. / И.С. Куликова, Д.В. Салмина. – СПб.: САГА, 2002. – 352 с.
77. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 12-51.
78. Лату М.Н. Когнитивные аспекты образования синонимии в терминологии (на примере англоязычной и русскоязычной терминологии программирования). / М.Н. Лату // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск: Изд-во Челябинский государственный университет, 2011. – № 24 (239). С. 84-86.
79. Лейчик В.М. Динамика термина (три возраста термина) / В.М. Лейчик // Non multum, sed multa: немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч. тр. В честь В.Ф. Новодрановой / редкол.: Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 351-359.
80. Лейчик В.М. Применение системного подхода для анализа терминосистем / В.М. Лейчик // Терминоведение и профессиональная лингводидактика / Под ред. Татаринова В.А. – М.: Московский лицей, 1993. – С. 19–30.
81. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. / Лейчик В.М. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 256 с.
82. Лейчик В.М. Терминология – терминосистема – терминополь / В.М. Лейчик // Научно-техническая терминология: Материалы XII межд. конф. “Нормативное и описательное терминоведение” – М., 2007. – Вып. 1. – С. 25–28.
83. Лейчик В.М. Термины-синонимы, дублеты, эквиваленты, варианты / В.М. Лейчик // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: межвуз. сб. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1973. – Вып. 2. – С. 103-107.
84. Лейчик, В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века / В.М. Лейчик // Вопросы филологии. – М.: Институт иностранных языков, 2000. – № 2(5). – С. 20-30.
85. Лейчик, В.М. Термины-синонимы, дублеты, эквиваленты, варианты / В.М. Лейчик // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1973. – Вып. 2. – С. 103-107.

86. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина: На материале русской лингвистической терминологии. / дис. ... доктор. филол. наук / А.В. Лемов. – Саранск: 2000. – 359 с.
87. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. / Д.С. Лихачев // Серия литературы и языка. – М., 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3-9.
88. Локк Дж. Сочинения в 3-х т., т.1. / Локк Дж. – М.: Мысль, 1985.
89. Максименко Е.С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем: На материале английской и американской юридической терминологии / дис. ... канд.филол.наук / Е.С. Максименко – Саратов: 2002. – 194 с.
90. Манерко Л.А. Аспекты моделирования ментальных процессов при описании терминосистемы / Л.А. Манерко // Терминология и знание: мат-лы I Межд. симпозиума (Москва, 2008). – М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2009. – С. 65-78.
91. Манерко Л.А. Исследование концептуализации и категоризации в современном терминоведении / Л.А. Манерко // Когнитивные исследования языка. – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2009 – С. 123-131.
92. Манерко Л.А. Когнитивное терминоведение как отражение антропоцентрического и конструирующего взгляда на терминосистемы и специальный дискурс. Сходства и различия концептуализации понятия contract в обще-американском и юридическом американском языках. / Л.А. Манерко // Когнитивные исследования языка. – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2018. – Вып. XXXIV. – С. 720-724.
93. Манерко Л.А. Научная картина мира в свете когнитивно-дискурсивной концепции в лингвистике. / Л.А. Манерко // Научно-техническая терминология: научно-реферативный сборник, 2002. – С. 47-48.
94. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. / В.А. Маслова– Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.

95. Нехорошева А.М. Концептуальная метафора как механизм реализации когнитивной матрицы "свой - чужой" в политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель). / А.М. Нехорошева // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2012 – 4 (42) – С. 157-162.
96. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. 2-е изд., доп. и испр. / М.В. Никитин – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.
97. Нильсен Е.А. Лингвокогнитивные модели эволюции темпоральных номинаций. Дис... д-ра филол. наук. / Е.А. Нильсен. – СПб., 2015.– 535 с.
98. Новодранова В.Ф. Методы когнитивного анализа в исследованиях языков для специальных целей / В.Ф. Новодранова // Вопросы терминоведения. – М.: МГПИ, 2012. – Вып. 1. – С. 87-90.
99. Новодранова В.Ф. Развитие когнитивного терминоведения в России в начале XXI века / В.Ф. Новодранова // Когнитивные исследования языка: Механизмы языковой когниции: сборник научных трудов / отв. ред. вып. В.З. – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2013.–№ 15.– С. 92-100.
100. Песина С.А. Семантическое единство многозначного слова. / С.А. Песина // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. Западно-Сибирский научный центр. 2016. – С. 29-32.
101. Песина С.А., Зимарева О.Л. Кластерная семантика и антропоцентрическая парадигма. / С.А. Песина, О.Л. Зимарева // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16-18 мая 2019 г. / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев, отв. ред. вып. Т.В. Романова. – Нижний Новгород: Издательство ДЕКОМ, 2019. С. 95-100 – 1144 с.
102. Пешкова Е., Шуйцева И.А. Лексико-грамматические различия в британском и американском вариантах английского языка и причины их возникновения. / Пешкова Е., Шуйцева И.А. // Язык науки и техники в современном мире //

- материалы VI Международной научно-практической конференции. 2017. – С. 138-142.
103. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка научное издание (Изд. 2-е, перераб. и доп.) / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 250 с.
104. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
105. Правикова Л.В. Когнитивная и когитативная лингвистика. / Л.В. Правикова // Вестник Пятигорского государственного университета. – Пятигорск: ПГУ, 1999. №2. – С. 37-44.
106. Реформатский А.А. Введение в языковедение. Учебник для вузов. Гриф МО РФ. // Издание 5-е, исправленное. / А.А. Реформатский. – М.: Аспект-Пресс, 2017 – 536 с.
107. Руберт И.Б. К вопросу о регулятивной роли концепта. / И.Б. Руберт // Когнитивные исследования языка – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2015. – № 22 – С. 232-233.
108. Руберт И.Б. К вопросу о роли лингвистического анализа текстов / И.Б. Руберт // В сборнике: Актуальные проблемы современной лингвистики сборник статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Руберт И.Б. – СПб.: Изд-во СПб ГЭУ, 2016. – С. 6-18.
109. Руберт И.Б. Концепты регулятивных текстов в эволюционном аспекте / И.Б. Руберт // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных трудов по материалам первой международной научной конференции «Язык и культура в эпоху глобализации». Выпуск 1. В 2-х томах. Т. 1. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013. – С. 39-52.
110. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. / СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
111. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Дис. ... д-ра филол. наук. / Г.Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 323 с.

112. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г.Г. Слышкин // Вестник Воронежского государственного университета. – Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1. – С. 29-34.
113. Стернин И.А. Типы значений и концепт / И.А. Стернин // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 257-282.
114. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева // Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2012.
115. Татаринов В.А. Теория терминоведения. / В.А. Татаринов – М.: Моск. Лицей, 1996. – Т.1: Теория термина: История и современное состояние. – 311 с.
116. Тимашова Е.В. Американский и британский английский: сходства и отличия. / Е.В. Тимашова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. – № 2-2. – С. 41-47.
117. Толикина Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина / Толикина Е.Н. // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 53-67.
118. Фридмэн Л. Введение в американское право. / Л. Фридмэн // Под ред. М. Калантаровой. – М.: Издательская Группа «Прогресс» «Универс», 1993. – 286 с.
119. Харитончик, З.А. Лексикология английского языка: Учеб.пособие. / – Минск: Выш. шк., 1992. – 229 с.
120. Хижняк С.П. Когнитивное и традиционное терминоведение. / С.П. Хижняк. // Русский язык и литература в образовательном процессе материалы международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 94-100.
121. Хижняк, С.П. Основы юридической лингвистики: учебное пособие / С.П. Хижняк. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2011. – 124 с.
122. Хижняк, С.П. Когнитивная проблематика в общей теории термина: Монография. / С.П. Хижняк. – Саратов: ИЦ «Наука», 2016. – 172 с.
123. Хижняк, С.П. Терминологическое значение, концептуальное содержание и дефинитивная основа системности юридической терминологии / С.П. Хижняк //

- Вестник Саратовской государственной юридической академии. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. академии права, 2013а. – № 2. – С. 208-213.
124. Хижняк, С.П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии): автореф. дис. ... докт. филол. наук. / С.П. Хижняк. – Саратов, 1998. – 39 с.
125. Чибисова Е.Ю. К вопросу о различиях британского и американского вариантов английского языка / Е.Ю. Чибисова // Наука и современность. – Новосибирск: ООО Центр развития научного сотрудничества, 2010. – №3-2. – С. 296-301.
126. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Чудинов А.П. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. – 176 с.
127. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира / А.Д. Шмелев // Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 225 с.
128. Abadía-Barrero César Ernesto. Neoliberal Justice and the Transformation of the Moral: The Privatization of the Right to Health Care in Colombia // Medical Anthropology Quarterly, 2016. – Vol. 30 (1).
129. Barnet E. Randy. Contract is not promise; contract is consent. / E. Randy Barnet // Suffolk university law review. Vol. XLV. – 2012 – pp. 647-665.
130. Chitty Joseph Jr. A Treatise on the Law of Contracts. 2019. 150 стр. : Containing the Sale of Goods ACT (Classic Reprint) Reprint of the 1834 ed. published by S. Sweet, London: <https://www.bookdepository.com/es/Treatise-on-Law-Contracts-Joseph-Chitty-Jr/9780260245489?ref=grid-view&qid=1567451120335&sr=1-4>
131. Dilts, Robert B. Strategies of Genius. / Volume II. Albert Einstein / Dilts, Robert B – Capitola, California, USA: Meta Publications, 1994. – 255p.
132. Eisenberg, Melvin A. Principles of Consideration. Recommended Citation. 67 Cornell L. Rev. 640 (1981), Experimental Psychology, 1981: General 104: 192-233: <http://scholarship.law.berkeley.edu/facpubs/2040>.
133. Fauconnier G. Mappings in thought and language. / G. Fauconnier – Cambridge University. Press, 1997. – NY. USA (UK. Cambridge) – 214 p.

134. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks. /G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. – Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. – P. 303-371.
135. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. / G. Fauconnier, M. Turner – N.Y.: Basic Books, 2002. – 440 p.
136. Fried Ch. Contract as promise: a theory of contractual obligation / Fried Ch. – Cambridge Massachusetts & London, English: Harward University Press. – 1976. – P. 146.
137. Gatzlaff K., Avila S., Fitzgerald J., 2015: Material Misrepresentations in Insurance Litigation: An Analysis of Insureds' Arguments and Court Decisions. // Journal of Insurance Regulation. Cassandra Cole and Kathleen McCullough. Co-Editors. 2015. Vol. 34, No. 3.: http://www.naic.org/prod_serv/JIR-ZA-34-03-EL.pdf
138. Geeraerts D. The theoretical and descriptive development of lexical semantics // The Lexicon in Focus. Competition and Convergence in Current Lexicology, edited by Leila Behrens and Dietmar Zaefferer, 2002. – 219 p. – pp. 23-42.: <http://wwwling.arts.kuleuven.be/qlvl/PDFPublications/02Theoreticalanddescriptive.pdf>
139. Gould, Stephen J. Parting Company / Stephen J. Gould // Natural History. Vol.38. – Sep Vol. 123 Issue 7 – 2015,, – P. 42-45.
140. Janicki, E.A. Contracts as speech acts: Bringing Jakobson to the conversation. / E.A. Janicki // Georgetown Law Journal, 2018. – Volume 107. – Issue 1. – P. 201-233.
141. Janko, Jiri. Linguistically Integrated contractual interpretation: incorporating semiotics theory of meaning-making into legal interpretation. / Jiri Janko//J.D. Candidate. – Camden: Rutgers University School of Law, 2007. – Vol.38.
142. Kimel, D. Fault and Harm in Breach of Contract. / D. Kimel // Fault in American contract law. Edited by Omri Ben-Shahar. – Suniversity of Chicago Law School: Cambridge University Press. 2009. – P. 1341-1348.

143. Kiseleva S.V., Trofimova N. A. Metaphor as a device for understanding cognitive concepts. / S.V. Kiseleva, N. A. Trofimova // *Revista de Lenguas para Fines Específicos*, 2017. –23.2– P. 226-246.
144. Lakoff G., Johnson M. The Metaphorical Structure of the Human Conceptual System. / G. Lakoff, M. Johnson // *Cognitive Science*, 1980, 4. – P. 195-208.
145. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought*. / New York, NY: Basic Books, 1999. – 627 p.
146. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 256 p.
147. Lakoff, G. *Women, fire and dangerous things: What Categories Reveal about the Mind* / G. Lakoff. – Chicago; L.: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
148. Lee, J., Yi, J.-S, Son, J. Development of Automatic-Extraction Model of Poisonous Clauses in International Construction Contracts Using Rule-Based NLP. / J.Lee, J.-S. Yi, J. Son, // *Journal of Computing in Civil Engineering*, 2019. – Volume 33 – Issue 3.
149. MacMillan, C., Stone, R. *Elements of the law of contract* / University of London International Programmes / C. MacMillan, R. Stone. – University of London, 2012.
150. Manerko L. Towards understanding of conceptualisation in cognitive terminology / L. Manerko // *Lege Artis – De Gruyter Open*2016/12/1– Tom 1 – Homep 2 – P.129-170.
151. Mcleod I. *Key concepts of Law*. / 2nd edition / I. Mcleod – Palgrave MacMillan, England 2010. – 274 p.
152. Nolfi Edward A. *Legal Terminology Explained*, /Edward A. Nolfi, – New York, NY: McGraw-Hill, Higher education, 2009 – 407 p.
153. Orsinger, Richard R. *The Rise of Modern American Contract Law. Chapter 2*. 2015. :<http://www.orsinger.com/PDFFiles/the-Rise-of-American-Contract-Law.pdf>
154. Rosch E.H. Cognitive representation of semantic categories. / Rosch E.H. // *Journal of Experimental Psychology* – 104(3). – 1975– P.192-233.
155. Rosch, E.H. Principles of categorization. / E.H. Rosch // *Cognition and Categorization*. In Eleanor Rosch and Barbara B. Lloyd (eds.) – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978. – P. 27–48.

156. Scalia A. & Garner Bryan A. A note on the use of dictionaries.:
http://www.greenbag.org/v16n4/v16n4_articles_scalia_and_garner.pdf
157. Schank, R.C. Dynamic Memory: A Theory of Reminding and Learning in Computers and People. / R. C. Schank – Cambridge: Cambridge Univ. Press., 1983. – 272 p.
158. Wierzbicka, A. The case for surface case / A. Wierzbicka. – Ann Arbor: Karoma Publishers Inc., 1980. – 182 p.

Список словарей и интернет-источников

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
2. Проспект: Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире) / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 2004. – 135 с.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
4. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
5. Gifis H. Steven. Barons Law Dictionary. – NY: Baron's Educational Series, Inc., 2016. – 612 p.
6. Garner, Bryan A. Black's Law Dictionary (9th ed. 2009). US: West Group, 2009. – 1920 с.
7. [КЛ] – Киберленинка-Научная Электронная Библиотека «КИБЕРЛЕНИНКА»: <https://cyberleninka.ru/>
8. [ЛЭС] – <http://tapemark.narod.ru/les/035b.html>
9. [РГБ] – Российская Государственная библиотека: <https://www.rsl.ru/>
10. [ФЭС] – Философия: Энциклопедический словарь.– М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.–1072 с.
11. [АВАРСЛ] – American Bar Association. Public Contract Law Journal. : https://www.americanbar.org/groups/public_contract_law/
12. [АВВУУ LL] – АВВУУ Linvo Live. : <https://www.lingvolive.com/ru-ru>

13. [AHD] – American Heritage Dictionary of the English Language, Fifth Edition. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2011.
14. [AHDEL] – The American Heritage Dictionary of the English language, 2016. : <http://americanheritage.yourdictionary.com/>
15. [AOG] – Allen & Overy, group of lawyers. Basic Principles of English contract law. : <http://digitalcommons.law.wustl.edu/lawreview/vol65/iss4/9>
16. [CACD]–Cambridge Academic Content Dictionary.: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/>
17. [CAED]–COBUILD Advanced English Dictionary.: <https://www.collinsdictionary.com/us/dictionary/english>
18. [CBSB] – CaseBriefs StudyBuddy : <https://www.casebriefs.com/studybuddy/>
19. [CD]–Cambridge Dictionary on-line: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/>
20. [CED] – Collins English Dictionary – Complete and Unabridged, Harper Collins Publishers, 2003.
21. [CILE] – Contracts: Introduction to Contracts. Center for Innovation in Legal Education.: <https://www.youtube.com/watch?v=prorUcdD98c>
22. [CLS] – Cornell Law School. <https://www.law.cornell.edu/wex/all>
23. [COCA]–Corpus of Contemporary American English.: <https://corpus.byu.edu/coca/>
24. [DLD]–Duhaime's Law Dictionary.: <http://www.duhaime.org/dictionary/diction.aspx>
25. [DLO] – A Dictionary of Law by Martin, E.A., Law J. Oxford, 2006.
26. [FL] – FindLaw.: <http://legalblogs.findlaw.com/>
27. [FL] – Legal Terms at Find Law.: dictionary.findlaw.com/
28. [FOLD]–Legal Dictionary – Free online dictionary: <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/>
29. [HLR]–Harvard Law Review. Contract Law.: <http://harvardlawreview.org/topics/contract-law/>
30. [HLR]–Harvard Law Review. Forum.: <http://harvardlawreview.org/2014/05/of-priors-and-disconnects/>

31. [IP] – Investopedia.: <https://www.investopedia.com/>
32. [LC] – LAW.COM.: <https://dictionary.law.com/Default.aspx?selected=337>
33. [LD] – Lord Dunedin, Dunlop Pneumatic Tyre Co. Ltd. v Selfridge & Co. Ltd., [1915] AC 847/United Kingdom, Court: House of Lords, Judges: Viscount Haldane LC and Lords Dunedin, Atkinson, Parker of Waddington, Sumner, and Parmoor.
34. [LDAE] – Longman Dictionary of American English. – Harlow, UK: Pearson Education Limited/Edinburgh Gate, 2009.
35. [LDCE] – Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Education Limited. Seventh edition, 2003.
36. [LDCLT]–Legal Dictionary. Contract Law Terms: <https://legaldictionary.net/contract-law/>
37. [LL] – Law Library. American Law and Legal Information.: <https://law.jrank.org/>
38. [LT] – Law Teacher. URL: <https://www.lawteacher.net/>
39. [MR]–Attorneys at Law, Florida Whistleblower Qui Tam Lawyers: <https://www.mccaberabin.com/>
40. [MWD] – Merriam-Webster Dictionary.: <https://www.merriam-webster.com/>
41. [MWDL] – Merriam-Webster Dictionary. Law domain.: <https://www.merriam-webster.com/>
42. [NFD] – Nolo's Free Dictionary Of Law Terms and Legal Definitions Legal Definitions from A to Z.: <https://www.nolo.com/dictionary>
43. [ODL] – Oxford Dictionary of Law. Fifth Edition.// E. Martin. – Oxford University Press, 2003.
44. [OED] – Online Etymology Dictionary.: <https://www.etymonline.com/word/>
45. [QB] – Quimbee. US.: URL: <https://www.quimbee.com/>
46. [QR] – Quora.com
47. [RG] – Research Gate.: <https://www.researchgate.net/>
48. [SEP]–Stanford Encyclopedia of Philosophy.: <https://plato.stanford.edu/contents.html>
49. [USC]–The Constitution of the United States, The Bill of Rights). :<https://www.usconstitution.net/const.pdf>]

50. [USL] – USLegal.: <https://uslegal.com/>
51. [WCD] – Random House Kernerman Webster's College Dictionary. – Random House Inc., 2010
52. [WEAL] – West's Encyclopedia of American Law, edition 2. – The Gale Group, Inc. 2008.
53. [WLD] – Webster's New World Law Dictionary. // Susan E. Wild, Legal Editor, Canada. 2006. [tp://websters.yourdictionary.com/](http://websters.yourdictionary.com/)
54. [WLU]–Washington and Lee University of Law. Law Library. [:http://lawlib.wlu.edu/LJ/index.aspx](http://lawlib.wlu.edu/LJ/index.aspx)
55. [WNWCD] – Webster's New World College Dictionary. 2010 by Wiley Publishing, Inc., Cleveland, Ohio.

Приложение 1. Содержательное ядро терминосистемы американского договорного права.

В таблице представлены терминологические единицы, входящие в систему содержательного ядра АДП. Частотность представлена в третьей колонке таблицы количеством источников сайта USLegal, использующих данную терминологическую единицу в статьях, дефинициях, ответах на вопросы клиентов. В четвертой колонке даны количественные показатели частотности в процентном отношении к частотности термина *contract*. Наиболее частотные элементы ядра выделены жирным шрифтом. Элементы ценностного кластера *Mutuality* также выделены жирным курсивом.

№	Терминологическая единица	Частотность, количество результатов, сайт USLegal	Частотность результатов в процентном отношении к частотности <i>contract</i>
1.	Contracts	20700	321,9
2.	contract law	15800	245,7
3.	free will (of contract)	11100	172,6
4.	agreement	9910	154,1
5.	legal agreement	9900	154,0
6.	act	9060	140,9
7.	rights	7450	115,9
8.	legal contract	6990	108,7
9.	contract	6430	100,0
10.	reasonable	6400	99,5
11.	contractor	6210	96,6
12.	value	5890	91,6
13.	legal value	5640	87,7
14.	offer	4380	68,1
15.	formation of contract	4350	67,7
16.	party (of contract)	4350	67,7
17.	contract formation	4340	67,5
18.	consideration	3870	60,2
19.	obligations of contract	3710	57,7
20.	reasonable person	3590	55,8

21.	obligation	3160	49,1
22.	fact	2970	46,2
23.	<i>Mutuality (cluster)</i>	2711	42,1
24.	promissory	2690	41,8
25.	contract performance	2200	34,2
26.	consent	2190	34,1
27.	performance of contract	2060	32,0
28.	contract termination	1840	28,6
29.	reasonable time	1820	28,3
30.	rights and duties / duties and rights	1800	28,0
31.	conduct	1770	27,5
32.	valid agreement	1770	27,5
33.	valid contract	1740	27,1
34.	contractual relations	1730	26,9
35.	intention	1690	26,3
36.	acceptance	1680	26,1
37.	valid contract	1670	26,0
38.	competence	1610	25,0
39.	contractual	1580	24,6
40.	good faith	1550	24,1
41.	binding contract	1470	22,9
42.	fraud	1460	22,7
43.	promise	1460	22,7
44.	written contract	1450	22,6
45.	enforceable	1390	21,6
46.	incompetent	1280	19,9
47.	remedy	1200	18,7
48.	rights and duties of contract	1200	18,7
49.	agreement to agree	1180	18,4
50.	<i>mutual agreement</i>	1160	18,0
51.	elements of contract	1120	17,4
52.	letter of intent	1080	16,8
53.	(legal) incapacity	1070	16,6
54.	enforceable agreement/ enforceable contract	1070	16,6
55.	reasonable price / reasonable contract price	1070	16,6
56.	incompetence	1060	16,5
57.	enforceable contract	1020	15,9

58.	a written instrument /a written document	1010	15,7
59.	estoppel	1010	15,7
60.	contractual rights	997	15,5
61.	capacity	989	15,4
62.	termination of contract contracts	989	15,4
63.	illegal agreement	975	15,2
64.	enforceable contract	948	14,7
65.	social contract	946	14,7
66.	subject of performance	915	14,2
67.	non-performance	909	14,1
68.	legally binding contract	881	13,7
69.	signature	844	13,1
70.	communication	837	13,0
71.	reasonable offer	826	12,8
72.	contract relations	812	12,6
73.	good faith	812	12,6
74.	good faith of contract	805	12,5
75.	offer and acceptance/offer & acceptance	787	12,2
76.	void contract	747	11,6
77.	termination of offer	740	11,5
78.	<i>mutual rights</i>	729	11,3
79.	reasonable opportunity (to know, to express, etc.)	672	10,5
80.	competent party	649	10,1
81.	UCC (the Uniform Commercial Code)	644	10,0
82.	substantial performance	639	9,9
83.	reasonable purchase	627	9,8
84.	acceptance of (an) offer	617	9,6
85.	intent	606	9,4
86.	economic value	574	8,9
87.	good consideration	567	8,8
88.	sufficient consideration	563	8,8
89.	contractual duties	536	8,3
90.	valuable (contract)	516	8,0
91.	bargain	509	7,9
92.	equitable estoppel	472	7,3

93.	a reasonable relationship to the contract	464	7,2
94.	rights and liabilities	458	7,1
95.	unenforceable agreement/contract	450	7,0
96.	freedom of contract	449	7,0
97.	express contract	440	6,8
98.	a reasonable length of time	426	6,6
99.	adequate consideration	425	6,6
100.	express and implied contracts	422	6,6
101.	promissory estoppel	421	6,5
102.	invalid contract	397	6,2
103.	implied contract	393	6,1
104.	assent	386	6,0
105.	contractual rights and duties	376	5,8
106.	promissory estoppel	372	5,8
107.	<i>mutual consent</i>	371	5,8
108.	substantial performance of contract	357	5,6
109.	contract formalities	348	5,4
110.	manifestation	339	5,3
111.	competency	337	5,2
112.	enforceable promise	335	5,2
113.	implied-in-fact contract	326	5,1
114.	valuable consideration	325	5,1
115.	counter offer	309	4,8
116.	promissory reliance	305	4,7
117.	promisee	296	4,6
118.	reasonable interpretation	288	4,5
119.	promisor	271	4,2
120.	spoken contract/ oral contract	269	4,2
121.	past consideration	263	4,1
122.	lack of performance	261	4,1
123.	misrepresentation	251	3,9
124.	detrimental reliance	225	3,5
125.	unilateral contract	221	3,4
126.	bilateral contract	219	3,4
127.	reasonable delay	218	3,4
128.	implied acceptance	205	3,2

129.	communication of acceptance	181	2,8
130.	enforceability	170	2,6
131.	a reasonable substitute	169	2,6
132.	good and valuable consideration	168	2,6
133.	<i>mutual promises / mutual promises of contract</i>	162	2,5
134.	voidable contract	162	2,5
135.	acceptance by silence	155	2,4
136.	reasonableness	151	2,3
137.	doctrine of substantial performance	117	1,8
138.	offeror	89	1,4
139.	contract essentials	86	1,3
140.	contract essentials	86	1,3
141.	express acceptance	83	1,3
142.	the requisite elements	81	1,3
143.	relatively reasonable price	79	1,2
144.	offeree	77	1,2
145.	intention to create legal relations	63	1,0
146.	<i>mutual assent</i>	58	0,9
147.	competency and capacity	55	0,9
148.	manifestation of consent	41	0,6
149.	commercially reasonable efforts	40	0,6
150.	<i>mutuality of obligation(s)</i>	40	0,6
151.	<i>mutuality of contract</i>	39	0,6
152.	<i>mutuality of contract law</i>	38	0,6
153.	<i>doctrine of mutuality</i>	37	0,6
154.	<i>mutuality of agreement</i>	35	0,5
155.	<i>mutual intention</i>	23	0,4
156.	<i>mutuality of remedy</i>	19	0,3
157.	genuine assent	10	0,2

Приложение 2. Список терминологических сокращений в тексте

1. **SCOЕ** - упрощенная модель SCORE, модифицированная в соответствии с задачами исследования;
2. **SCORE** – нейролингвистическая линейная модель Symptom-Cause-Outcomes-Resources-Effect [например, Дилтс, 2001: 54, 164];
3. **АДП** – американское договорное право;
4. **КЛ** – когнитивная лингвистика;
5. **ЛЕ** – лексическая единица;
6. **ЛСВ лексической единицы** – лексико-семантический вариант(ы) лексической единицы;
7. **НЛУ** – нейрологические уровни модели Бейтсона-Дилтса [например, Dilts, 1994; Дилтс, 2001, 2010];
8. **ННЗ** – номинативно-непроизводное значение полисеманта;
9. **ОАЯ** – общий американский язык, общий английский язык США;
10. **С.** – *contract*, сокращение, принятое в случае обширного списка названий договоров или представления результатов частотности отдельных словосочетаний, содержащих лексифескую единицу *contract*;
11. **СЯ**– содержательное ядро лексической единицы, концепта, концептосферы;
12. **ЮАЯ** – юридический английский язык.